

Жонг изучения наследия
П. А. Столыпина

П. А. Пожигайло, В. В. Шелохаев

Петр Аркадьевич
Столыпин

Интеллект и воля

Москва
РОССПЭН
2011

*Работа над проектом и его издание осуществлены
фондом изучения наследия
П. А. Столыпина*

К 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина

Пожигаило П. А., Шелохаев В. В.

П 46 Петр Аркадьевич Столыпин. Интеллект и воля. – М.:
Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. –
239 с.

В монографии впервые предпринята попытка комплексного анализа столыпинской концепции разрешения системных кризисов, программы его масштабных преобразований, технологий ее реализации, итогов и перспектив реформ для исторических судеб России. Исследование позволяет понять исходный замысел, содержание и механизмы перемен, выведших Россию в число ведущих мировых держав, обеспечивавших укрепление ее целостности и единства, формирование среднего класса, гражданского общества и правового государства, повышение уровня образования и улучшение материального положения народа.

Книга адресована ученым-обществоведам, представителям политических элит и всем интересующимся проблемами прошлого, настоящего и будущего нашей страны.

УДК 63.3(2)523

*Посвящается 150-летию
со дня рождения
П. А. Столыпина*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В период масштабных трансформаций, которые уже более десяти лет переживает посткоммунистическая Россия, представляется крайне важным творчески осмыслить исторический опыт предшествовавших переходных ситуаций. В контексте этой общей посылки исследовательский интерес представляет комплексный анализ системных столыпинских преобразований начала XX в. По сути, П.А. Столыпину, как и нашим современникам, пришлось решать две глобальные и логически взаимосвязанные задачи: во-первых, обеспечить выход России из общенационального кризиса, сохраняя ее единство и целостность, ее политическую стабильность, а во-вторых, провести системные реформы, которые должны были создать условия и предпосылки для экономического роста.

Исторический опыт свидетельствует, что в переходные эпохи, как никогда, актуализируется проблема политического лидерства, обусловленная

потребностью поиска наиболее оптимального вывода общества из системного кризиса. Причем речь идет именно о таком типе политического лидера, который, осознавая потребности и вызовы современной ему эпохи, мог бы предложить обществу рациональную программу масштабных преобразований, адекватные механизмы и технологии ее реализации. Представляется, что таким лидером и стал Петр Аркадьевич Столыпин, сочетавший в себе необходимые для этого субъективные и объективные качества.

Столыпин получил основательное домашнее, гимназическое и университетское образование, свободно владел тремя европейскими языками. Система классического среднего (Виленская и Орловская гимназии) и высшего образования (физико-математический факультет Петербургского университета), существовавшая в 70–80-х гг. XIX в. в России, сыграла важную роль в формировании мировоззренческих представлений Столыпина. Если учесть его природные данные: усидчивость и настойчивость в познании и проникновении в «суть вещей», проявленная им склонность к самостоятельному творчеству (сдача экстерном экзаменов и представление к защите дипломной работы, за которую он в ноябре 1885 г. получил степень кандидата; подготовка и издание им биб-

лиографического указателя литературы по сельскому хозяйству в 1886 г.), то можно констатировать, что Столыпин обладал именно творческим типом мышления, способностью не только генерировать, но и реализовывать идеи.

Столыпин от природы имел волевой характер, позволивший ему проявлять упорство в достижении поставленной цели. В отличие от многих своих великосветских богатых сверстников он совмещал учебу в университете (в связи с ранней женитьбой) со службой на низших чиновничьих должностях в Министерстве внутренних дел, а затем в департаменте земледелия и сельскохозяйственной промышленности Министерства государственных имуществ. С одной стороны, он считал важным сочетать теоретическую подготовку с практикой, а с другой — не пожелал перекладывать бремя забот о молодой семье на родителей.

В качестве уездного, а затем губернского предводителя дворянства Ковенской губернии Столыпин прослужил более тринадцати лет. Разумеется, как и подавляющее большинство чиновников, он вполне бы мог ограничиться формальным исполнением определенного круга должностных обязанностей. Однако Столыпин пошел другим путем. За эти годы ему удалось провести ряд важных мероприятий в масштабах сначала уезда, а затем

и губернии (открыть общеобразовательные и специальные школы, сельскохозяйственные общества, расселить крестьян на хутора), создать собственное рациональное хозяйство. Им был подготовлен ряд аналитических записок (о страховании рабочих, о введении земского самоуправления в западных губерниях), несколько докладов (например, «Об экспорте в Германию живого скота и мяса в связи с положением ветеринарного дела в губернии»), направленных в Министерство внутренних дел. Эти документы убедительно раскрывают широту кругозора их автора, стремящегося внимательно изучить, а главное, осмыслить западноевропейский опыт разрешения социальных конфликтов и попытаться применить его к конкретным российским условиям. Уже на первом этапе своей административной деятельности (на посту предводителя дворянства, а затем и исполняющего обязанности гродненского губернатора) Столыпин сформировался в деятеля общегосударственного масштаба. Определяющими для него были не узорегиональные, а общенациональные интересы России. Именно в данном проблемном национальном регионе Столыпин впервые остро ощутил важность и жизненную необходимость сохранения единства империи как целого. Опыт работы в западных губерниях России способствовал

формированию его как подлинного государственника, оценивающего и решающего региональные проблемы в контексте общенациональных.

На посту саратовского губернатора во всей полноте раскрылись другие его качества: твердая и непреклонная воля в подавлении разного рода эксцессов экстремистского характера, личное мужество, проявленное им в экстремальных ситуациях, способность вести диалог с рационально мыслящими представителями различных общественных и социальных кругов в условиях революции 1905 г.

Эти качества Столыпина и стали определяющими при выборе его кандидатуры на высшие государственные посты: министра внутренних дел (апрель 1906 г.) и председателя Совета министров (июль 1906 г.). На этих должностях во всей полноте раскрылся творческий государственный тип мышления Столыпина, его последовательная и непреклонная воля в реализации поставленных задач модернизации страны. В 1906–1911 гг. Столыпин блестяще проявил себя в роли выдающегося государственного и политического деятеля России.

Столыпинскому периоду российской истории посвящена огромная историография, созданная несколькими поколениями отечественных и зарубежных исследователей, принадлежащих к раз-

личным идеологическим направлениям и научным школам¹. В советской марксистской историографической парадигме Столыпин изображался в роли «крепостника-помещика» и «реакционера», «махрового контрреволюционера» и «националиста-шовиниста», «обер-вешателя». В последнее десятилетие историографические оценки роли Столыпина переменялись на диаметрально противоположные².

Можно констатировать, что за почти вековой период обществоведами различных специальностей (историки, экономисты, юристы) накоплен весьма значительный фактографический материал, который, однако, продолжает нуждаться в критическом переосмыслении. Историографический парадокс состоит в том, что до настоящего времени нет ни одного специального исследования, посвященного изучению мировоззренческих, идеологических представлений самого Столыпина-

¹ См.: *Столыпин П.А.* Библиографический указатель. – М., 2002.

² См.: *Зырянов П.Н.* Петр Столыпин. Политический портрет. – М., 1992; *Сидорович Г.П.* Столыпин. Жизнь за Отечество. Жизнеописание. (1862–1911). – М., 2002; *Федоров Б.Г.* Петр Аркадьевич Столыпин. – М., 2002; *Давыдов М.А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). – М., 2003; *Столыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод.* Документы. Переписка. Мемуары. – М. 2003; *Бородин А.П.* Столыпин. Реформы во имя России. – М., 2004.

на, которые как раз и лежали в основе замысла его преобразований.

Преодолеть имеющиеся историографические парадоксы и перекосы позволяет изданная Фондом изучения наследия П.А. Столыпина серия фундаментальных документальных публикаций, содержащих огромный массив источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот³. В своей совокупности эти документы и материалы дают вполне реальную возможность начать качественно новый этап историографического изучения одного из крупнейших российских реформаторов. Едва ли нужно специально доказывать, что без изучения этих базовых оснований, определявших вектор реформ, невозможно дать объективной оценки и роли Столыпина в истории России XX века.

В предлагаемой вниманию читателя монографии впервые предпринята попытка «увязать» в единый контекст комплекс проблем:

- мировоззренческие основы столыпинской концепции разрешения системных кризисов;
- анализ замысла, содержания и направленности его реформ;

³ См.: *Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы*: В 2 т. – М., 2003; *Тайна убийства Столыпина*. – М., 2003; *Столыпин П.А. Переписка*. – М., 2004.

— технологии реализации правительственного курса;

— непосредственные результаты преобразований и их пролонгированное воздействие на развитие страны.

Такой подход представляется наиболее перспективным не только для приращения собственно историографических знаний, но и в не меньшей степени для прогностических выходов на современность.

Глава первая

КОНЦЕПЦИЯ РАЗРЕШЕНИЯ СИСТЕМНЫХ КРИЗИСОВ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕФОРМ

Основываясь на совокупности имеющихся на данный момент в нашем распоряжении источников (непосредственно связанных с именем Столыпина), попытаемся систематизировать прежде всего смысловые высказывания, позволяющие воссоздать базовые мировоззренческие, идеологические и политические представления премьер-министра.

Для любого творчески мыслящего человека, а тем более реального политика, занимающего ключевые государственные посты в переходные эпохи, крайне важно «ухватить» сущностные, характерные черты трансформационного процесса, понять его внутреннюю логику и вектор развития. Подчеркнем, что Столыпин прекрасно осознавал масштабность переживаемой Россией в начале XX в. трансформации и давал ей адекватные оп-

ределения: «эпоха перемен», «великий перелом», «перестройка и брожение», «период перестройки», «великий исторический перелом», «время переустройства всех государственных законодательных устоев» и т. д.¹ В представлении Столыпина речь шла о том, что Россия вступила в стадию крупномасштабного переходного периода, что в ней идет процесс «новоскладающейся государственной жизни»², формирование нового типа системы общественно-политических отношений. Представляется, что Столыпин вполне реалистически определял и хронологические рамки трансформационного процесса. В интервью саратовской газете «Волга» 1 октября 1909 г. премьер-министр заявил: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего. И вы не узнаете нынешней России!» Рассматривая процесс коренного переустройства страны, Столыпин выделял задачи властных структур и их ответственность перед Россией за ход и исход предлагаемых обществу глобальных перемен. «Безумием было бы полагать, — подчеркивал он, — что люди, которым вручена была власть, во время великого исторического пе-

¹ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. – М., 1991. – С. 50, 51.

² Там же. – С. 51.

релома, во время переустройства всех государственных, законодательных устоев, чтобы люди не сознавали всю тяжесть возложенной на них задачи, не сознавали и тяжести взятой на себя ответственности»³. Напомним, что эволюционное течение модернизационного процесса, инициированного «сверху» в 1861 г., было прервано революцией 1905–1907 гг. Начавшийся в России «прерыв постепенности» показал, во-первых, что предложенный тип модернизации страны в рамках старой политической системы уже исчерпал себя и власть не справляется с решением конфликтов мирным путем, а, во-вторых, революция инициировала «снизу» вопрос о смене типа модернизации с учетом вызовов новой исторической эпохи. Спровоцированные революцией «анархия и хаос», чреватые непредсказуемыми последствиями, настоятельно потребовали и от власти, и от общества кардинального пересмотра существующей между ними прежней системы отношений и поиска рационального выхода из общенационального кризиса.

Как реалистически мыслящий политик, учитывающий опыт ранних западноевропейских революций, Столыпин понимал всю сложность и амбивалентность ситуации, сложившейся в услови-

³ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 63.

ях системного кризиса в стране. Поэтому в рамках переходного периода он предлагал решить две взаимосвязанные проблемы. Первая (т. н. отрицательная задача) состояла в оперативном прекращении революции и выводе страны из состояния деструкции, что привело бы к стабилизации политической обстановки. Вторая (т. н. положительная задача) сводилась к проведению системных реформ, позволявших, в конечном счете, создать динамично развивающуюся Великую Россию. Приведем ключевое высказывание Столыпина, которое, с одной стороны, свидетельствует о его знакомстве с опытом западноевропейских революций XVII–XIX вв., а с другой — о его способности учитывать и творчески перерабатывать этот опыт, умело применяя его к конкретной российской действительности. «Реформы, — писал он, — во время революции необходимы, так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину. К тому же этот путь торжественно возведен, создана Государственная дума, и идти назад нельзя. Это было бы роковой ошибкой: там, где правительство победило революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физической силой, а тем,

что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия — признак бессилия правящей власти»⁴.

Понимая, что власть должна, обязана выполнить непопулярную в оппозиционных общественных кругах отрицательную задачу, суть которой сводилась к подавлению всеми имеющимися в руках государства средствами революционных эксцессов, Столыпин приложил максимальные усилия к ее реализации. Он был убежден в том, что любого рода «злодеяния должны пресекаться без колебаний» и «если государство не даст им действительного отпора, то теряется самый смысл государственности. Поэтому правительство, не колеблясь, противопоставит насилию силу»⁵. Он также считал, что именно «бездействие власти ведет к анархии», поэтому «для лиц, стоящих у власти, нет греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности»⁶. Отсюда следовал вывод, что «святая обязанность» правительства состоит в том, чтобы «ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все

⁴ Столыпин П.А. Переписка. — М., 2004. — С. 675.

⁵ Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы: В 2 т. — М., 2003. — Т. 1. — С. 29.

⁶ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. — С. 364.

меры, принимаемые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ»⁷.

Из этой общей посылки следовал столыпинский социологический вывод: ограждая население от революционных эксцессов, правительство обязано «идти по пути строительства, чтобы создать вновь устойчивый порядок, зиждущийся на законности и разумно понятой истинной свободе»⁸. И эта стратегическая задача созидания основ новой жизни не может, по мнению Столыпина, «меняться в зависимости от злого умысла преступников: можно убить отдельное лицо, но нельзя убить идею, которой воодушевлено правительство. Нельзя уничтожить волю, направленную к восстановлению возможности жить в стране и свободно трудиться»⁹. Как известно, с отрицательной задачей Столыпин блестяще справился и фактически обеспечил России 12-летнюю «паузу» между революцией 1905 г. и революциями 1917 г.

Однако большую актуальность представляет изучение того, как решалась Столыпиным позитивная задача — программа построения новой России. Учитывая мировой опыт переходных эпох,

⁷ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. — С. 41.

⁸ Столыпин П.А. Программа реформ. — Т. 1. — С. 30.

⁹ Там же. — С. 29.

аккумулируя его в теоретическом плане и используя в ряде случаев на практике, Столыпин, тем не менее, считал главным и определяющим собственный исторический опыт формирования и функционирования российской государственности, социокультурные традиции русского народа. В этом контексте смысловое значение приобретают высказывания Столыпина о его «неуклонной приверженности русским историческим началам», «русскому национальному пути». Красной нитью через все сохранившиеся столыпинские тексты проходит мысль о необходимости идти именно «своим, русским, национальным путем»¹⁰ как при разработке исходного замысла преобразований, так и всей технологической «цепочки» их реализации. По сути, эти идеи для Столыпина были системообразующими. Под этим углом зрения ставились и решались все без исключения проблемы переустройства России. Они определяли также и основной вектор столыпинского курса во всех сферах трансформационных изменений.

Руководящая идея Столыпина состояла в том, что реформы в своей совокупности должны непременно способствовать укреплению государственного единства и целостности России. При этом такое укрепление должно было осуществляться

¹⁰ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 338, 362, 363.

на основе «исторического ядра» государственности — русского народа и православия. Не случайно Столыпин характеризует российское государство в терминах — «монархическое», «русское», «православное». В общем и целом понимание природы и функций государства в русской истории Столыпиным вполне укладывалось в славянофильскую концепцию.

Для более подробного прояснения представлений Столыпина о государстве обратим внимание на его характеристику двух типов государства — европейского, где конституционный и парламентский режимы уже давно стали фактом, и российского, где «обновленному» после Манифеста 17 октября 1905 г. политическому строю предстояла еще длительная трансформация в направлении к правовому государству.

В первом случае, считал Столыпин, речь идет о государстве, «понимаемом как совокупность отдельных лиц, племен, народностей, соединенных одним общим законодательством, общей администрацией». Такой тип государства, «как амальгама, блюдет и охраняет существующее соотношение сил».

Второй тип государства, по мнению Столыпина, представляет государство как некую силу, союз, проводящий народные исторические начала.

Такое государство, «осуществляя народные заветы, обладает волей, имеет силу и власть принуждения, такое государство преклоняет права отдельных лиц, отдельных групп к правам целого. Таким целым я почитаю, — говорил Столыпин, — Россию»¹¹. Именно из подобного понимания ролевых функций государства вытекал неоднократно повторяемый Столыпиным тезис о том, что государство второго типа применительно к России является высшей ценностью, а его общее благо — высшим законом.

Характерно также высказывание Столыпина о том, что в экстремальной ситуации, ведущей к хаосу и непосредственно к распаду государства, исполнительная власть не только может, но и обязана использовать все меры, в том числе внеправового характера, чтобы сохранить единство и неделимость страны. Ссылаясь на исторические прецеденты, имевшие место в западноевропейских странах, Столыпин не отрицал возможности установления в России временной диктатуры, которая, по его словам, «иногда выводила государство из опасности и приводила до спасения». Так, в своей речи в Государственной думе 13 марта 1907 г. он заявил: «Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государствен-

¹¹ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 340.

ная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между цельностью теорий и цельностью отечества». Однако, считал он, такого рода «временные меры» не должны «приобретать постоянного характера», ибо когда «они становятся длительными, то теряют свою силу, а затем могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом»¹².

В контексте представлений Столыпина о природе и ролевых функциях «русского национального государства» становится понятной и вся совокупность мер, принятых им в целях укрепления единства и целостности России. Стремясь создать единое правовое, политическое, экономическое и социокультурное пространство в масштабах империи, предлагая с этой целью осуществить законодательную, административную унификацию, постепенное снятие этнических и конфессиональных ограничений с личности, Столыпин, тем не менее, считал принципиально важным и необходимым выделить в качестве приоритетных ценностей: историческую роль русского народа и православной церкви, которые, выполняя роли «скреп», должны на этапе переходного периода сохранить свои ведущие позиции в «новостроящейся» России. Отвергая огульные обвинения в «национа-

¹² Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. – С. 75.

лизме и шовинизме» в свой адрес, Столыпин подчеркивал, что выделение им двух составляющих — русского народа и православной церкви — ни в коей мере не означает ущемление и, тем более, автоматическое поглощение других многочисленных этносов и конфессий. В понимании Столыпина речь шла о сохранении и упрочении «русского ствола», выполнявшего «цементирующую роль» в многовековой истории России. Создание единого правового, экономического, политического и социокультурного пространства способствовало бы, по мысли Столыпина, постепенному разрешению этнических и конфессиональных конфликтов, более динамичному развитию страны в целом, с активным участием в этом процессе политических и поликонфессиональных групп.

Делая акцент именно на правовом характере реформирования политического строя после Манифеста 17 октября 1905 г., Столыпин обращал внимание на то, что государство в России представляет собой динамично развивающееся историческое явление. В своей программной речи 16 ноября 1907 г. в III Думе он заявил: «Ведь русское государство росло, развивалось из своих собственных русских корней, и вместе с ним, конечно, видоизменялась и развивалась и Верховная царская власть». Подчеркивая мысль об органическом росте русской государственности, Столыпин

вместе с тем считал неприемлемыми «прививки» к ней западноевропейского парламентаризма. «Нельзя к нашим русским корням, — заявил он, — к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок. Пусть расцветет наш родной русский цвет, пусть расцветет и развернется под влиянием взаимодействия Верховной власти и дарованного ею нового представительного строя»¹³. По мнению Столыпина, Манифестом 17 октября 1905 г. в России установлен «представительный строй», который был дарован «самодержавным монархом» и, следовательно, является обязательным для всех его верноподданных. В процессе дальнейшей эволюции политической системы «преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое»¹⁴. Как видим, Столыпин вполне четко и определенно сформулировал содержательный вектор переходного политического процесса — создание в России в перспективе правового государства.

Систематизируя совокупность высказываний Столыпина о роли государства и верховной власти в истории России, обратим внимание на три основных положения. Во-первых, «Верховная власть

¹³ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 107.

¹⁴ Там же. — С. 51, 53.

является хранительницей идеи русского государства, она олицетворяет собой его силу и цельность, и если быть России, то лишь при условии всех сынов ее охранять, оберегать эту власть, сковавшую Россию и оберегавшую ее от распада». Во-вторых, «историческая самодержавная власть и свободная воля монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта власть и эта воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана в минуту потрясений и опасности для государства к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды». В-третьих, все изменения политического строя в России произошли именно «сверху», по инициативе и воле монарха, установившего «правовой уклад, соответствующий русскому народному самосознанию»¹⁵.

Как видим, Столыпин по своим исходным политическим представлениям являлся последовательным сторонником монархического принципа, продолжавшего оставаться основополагающим элементом политической системы и после 17 октября 1905 г. Причем российский монарх, в отличие, например, от своих венценосных английских родственников, согласно новой редакции Основных законов 23 апреля 1906 г., продолжал сохранять

¹⁵ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 102–103.

за собой огромные властные прерогативы. Позиционируя себя последовательным противником республиканизма и парламентаризма, Столыпин был убежден в том, что, отстаивая принцип монархизма, он наиболее адекватно понимает сущность исторической природы русского государства, которое, будучи единым и цельным организмом, отлаженным по вертикали и горизонтали властным институтом, отражает и выражает общенациональные интересы.

Последовательно выступая за укрепление исторических основ русского национального государства, за обеспечение его целостности и единства, Столыпин обращал внимание не только на необходимость внутренней политической стабильности в стране, но и на упрочение международного престижа России. Являясь противником силовых методов разрешения внешнеполитических конфликтов, особенно в условиях сохранявшейся внутренней кризисной ситуации, Столыпин, вместе с тем, прекрасно осознавал гипотетическую возможность втягивания страны в их разрешение с применением вооруженной силы. В этой связи приведем два ключевых высказывания Столыпина. Первое. «В мировой борьбе, в соревновании народов почетное место могут занять только те из них, которые достигнут полного напряжения сво-

ей материальной и нравственной мощи»¹⁶. Второе. «Народы забывают иногда о своих национальных задачах; но такие народы гибнут, они превращаются в назем, в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы»¹⁷. Едва ли можно сомневаться в том, что Столыпин явно не желал и не хотел, чтобы русский народ стал «наземом» для укрепления других народов и, как подлинный патриот, делал максимально возможное для того, чтобы Россия, в которую он верил, заняла бы подобающее ей место в ряду ведущих западных стран. Для достижения успеха в мировом соревновании необходимо было создать такие условия и предпосылки, которые бы, с одной стороны, обеспечили мирное эволюционное развитие России, а с другой — превратили ее в мощную державу, обладающую надежным военным потенциалом, который позволил бы в случае международных конфликтов выйти из них победительницей.

Итак, обеспечение внутривнутриполитической стабильности и благоприятной международной обстановки должно было стать, по мысли Столыпина, главным фактором, способствовавшим эффективности трансформационных процессов на протяжении всего переходного периода.

¹⁶ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 179–180.

¹⁷ Там же. — С. 149.

Ведущим «маховиком» трансформации Столыпин считал исполнительную ветвь власти в лице сильного правительства, назначаемого монархом и действующего под его личным контролем. Исследовательского внимания заслуживают критерии, на основе которых Столыпин формировал свою правительственную «команду». Если учесть, что в переходный период, когда формирование новой политической системы еще было, образно говоря, «на марше», роль правительственной «команды» была весьма важной. Недаром Столыпин подчеркивал: «В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях»¹⁸.

Сильное и эффективное правительство, по мысли Столыпина, должно иметь вполне определенные и ясные идеалы, цели и задачи, обладать «зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей»¹⁹, быть «хранительницей государственности и целостности русского народа»²⁰. Такое правительство, действующее в рамках Основных законов, призвано осуществлять общенациональную политику и во всех своих решениях руководствоваться исключительно общегосудар-

¹⁸ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 65, 158.

¹⁹ Там же. – С. 130.

²⁰ Там же. – С. 63.

ственными интересами. «Мы, — говорил Столыпин о возглавляемом им правительстве, — рулевые, стоящие у компаса, и должны смотреть только на стрелку. Мы — межевщики, которым доверены межевые признаки. Мы — главные, поставленные для охраны демаркационной линии»²¹.

В этих высказываниях Столыпина, по сути, речь шла не только о сильном, но и об ответственном правительстве, которому от лица монарха поручалось разработать и предложить систему мер общегосударственного характера. Подчеркивая, что в условиях переходного времени принципом «государственного напряжения» должно стать общепонятное русское слово «поднатужиться», Столыпин возлагал на правительство всю тяжесть ответственности за судьбы страны. Первоочередная задача заключалась в создании стройного и эффективного центрального и регионального аппарата управления. Правительство, отмечал Столыпин, должно иметь в регионах «исполнителей испытанных, которые являются его руками, его ушами, его глазами. И никогда ни одно правительство не совершит ни одной работы не только репрессивной, но и созидательной, если не будет иметь в своих руках совершенный аппарат исполнительной власти»²².

²¹ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. — С. 174–175.

²² Там же. — С. 104, 156.

Столыпин не раз подчеркивал, что решение проблемы укрепления вертикали исполнительной власти может гарантировать, что и «при новом строе Россия не развалится, не расчлениится на части, а окрепнет и познает себя», что на всем ее пространстве будет установлен «стройный правовой строй»²³. Столыпин был также убежден и в том, что правительство должно вести яркую и вместе с тем выверенную рациональную политику, со всей настойчивостью и целеустремленностью реализовывать в своей программе идею преобразования России «не в направлении радикального, но постепенного прогресса и закономерности»²⁴. Идея постепенного эволюционного преобразования России, без «скачков» и «откатов», имела в условиях системного кризиса многофакторное значение. Во-первых, она выступала в качестве реалистической альтернативы леволиберальным и особенно социалистическим моделям радикальной трансформации России. Во-вторых, она давала возможность большинству населения страны, уставшему от политической нестабильности, адаптироваться к намечаемым постепенным преобразованиям. Столыпинская идея эволюционного развития России стала постепенно «укореняться» в массо-

²³ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. – С. 148, 304.

²⁴ Там же. – С. 350.

вом сознании, что позволило премьер-министру, с одной стороны, предотвратить сползание страны в состояние деструкции, анархии и хаоса, а с другой — направить ее развитие в русло мирной творческой и созидательной жизни.

В условиях переходного периода огромное значение приобрела проблема налаживания оптимального сотрудничества между исполнительной и представительной ветвями власти. Столыпин неоднократно подчеркивал, что Дума является важнейшим фактором «воссоздания государственных устоев порядка»²⁵, что обеим ветвям власти важно найти «тот язык, который был бы одинаково нам понятен»²⁶. Таким «языком», по его мнению, должно было стать сходное понимание правительством и «молодым народным представительством» общенациональных и общегосударственных задач. Обе ветви власти в рамках Основных законов, четко определивших круг их прав, функций и компетенции, нацеливались на совместное проведение в жизнь «обдуманых и твердых новых начал государственного строя», что, в конечном счете, и должно было привести «к успокоению и возрождению нашей великой страны»²⁷. «Правительство, —

²⁵ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. — С. 65.

²⁶ Там же. — С. 63.

²⁷ Там же. — С. 34, 50, 62, 63, 86, 240, 264.

подчеркивал Столыпин, — готово в этом направлении приложить величайшие усилия: его труд, добрая воля, накопленный опыт предоставляется в распоряжение Государственной думы, которая встретит в качестве сотрудника правительство, сознающее свой долг хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие»²⁸.

К сожалению, в силу целого комплекса объективных и субъективных обстоятельств исполнительная и представительная ветви власти так и не могли найти «общего языка». I и II Дума демонстративно отказалась от сотрудничества с правительством. Столыпину в результате дважды пришлось принять участие в роспуске Думы и пойти на весьма непопулярную в обществе меру — изменение в одностороннем порядке избирательного закона.

По замыслу Столыпина, изменение избирательной системы должно было обеспечить решение двух взаимосвязанных задач: во-первых, избрать работоспособную Думу и, во-вторых, сформировать в ней большинство, готовое к конструктивной работе с правительством в деле реализации программы системных реформ. Для осуществления поставленных задач Столыпиным были приняты достаточно эффективные меры: задейст-

²⁸ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 62.

вованы административные и финансовые ресурсы, налажено идеологическое и информационное обеспечение избирательной кампании. В результате III Дума по своему партийно-фракционному составу, в общем и целом, «вписалась» в контекст обновленной дуалистической политической системы. Можно констатировать, что Столыпин стал первым реальным политиком, который завершил процесс формирования «национального типа политической системы», соответствующей идее Манифеста 17 октября 1905 г. и новой редакции Основных законов 1906 г. Третьеиюньская политическая система позволяла разграничить сферы влияния исполнительной и представительной власти, что в представлении Столыпина было принципиально актуальным. В результате ролевые функции властей становились более прозрачными и доступными для понимания их электоратом.

В рамках политической системы 3 июня 1907 г. сложились более или менее приемлемые взаимоотношения между исполнительной и законодательной ветвями власти. При этом весьма существенна личная роль самого Столыпина в налаживании этих отношений во всем объеме законотворческого процесса. Премьер-министр умело и гибко использовал как официальные, так и личные каналы связи с председателями Государственной думы

и Государственного совета, лидерами ведущих думских партийных фракций. Принципиально новыми представляются также и те разнообразные технологии, которые были предложены и апробированы на практике Столыпиным для разрешения конфликтных ситуаций между исполнительной и законодательной ветвями власти. Суть этих технологий сводилась к следующему. С одной стороны, отлаживалась вся «цепочка» как процесса выработки, так и процедуры принятия законопроектов. В этом активно сотрудничали профессионалы-чиновники министерств и ведомств, «сведущие лица» из общественных и академических кругов, думские депутаты. С другой стороны, для выхода из кризисных ситуаций Столыпин с готовностью вступал в переговорный процесс с думскими лидерами. Он лично участвовал в наиболее важных заседаниях Государственной думы и Государственного совета, в работе их комиссий и комитетов. 48 раз он поднимался на трибуну в Таврическом и Мариинском дворцах, выступая с тщательно подготовленными, блистательными, как по форме, так и по содержанию, речами концептуального характера, укреплявшими авторитет исполнительной власти. Крылатые выражения премьер-министра сыграли важную роль в формировании общественного мнения. Все

те, кто был последовательным сторонником идеи Великой России, кто отстаивал общенациональные интересы страны, неизменно находил в его лице и взаимопонимание, и реальную поддержку.

В обозначенных выше концептуальных рамках Столыпиным осуществлялась разработка идеологии и методологии программы системных реформ, которую он образно называл «наша чернорабочая программа»²⁹. Основным критерием при ее разработке он, прежде всего, считал «благо государства», что на деле означало выделение из совокупного множества разновекторных интересов некоего сублимированного общего интереса. Таким «общим» и были для него общегосударственные и общенациональные интересы России. Столыпин неоднократно подчеркивал, что отношение к программе реформ должно быть не догматическим, а всегда творческим. В проекты преобразований следует «вносить все изменения, требуемые жизнью». Более того, законопроекты, «согласно выявившейся жизненной правде», могут и должны быть подвергнуты немедленной переработке как по инициативе правительства, так и по инициативе думских депутатов.

Формулируя методологические принципы реформ, Столыпин указывал на необходимость «связать все отдельные правительственные предложе-

²⁹ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. – С. 239.

ния одной общей мыслью, мысль эту выяснить и положить ее в основание всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется в том или другом законопроекте»³⁰. При этом центральная и руководящая идея правительства должна была сводиться к тому, чтобы «создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени»³¹. Для Столыпина было очевидным, что все проекты должны пройти стадию «естественного созревания» и одновременно быть «усвоены общественным сознанием».

Инновационной представляется столыпинская идея о нравственной составляющей программы реформ. Суть ее, во-первых, сводилась к тому, что «надо не разрушать историческое здание России, а пересоздавать, переустраивать его»³². Недаром Столыпин считал важным придерживаться принципа: «Мы ничего насильственно, механически не хотим внедрять в народное сознание»³³. Во-вторых, реформы должны стать стимулом для пробуждения творческих потенций большинства, привести к качественным позитивным переменам во всех сферах жизни общества.

³⁰ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 50.

³¹ Там же. – С. 51.

³² Там же. – С. 76.

³³ Там же. – С. 106.

Столыпин прекрасно представлял себе и вектор трансформационных изменений, и конечную цель всего переходного периода: создание в России правового государства, сохраняющего свои исторические особенности и традиции, и формирование гражданского общества. В ходе трансформации должен был быть решен целый комплекс задач как текущего, так и стратегического характера:

- сохранение единства и целостности империи;
- формирование правового пространства;
- реформирование политической системы;
- реальное обеспечение прав и свобод граждан;
- создание среднего класса и эффективной экономики;
- обеспечение социальных гарантий населения;
- повышение образовательного и культурного уровня;
- упрочение международного статуса.

Как уже указывалось выше, содержательную сторону и направленность решения этих комплексных задач определял исходный принцип соответствия реализуемых реформ общегосударственным интересам. Этот критерий являлся своего рода «лакмусовой бумажкой» при разработке и проведении отдельных разделов программы через «цепочку» исполнительных и представительных структур. В этом контексте приоритетная роль отводилась Столыпинным государству, которое как бы суб-

лимировало в себе разновекторные общественные интересы и, следовательно, должно было найти нечто общее между ними («общее благо»), предельно снизив тем самым «порог напряженности» в процессе столкновения между различными представителями этих интересов. Государство, по мысли Столыпина, будучи «единым целым организмом», так или иначе, в той или иной пропорции должно присутствовать во всех без исключения сферах, и одновременно оно было обязано «прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей»³⁴. Так как в условиях системного кризиса «слабейших частей» было больше, чем достаточно, то и присутствие государства прослеживается на всех основных направлениях преобразований. По сути, речь шла об активном участии государственных институтов и структур в разрешении всей совокупности проблем переустройства политической системы, экономики, социальных, этнических, конфессиональных отношений, реформирования армии и укрепления влияния России по всему периметру ее границ.

Подчеркивая огромную роль государства в истории России, Столыпин выделил и актуализировал проблему полного и окончательного раскрепощения личности. По его мнению, понятие «свобо-

³⁴ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 94.

ды человека и человеческого труда» в принципе несовместимо с какими-либо формами закрепощения личности: гражданским неполноправием, зависимостью от общины, ограничениями по этническим и конфессиональным признакам, законодательной неотрегулированностью политических прав и свобод. Государство не просто должно, но и по природе своей обязано прийти на помощь личности, стремящейся к сознательной и созидательной реализации своих потенциальных природных возможностей и ориентированной на приращение как личного, так и «общего» блага. Свою стратегическую задачу Столыпин видел в органическом соединении этих двух важных звеньев — правового государства и раскрепощенной личности — в единое целое, одушевленное общим смыслом создания Великой России. Идея соединения, с одной стороны, мощи государства, а с другой — творческой энергии свободной личности, и должна было стимулировать формирование реального гражданского общества и реального правового государства на всем протяжении переходного периода.

Таким образом, концептуальные наработки Столыпина в разрешении системных кризисов и выработке методологии реформ стали той базой, на основе которой осуществлялось создание программы преобразований; ее рассмотрению будет посвящена следующая глава.

Глава вторая

ПРОГРАММА СИСТЕМНЫХ РЕФОРМ

Осознавая первопричины и масштабы системного кризиса, поразившего Россию в 1905–1907 гг., П.А. Столыпин предлагал найти выход из него посредством адекватных системных преобразований, которые должны были охватить собой все основные сферы жизнедеятельности и жизнеобеспечения страны. Одна из стратегических задач Столыпина, как отмечалось выше, состояла в освобождении, по его образному выражению, «становящейся личности» от бесчисленного множества вековых сословных, религиозных, национальных, общинных пут и перегородок. Для этого необходимо было реформировать всю старую законодательную базу и создать новые правовые нормы, позволяющие раскрыть творческие потенции личности, стимулировать ее деятельность в векторе формирования гражданского общества и пра-

вового государства. «Правовые нормы, — подчеркивал Столыпин, — должны покоиться на точном, ясно выраженном законе еще и потому, что иначе жизнь будет постоянно порождать столкновения между новыми основаниями общественности и государственности, получившими одобрение Монарха, и старыми установлениями и законами, находящимися с ними в противоречии или не обнимающими новых требований законодателя, а также [с] произвольным пониманием новых начал со стороны частных и должностных лиц»¹.

В русле провозглашенных в Манифесте 17 октября 1905 г. принципов разрабатывалась система мер, направленных на реальное обеспечение гражданских и политических свобод личности. В этом плане ключевое значение имел указ 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий», который самым непосредственным образом касался судеб многомиллионного сельского населения. «Уравнение прав крестьянства с остальными сословиями России, — считал Столыпин, — должно быть не словом, а должно стать фактом»². Указ 5 октября 1906 г., с одной стороны, как раз и ликвидировал архаичную

¹ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. — М., 1991. — С. 51.

² Там же. — С. 251.

систему разного рода ограничительных мер, свидетельствовавших о вопиющей гражданской и политической неполноправности, а также об ущемлении личного достоинства крестьян, а с другой — предоставлял крестьянам широкий круг прав, уравнивающих их в положении с другими категориями населения, в том числе и с дворянством (в отношении государственной службы).

Учитывая принципиальное значение данного указа для создания условий и предпосылок формирования гражданского общества в России, рассмотрим его подробно. Так, пункт II указа освобождал сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний: «а) от представления ими увольнительных общественных приговоров при поступлении в учебные заведения и на гражданскую службу, равно как и от исполнения личных натуральных повинностей и от несения общественной службы на все время прохождения курса в учебных заведениях или состояния лиц в гражданской службе и б) от необходимости предъявления при поступлении в белое духовенство или при пострижении в монашество увольнения от общества, согласия казенной палаты и разрешения губернатора».

Согласно пункту III указа отменялось ранее обязательное исключение вышеназванных катего-

рий лиц из обществ: «а) при вступлении их в гражданскую службу, б) при производстве их в чины, в) при получении орденов и знаков отличия, г) при окончании курса в учебных заведениях, д) при получении ученых степеней и званий, а также е) вообще при приобретении ими высших прав состояния, разрешив этим лицам оставаться в составе своих обществ, пользуясь, впредь до добровольного выхода из них или причисления соответственно приобретенным ими правам в иное сословное общество, всеми связанными с принадлежностью к своим обществам правами, а равно и неся соответственные обязанности, причем в отношении подсудности, наказаний и последствий, определяемых для преступных деяний, означенные лица подчиняются, однако, узаконениям, действующим по отношению к тем высшим сословиям или званиям, права коих сии лица приобрели».

Пункт VI отменял с 1 января 1907 г.: «а) подушную подать, взимаемую с сельских обывателей в некоторых местностях империи; б) круговую поруку в уплате окладных государственных и земских, а также и мирских сборов в тех местностях, на которые не распространяется действие закона 12 марта 1903 г. об отмене круговой поруки, и в) отдачу неисправного плательщика в заработки и определение к нему опекуна в качестве особых мер взыскания сборов и повинностей».

Пункт VII отменял: «а) особые правила о наказуемости сельских обывателей и других лиц, подведомственных волостному суду, по решениям сего суда за проступки, не наказуемые по уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями; б) правила о принудительной отдаче бывших податных состояний в общественные работы, в качестве особых мер наказания или при несостоятельности их к уплате присужденных по судебным приговорам денежных взысканий и в) особые меры взыскания, предусмотренные действующим законом в отношении волостных судов Прибалтийских губерний и заключающихся в испрошении прощения у обиженного, в публичном объявлении о жестокосердии осужденного и в отдаче в бесплатные работы на срок не более 7 дней».

В пункте VIII отменялись обязательные постановления: «а) о порядке разрешения семейных разделов, б) о запрещении сельским обывателям, не владеющим недвижимыми имуществами, обываться векселями и в) о запрещении бывшим горнозаводским людям и крестьянам устраивать огнедействующие заведения и лесопильные мельницы, а также производить торговлю лесом в заводских селениях».

Пункт X отменял правило об утверждении губернатором земских гласных от сельских обществ

из числа кандидатов, избранных волостными сходами, предоставив избранным кандидатам самостоятельное избрание из своего состава положенного числа гласных и определение очереди замещения их остальными кандидатами, согласно следующим правилам: «а) избранные волостными сходами кандидаты в гласные от сельских обществ созываются уездным предводителем дворянства (либо замещающим его лицом) на особый съезд для избрания из своего состава положенного числа гласных и определения, посредством выбора, очереди заступления гласных остальными кандидатами и б) открыв съезд, уездный предводитель дворянства, либо заменяющее его лицо, объясняет собравшимся порядок действий съезда и предлагает им выбрать из своего состава председателя съезда, которому и передает, по его избрании, руководство занятиями съезда и к производству выборов в съезде применяются Правила о выборе гласных в земских избирательных собраниях».

Пункт XI отменял статьи Положения «Об установлениях, заведующих крестьянскими делами», в силу которых «лица, подведомственные волостному, сельскому и инородческому управлениям, подвергаются, по постановлениям земских и крестьянских начальников, без формального производства административным взыскани-

ям за неисполнение распоряжений означенных должностных лиц».

Пункт XII вводил определенное ограничение в компетенцию уездных съездов, которые могли отменять приговоры крестьянских общественных сходов, по представлениям земских и крестьянских начальников, «только в тех случаях, когда приговор поставлен несогласно с законами, либо когда приговор, нарушающий законные права членов сельских обществ или приписанных к волости лиц, обжалован заинтересованными лицами».

Одновременно указ 5 октября 1906 г. в пунктах IV, V и IX значительно расширял права сельских обывателей, принадлежащих к составу сельских обществ. Так, согласно пункту IV, они получали право: «а) вступать, без обязательного увольнения из этих обществ, в другие сельские общества, пользуясь, впредь до добровольного выхода из состава прежних обществ, всеми, связанными с принадлежностью к сим обществам, правами, а равно и неся соответствующие обязанности, и б) получать по отказе от участия в пользовании мирской земель или при отчуждении принадлежащих им участков таковой земли беспрепятственное увольнение из сельских обществ без соблюдения требований, означенных в статье 208 Общего положения о крестьянах и в статье 165 Положения о башкирах..., при условии обязательного причисления

их к своим волостям без согласия волостного схода, кроме тех случаев, когда увольняемые состоят уже в других обществах, либо приняты в таковые или состоят в гражданской службе, либо приобрели высшие права состояния».

Пункт V предоставлял сельским обывателям и лицам других бывших податных состояний свободу избрания постоянного места жительства на одинаковых, указанных в Уставе о паспортах, основаниях с лицами других сословий. При чем постоянным местом жительства признавалось не место приписки, а «место, где они по службе или занятиям, или промыслам, или недвижимому имуществу имеют оседлость, либо домашнее обзаведение». Им, согласно статье 47 Устава о паспортах, выдавались «в качестве видов на жительство бессрочные паспортные книжки как в местах приписки — от сословных учреждений, так и в местах постоянного жительства — от полицейских управлений, а в столицах — участковых приставов».

Пункт IX предоставлял сельским обывателям, обладающим установленным цензом, помимо наделенной земли, «участвовать во вторых земских избирательных съездах и собраниях независимо от участия их в выборах гласных от сельских обществ уезда»³.

³ Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы: В 2 т. — М., 2003. — Т. 1. — С. 103–106.

Как видим, указ 5 октября 1906 г., освобождавший «становящуюся личность» от вековых пут, стал важным шагом в процессе перехода сословного общества к гражданскому. Он отвечал потребностям политической, социальной и экономической эволюции в стране, настоятельно требующей гражданского равноправия и политических свобод, интересам многомиллионного крестьянства России.

В логической связке с ранее изданными в порядке верховного управления Временными правилами «Об обществах и союзах», «О публичных собраниях» (4 марта 1906 г.), «О периодической печати» (18 марта 1906 г.), «О неповременной печати» (26 апреля 1906 г.) находился столыпинский проект «О неприкосновенности личности и жилища и тайны корреспонденции», внесенный 8 марта 1907 г. во II Думу.

Согласно проекту, никто не мог быть наказан иначе, «как в порядке, законом определенном»; никто не мог быть судим «иначе, как тем судом, которому по закону подведомственно вменяемое в вину деяние», никто не мог быть задержан или заключен под стражу либо подвергнут личному обыску «иначе, как в случаях, законом определенных, и притом лишь по предъявлении письменного на то требования, от подлежащей судебной власти исходящего».

Одновременно в проекте фиксировались правовые функции полицейских, следственных и судебных органов, которые имели право действовать исключительно в рамках закона. Так, лица могли быть задержаны полицией без санкции судебных властей лишь в следующих случаях: «1) когда подозреваемый застигнут при совершении преступного деяния или тотчас после его совершения; 2) когда потерпевшие от преступления или очевидцы укажут прямо на подозреваемое лицо; 3) когда на подозреваемом или в его жилище найдены будут явные следы преступления; 4) когда вещи, служащие доказательством преступного деяния, принадлежат подозреваемому или оказались на нем; 5) когда он сделал покушение на побег или пойман во время или после побега и 6) когда подозреваемый не имеет постоянного места жительства или оседлости». Кроме того, полиция могла задержать лиц, «пребывание которых на свободе угрожает непосредственно опасностью самим этим лицам, либо их окружающим, или сопряжено с незаконным нарушением свободы других лиц либо общественной благопристойности».

Лица, задержанные полицией без санкции судебной власти, должны были быть в течение 24 часов «или освобождены, или же препровождены к судье либо судебному следователю», который «незамедленно и, во всяком случае, не позднее 24 ча-

сов опрашивает задержанного и отдает письменный приказ или о дальнейшем содержании его под стражей, или об освобождении».

В проекте содержались статьи 14 и 15, согласно которым «никто не может быть ограничиваем в избрании места пребывания или передвижения с одного места на другое, за исключением случаев, особо в законе указанных», и «вход в жилище без согласия его хозяина допускается не иначе, как по призыву из сего жилища или для оказания помощи при несчастных случаях, или же во исполнение должностным лицом возложенных на него законом обязанностей». Полиция могла производить «осмотры, обыски и выемки без постановления о том судебной власти лишь в тех случаях, когда ею застигнуто совершающееся или только совершившееся преступное деяние, а также когда до прибытия на место происшествия представителя судебной власти следы преступления могли бы изгладиться». В статье 18 проекта говорилось о нерушимости тайны почтовых, телеграфных и телефонных сношений. Отступления от этого правила допускались лишь «в целях раскрытия преступных деяний»⁴.

Как видим, разрабатывая данный проект, Столыпин ставил и решал две взаимосвязанные зада-

⁴ Столыпин П.А. Программа реформ. – Т. 1. – С. 99–102.

чи: во-первых, личность, получив права, включалась в единое правовое пространство и воспитывалась в духе правопорядка и законности; во-вторых, фиксируемые в проекте права личности сопрягались с ее ответственностью перед законом.

Консолидирующую политическую и социальную функцию выполнял комплекс законопроектов конфессионального характера⁵. Разрабатывая реформу свободы совести в контексте положений, декларируемых указом 17 апреля и Манифестом 17 октября 1905 г., Столыпин считал принципиально важным найти «баланс интересов» между личностью, государством и «господствующей первенствующей Православной церковью». Вместе с тем он указывал, что «права и преимущества Православной церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений»⁶. По его мнению, осуществляя реформу свободы совести, государство должно оставить за собой «и право, и обязанность определять политические, имущественные, гражданские и общеуголовные нормы, вытекающие из вероисповедного состояния граждан»⁷. Отстаивая свободу совести и право

⁵ Столыпин П.А. Программа реформ. – С. 107–142.

⁶ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. – С. 53.

⁷ Там же. – С. 213.

выбора личностью соответствующей конфессии, Столыпин настаивал на четком законодательном закреплении этого права. Так, в проекте «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое», подчеркивалось, что каждому гражданину, достигшему 21 года, предоставляется право перехода «во всякое вероисповедание или вероучение, принадлежность к коему не наказуема в уголовном порядке»⁸.

Нельзя также не отметить, что Столыпин настаивал на юридической защите прав и чувств лиц нехристианских конфессий. Не случайно в проекте «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям» предусматривались меры наказания за оскорбление религиозных чувств лиц нехристианских вероисповеданий. Так, «виновный в поношении признанного в России нехристианского вероисповедания, либо его установлений или обрядов, или в поругании действием, или в поношении предмета религиозного чествования этого вероисповедания, за сие поношение или поругание наказывается: если оно учинено: 1) в молитвенном доме нехристианского вероисповедания или при совершении установленного этим вероисповеданием общественного служения, или публично, или в распространенных или

⁸ *Столыпин П.А.* Программа реформ. – Т. 1. – С. 125.

публично выставленных произведениях печати, письма или изображении: арестом; 2) с целью провести соблазн между присутствующими: арестом на срок не свыше трех месяцев». Виновный в «непристойном крике, шуме или ином бесчинстве, препятствующем отправлению общественного религиозного служения признанного в России нехристианского вероисповедания или учиненном в молитвенном доме сего вероисповедания, наказывается: арестом сроком не свыше двух месяцев». Если же «вследствие такого бесчинства прервалось религиозное служение или если такое бесчинство учинено толпою, то виновный наказывается: арестом на срок не свыше трех месяцев»⁹.

Столыпину принадлежит важная роль в инициировании целого ряда проектов, снимавших вековые противоречия между православными, старообрядцами и сектантами. Всем им предоставлялось право свободного исповедания их веры и отправления религиозных обрядов по правилам их вероучений, создания самоуправляющихся религиозных общин и избрания духовных лиц, настоятелей или наставников, сооружения храмов, молитвенных домов, богоугодных заведений, а также право приобретать и отчуждать, для осуществления целей общины, недвижимое имущество, об-

⁹ Столыпин П.А. Программа реформ. – Т. 1. – С. 124.

разовывать капиталы, заключать договора, вступать в обязательства, подавать судебные иски и отвечать в суде. Выравнивание прав старообрядцев и сектантов с православными имело огромное значение для вовлечения в единый модернизационный процесс большого числа активных и инициативных граждан, принадлежавших к разным конфессиям.

Принципиально важный шаг был сделан Столыпиным в снятии разного рода национальных ограничений и, прежде всего, относительно еврейского населения. Учитывая всю остроту и неоднозначность восприятия российским обществом еврейского вопроса, Столыпин поставил его решение в конкретную практическую плоскость. В подготовленном под его руководством проекте «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев», необходимость подписания которого он настойчиво обосновывал во время аудиенций с Николаем II, предполагалось отменить: а) запрет на проживание отдельных категорий евреев (механики, винокуры, повара, мастера и ремесленники, проживающие без прекращения своего ремесла в течение десяти лет вне черты оседлости на всем пространстве империи); б) запрет на приобретение в городских поселениях недвижимых имуществ; в) запрет на включение евреев в правле-

ние акционерных обществ, имевших земельную собственность¹⁰.

Цементирующей идеей столыпинских реформ была идея реализации прав и свобод граждан через систему выборного начала, начиная от низовых ячеек и структур (земельные, сельские общества и товарищества, сходы, советы, больничные кассы, профсоюзы, местное самоуправление) и вплоть до высших законодательных институтов — Государственной думы. Получая гражданские права и свободы, «становящаяся личность» непосредственно приобщалась к процессу выработки и принятия решений на всех уровнях. Реализация столыпинских проектов о правах и свободах граждан, безусловно, способствовала формированию в России нового типа личности — свободной, творчески активной, целеустремленной в выборе жизненной позиции и профессиональной ориентации. Именно такая личность и обеспечила динамизм экономического роста в стране, создала основу социальной мобильности и политической стабильности.

Прекрасно осознавая, что декларирование прав и свобод личности само по себе важно, но явно недостаточно, Столыпин считал необходимым реализовать всеобъемлющую судебную реформу,

¹⁰ *Столыпин П.А. Программа реформ.* — Т. 1. — С. 134–137.

которая должна была создать единое правовое пространство в масштабах всей России. Эта реформа предусматривала унификацию законодательства, пересмотр устаревших правовых норм, замену их новыми, более соответствующими тем материальным, социальным отношениям, которые формировались в ходе преобразований. В этом плане исследовательского интереса заслуживает базовый документ «О преобразовании местного суда»¹¹. Обосновывая важность реформы местного суда, Столыпин подчеркивал, что его надо превратить в суд «доступный, дешевый, близкий к населению»¹².

Реформа предполагала повышение образовательного и профессионального ценза мировых судей, их тесную связь с территорией, на которую распространялась юрисдикция местного суда (проживание в данной местности не менее года), материальную обеспеченность и независимость (владение землей или другим имуществом). Мировые судьи избирались сроком на три года земскими собраниями и городскими думами. Причем должность мирового судьи не могла быть совместима с другой должностью по государственной или общественной службе, за исключением

¹¹ Столыпин П.А. Программа реформ. – Т. 1. – С. 154–226.

¹² Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. – С. 56.

только почетных должностей в местных богоугодных и учебных заведениях, а также звания гласного земских собраний и городских дум.

В законе четко прописана компетенция мирового судьи, круг рассматриваемых им гражданских дел (имущественные дела, о найме, аренде, наследстве и т. д., не превышающие сумму в 1 тыс. руб.), уголовных дел (выговоры, денежные взыскания на сумму не свыше 1 тыс. руб.; арест на 15 суток и заключение в тюрьму без права лишения состояния и преимуществ). Согласно закону, граждане, обратившиеся в мировой суд, могли воспользоваться услугами высококвалифицированных адвокатов, а в случае необходимости им предоставлялись и услуги переводчика. Важно подчеркнуть, что закон о реформе местного суда провозглашала мысль о его самоценных примирительных и арбитражных функциях, позволяющих добиться в ходе следствия и самого судебного процесса примирения сторон, а также принятия консолидированных решений. Закон предоставлял право гражданам обжаловать решения мирового суда в вышестоящих судебных инстанциях (съезде мировых судей, окружном суде, Правительствующем Сенате).

На фоне пересмотра в общественном сознании значимости и самоценности проблемы граждан-

ских прав и свобод Столыпин большое внимание уделил реформированию устаревшей системы охранительного судопроизводства. В этом контексте ключевое значение имел «Устав охранительного судопроизводства», который совершенствовал систему судебной защиты, состоявшей в укреплении и охране гражданских прав личности на случай разного рода споров, касавшихся дел семейных, имущественных, наследственных¹³. Проект был направлен на преодоление существовавших нестыковок между постановлениями искового и охранительного судопроизводств.

В логической связи с данным проектом находился проект об учреждении опеки над сельскими обывателями, который, по замыслу Столыпина, преследовал цель ограждения прав семьи в условиях разрушения патриархального общинного строя. В одной из своих речей в Государственном совете Столыпин говорил: «Права отдельных семейств ограждаются против обезземеливания вследствие пьянства или распутства домохозяина выработанным уже Министерством внутренних дел законом об упрощенных опеках над расточителем»¹⁴.

¹³ Столыпин П.А. Программа реформ. – Т. 2. – С. 28–117.

¹⁴ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. – С. 255.

На демократизацию и гуманизацию судебной системы, на укрепление в сознании населения мысли о «святости и нерушимости закона» была направлена серия столыпинских проектов, обеспечивающих защиту граждан на предварительном следствии, вводящих институт условного осуждения (в зависимости от меры виновности с отсрочкой наказания на 3–5 лет), а также условного досрочного освобождения (после отбытия осужденным определенного судебным приговором срока, с определением ему места жительства и содействием в трудоустройстве). Одновременно правительство Столыпина разработало проект о гражданской и уголовной ответственности должностных лиц, нарушавших права и свободы граждан. Причем Верховному уголовному суду могли быть преданы: «члены Государственного совета и Государственной думы – за преступные деяния, совершенные при исполнении ими лежащих на них по сим званиям обязанностей, председатель Совета министров, министры, главноуправляющие отдельными частями, заместники, сенаторы, российские послы и посланники и генерал-губернаторы – за преступные деяния по службе». Предварительные следствия о преступных деяниях по службе должны были производиться общим порядком уголовного судопроизводства¹⁵.

¹⁵ Столыпин П.А. Программа реформ. – Т. 1. – С. 241–251.

Важным структурным компонентом столыпинских реформ являлись преобразования в области управления, которые должны были обеспечить усиление исполнительной вертикали власти. В ряду планируемых мер принципиально важное значение приобретала реформа местного управления, которое оказалось не соответствующим ни вызовам времени, ни намечаемым переменам во всех сферах жизни. Приступая к разработке комплексного пакета реформ в области местного управления, Столыпин считал, что они не являются самоцелью в деле укрепления исполнительной власти, а функциональным средством результативного проведения преобразований. Он хорошо понимал, что в условиях переходного периода старый административный аппарат, традиционно формируемый по преимуществу по сословному принципу, пронизанный региональным сервелизмом и коррупцией, в течение более 40 лет противостоявший местному самоуправлению, не соответствовал новому реформистскому правительственному курсу. Столыпин считал принципиально важным сформировать управленческий аппарат нового типа, состоящий из новой генерации административной элиты. Для новой системы местного управления должно было стать характерным: высокий профессионализм и компетент-

ность, желание и умение работать в «команде», открытость к инновациям, идущим не только из «центра», но из региональных общественных структур. Недаром девизом столыпинской концепции реформы местного управления стало: «Единое понимание замысла реформ и единая воля при их реализации».

Планируя реформу местного управления, Столыпин считал важным наладить оперативную прямую и обратную связь между центральными и местными исполнительными институтами и структурами, достичь синхронности их действий в деле реализации реформ. Учитывая слабую структурированность тогдашнего российского общества, которое еще находилось в начальной стадии перехода в гражданское, высокую степень конфронтационности между управлением и самоуправлением, Столыпин настаивал на том, что в переходный период реформируемые управленческие структуры обязаны взять на себя роль «оперативной разведки», улавливающей трансформационные импульсы, и лидирующей силы в деле реализации системных преобразований. По сути, органы местного управления должны были стать иницилирующим и мобилизующим фактором реформирования России.

Свое теоретическое обоснование и конкретное законодательное оформление столыпинская ре-

форма местного управления получила в серии взаимосвязанных основополагающих документов: «Главные начала устройства местного управления» (1906 г.), «Об установлении Главных начал устройства губернских учреждений» (1907 г.), «Главные начала преобразования земских и городских общественных управлений» (1907 г.), «Положение о поселковом управлении» (1907 г.), «Положение о волостном управлении» (1907 г.), «Проект заключения об изменении и дополнении действующих узаконений об уездных установлениях в губерниях, управляемых по общему учреждению губернскому» (1907 г.), «Положение о правительственных участковых комиссарах» (1907 г.), «Положение о губернском управлении» (1907 г.)¹⁶.

Общая схема реформы управления выглядела следующим образом. Ее низовое звено — поселковое управление — возлагалось на земельные, волостные и поселковые общества, а также на сельские союзы. Земельные общества, созданные в результате упразднения особого сословного управления крестьян, получали право юридических лиц и право самообложения. В них входили домохозяева, владеющие участками полевой или усадебной земли из состава принадлежащих общест-

¹⁶ Столыпин П.А. Программа реформ. — Т. 1. — С. 252–280, 293–352.

ву наделных земель. Учреждениями общественного управления земельного общества являлись: а) земельный сход (распорядительный орган), состоящий из всех членов данного общества, и б) земельный староста (исполнительный орган), избираемый сходом. Компетенция земельного схода ограничивалась исключительно хозяйственными функциями, а земельный староста, помимо выполнения решений схода, исполнял: а) поручения участкового комиссара и земских учреждений по делам, касающимся исключительно благоустройства и благосостояния селения, и б) распоряжения по оказанию помощи в чрезвычайных случаях (пожары, наводнения, эпидемии).

Поселковое управление возлагалось на волостные общества лишь в тех волостях, в состав которых входило только одно сельское населенное место. Собственно же поселковое управление возлагалось на поселковые общества, состоящие из лиц и учреждений, владеющих недвижимыми имуществами, либо содержащих торговые, промышленные или ремесленные заведения в черте усадебной оседлости сельского населенного места. Обладая правом юридического лица, поселковое общество могло приобретать и отчуждать как движимое, так и недвижимое имущество, распоряжаться своими имуществами и капиталами, при-

нимать пожертвования, вступать в договоры и обязательства, а также обращаться в судебные инстанции через своих поверенных.

Органами управления поселкового общества являлись: а) поселковый сход (распорядительный орган) и б) поселковый староста (не моложе 25 лет), утверждаемый в должности участковым комиссаром; помощники старосты; поселковый писарь и вспомогательные должностные лица — все они составляли исполнительный орган.

Поселковый сход состоял из всех членов общества, владеющих лично не менее одного года, в пределах поселкового общества: а) усадьбами с жилыми постройками, либо б) иного рода недвижимым имуществом, а также торговыми, промышленными или ремесленными заведениями, обложенными земскими сборами в сумме не менее двух рублей в год. Лица женского пола участвовали в сходе через уполномоченных, а лица, не достигшие 21 года, — через опекунов и попечителей. Не имели права участия в сходе: иностранные подданные; монашествующие; чины общей полиции; осужденные и состоящие под следствием; подвергавшиеся, по судебным приговорам за преступные деяния, лишению или ограничению прав состояния, либо исключению из службы; объявленные несостоятельными должниками;

лишенные духовного сана или звания за пороки; исключенные из среды обществ и дворянских собраний; состоящие под гласным надзором полиции.

Поселковые гласные (в составе не более 60 чел.) избирались на трехлетний срок путем тайного голосования. В компетенцию поселкового схода входил широкий круг проблем, связанных с жизнедеятельностью и жизнеобеспечением поселкового общества: избрание исполнительных органов поселкового общества, членов сельского совета и общественных ссудо-сберегательных касс; запрещение и разрешение открытия в пределах общества частных питейных заведений; рассмотрение строительного плана селения; устройство и содержание ночных караулов, пожарных обозов, дорог, улиц, площадей, сточных труб, прудов, колодцев, канав, мостов, гатей, переправ; выдача пособий из общественных средств на устройство и содержание правительственных, церковных, земских и частных учебных заведений, больниц, богаделен, приютов; назначение и раскладка между членами общества денежных сборов на общественные потребности; установление и раскладка между членами общества натуральных повинностей; распоряжение общественными имуществами и капиталами; заключение займов на нужды общества в размере не свыше общей суммы годо-

вой сметы общества; подача жалоб по делам общества через уполномоченных и поверенных.

Достаточно широким был круг обязанностей должностных лиц поселкового общества, которые все время должны были посвящать выполнению своих функций. Недаром в законопроекте «Положение о поселковом управлении» специально подчеркивалось, что должности поселкового старосты и его помощников не могут быть совмещаемы ни с какими иными общественными должностями, кроме должностей земельного старосты, а также волостного старшины. Характерно также, что должности старосты и его помощников не могли в одно и то же время занимать лица, находящиеся в родстве или свойстве с ним, а также участники в одном торговом, промышленном или ремесленном предприятии. Староста и его помощники на время службы освобождались от исполнения всяких натуральных повинностей. Сумма содержания поселковым должностным лицам определялась поселковым сходом на трехлетний срок и не могла быть уменьшаема, без их согласия, до истечения этого срока.

На поселкового старосту возлагались следующие обязанности: созыв и роспуск поселкового схода; приведение в исполнение приговора схода; сношения по делам общества с подлежащими учреждениями; заведование общественными иму-

ществами, капиталами и заведениями; наблюдение за исправным поступлением общественных сборов, а также за исполнением общественных натуральных повинностей; производство расходов из общественных средств по указанию схода; наблюдение за исполнением обязательных постановлений, действующих в пределах общества; привлечение к ответственности виновных в нарушении этих постановлений; исполнение поручений участкового комиссара, а также земских учреждений по делам, касающимся общественного благоустройства и благосостояния; распоряжение об оказании помощи в чрезвычайных случаях (пожары, наводнения, эпидемии и эпизоотии и т. п.).

Как должностное лицо поселковый староста имел право подвергать виновных в нарушении обязательных постановлений схода денежному штрафу в размере не свыше 3 руб. В свою очередь, за проступки по службе поселковые должностные лица могли быть подвергнуты наказанию участкового комиссара: старосты и его помощники — замечаниям и выговорам, а остальные должностные лица — выговорам и денежным штрафам в размере до 3 руб.

Поселковым обществам предоставлялось право, по приговорам сходов, объединяться между собой, а также с частными владельцами в сельские союзы для совместной деятельности по отдель-

ным предметам местного благоустройства и благосостояния, относящимся к ведению поселковых сходов. Заведование делами сельского союза возлагалось на сельский совет, который должен был состоять не менее как из 12 членов, избираемых на трехлетний срок.

Второй ступенью местного управления являлось волостное управление, которое распространялось на сплошные округа (волости), образуемые из находящихся вне городских поселений всякого рода владений казны, обществ, учреждений и частных лиц, и на всех проживающих в пределах этих округов лиц, без различия состояний, а также на все находящиеся в них имущества и заведения.

Волостное управление возлагалось на волостные общества, в состав которых входили все лица, учреждения и общества, владеющие в пределах волости недвижимыми имуществами. Являясь юридическим лицом, волостное общество имело право приобретать и отчуждать как движимые, так и недвижимые имущества, распоряжаться своими имуществами и капиталами, принимать пожертвования, вступать в договоры и обязательства, выступать в суде через своих поверенных.

Распорядительным органом волостного общества являлось волостное собрание, состоящее: из

волостных гласных, избираемых земельными обществами и поземельными товариществами, приобретшими землю с содействия Крестьянского банка, а также частными учреждениями и лицами, владеющими не менее одного года недвижимыми имуществами в пределах волости; из представителей находящихся в пределах волости владений церквей, монастырей, казны и уделов.

Общее число волостных гласных определялось уездным советом в количестве 30—50 чел., в зависимости от численности населения волости. Волостные гласные избирались на трехлетний срок раздельно: земельными обществами и поземельными товариществами, приобретшими землю с содействия Крестьянского банка; волостным избирательным собранием, состоящим из частных владельцев не принадлежащих к составу владений земельных обществ, поземельных товариществ, церквей, монастырей, казны и уделов недвижимых имуществ, которые обложены земскими сборами в сумме не менее двух рублей в год.

Избрание волостных гласных производилось посредством закрытой баллотировки. В компетенцию волостного собрания входило: избрание волостного старшины и его помощников, назначение им содержания; рассмотрение и утверждение отчетов старшины; избрание гласных в уезд-

ное земское собрание; устройство и содержание начальных одноклассных школ, приемных покоев, амбулаторий, богаделен и приютов; выдача пособий на устройство и содержание правительственных, церковных, земских и частных учебных, лечебных и благотворительных заведений, существующих и учреждаемых в пределах волости; устройство и содержание дорог местного пользования и местных почтовых сообщений; устройство общественных учреждений мелкого кредита, а также сельскохозяйственных и кустарных складов; раскладка между земельными обществами и поземельными товариществами, а также между частными владельцами натуральных земских повинностей; назначение денежных сборов на волостные расходы; распоряжение общественными имуществами и капиталами; заключение займов на общественные нужды в размере не свыше общей годовой сметы волости.

Волостной исполнительный орган состоял из волостного старшины (не моложе 30 лет, владеющего грамотой) и его помощников, волостного писаря, сотских, вспомогательных должностных лиц. Как и поселковый староста, волостной старшина не мог занимать иных общественных должностей, всецело посвящая себя выполнению широкого круга обязанностей.

В компетенцию волостного старшины входили дела: общего управления (объявление законов и распоряжений правительства и исполнение поручений участкового комиссара); земского управления (участие в заведовании находящимися в пределах волости земскими заведениями и исполнение поручений земских управ и собраний); волостных учреждений (созыв и роспуск волостного собрания и приведение в исполнение его приговоров); по охране порядка и безопасности (принятие мер к восстановлению нарушенного порядка и задержанию виновных в преступлениях и проступках); сельскохозяйственной полиции (освидетельствование потрав и других повреждений сельскохозяйственной собственности); задержание пригульного скота и распоряжения при пожарах и наводнениях; по исполнению воинской и военноконской повинности (ведение посемейных списков, распоряжения о призыве к исполнению воинской повинности); по взиманию окладных сборов (рассылка окладных листов и наблюдение за поступлениями окладных сборов); по паспортной части — выдача видов на жительство и т. д.

Старшина имел право подвергнуть виновных штрафу в размере не свыше 10 руб. в пользу волостных сумм. В своих действиях волостной старшина подчинялся руководству участкового ко-

миссара земских учреждений. Размер его содержания определялся волостным собранием на трехлетие.

Итак, местное управление (поселковое и волостное) носило демократический, коллегиальный характер, обеспечивало общественный контроль за действиями должностных лиц. Разрабатывая реформу местного управления, Столыпин стремился учитывать национальные традиции и ментальность большинства населения, решительно выступая за ликвидацию сословных перегородок и сословных учреждений особого управления крестьян (земские начальники, уездные съезды и губернские присутствия). Тем самым он создавал (прежде всего среди основной массы российского населения — крестьянства) предпосылки для формирования базовых элементов гражданского общества. Значительно расширяя гражданские права крестьян, он рассчитывал привлечь к управленческому процессу основную массу населения, приучая его к ответственности за выработку и принятие решений, от качества которых непосредственно зависело благосостояние и благополучие земельных, поселковых и волостных обществ. По сути, поселковое и волостное управление представляло собой местное самоуправление, хотя формально и не существовало законодательства о

низовом местном самоуправлении (т. н. «мелкой земской единице»).

Настаивая в своих законопроектах на ликвидации должностей уездного предводителя дворянства и земского начальника, которые по преимуществу отстаивали сословные интересы землевладельческого класса — поместного дворянства, скомывали местную инициативу, Столыпин предложил заменить их правительственными чиновниками (участковый комиссар). По его замыслу, правительственный участковый комиссар, являясь представителем правительственной власти, должен был быть связующим звеном между поселковым волостным и уездным управлениями, осуществлять надзор за их деятельностью. Городские общественные учреждения и чины общей полиции не входили в его компетенцию. Участковый комиссар назначался министром внутренних дел из лиц, достигших 25-летнего возраста, имеющих диплом об окончании высшего или среднего учебного заведения и соответствующий административный опыт. Он не имел права совмещать свою должность с какими-либо иными должностями по правительственной или общественной службе.

В круг компетенции участкового комиссара входило: ведение дел по земельному, поселковому и волостному управлениям, в том числе утвержде-

ние в должностях лиц поселкового и волостного управлений, контроль за правильностью их распоряжений и наложение на них дисциплинарных взысканий, вплоть до отстранения от должности; участие в завершении поземельного устройства сельских обывателей; заведование делами по взиманию окладных сборов; заведование делами по воинской и военно-конской повинностям; исполнение поручений правительственных учреждений; распоряжение при чрезвычайных обстоятельствах. Действия участкового комиссара могли быть обжалованы в уездном совете.

Определенные изменения в сфере управления предусматривались на уездном и губернском уровнях. В каждом уезде учреждалась должность начальника уездного управления, который являлся представителем общей правительственной власти в пределах уезда. Начальник уездного управления назначался царем по представлению министра внутренних дел из числа лиц, занимавших должности вице-губернатора, предводителя дворянства, непрямого члена губернского по крестьянским делам присутствия, председателя уездного съезда, председателя губернской или уездной земской управы. Его должность не могла быть совмещена ни с какими иными должностями по государственной и общественной службе.

Начальнику уездного управления подчинялись (в порядке руководства, надзора и ревизии) все уездные правительственные учреждения и должностные лица МВД, а также участковые правительственные комиссары. Кроме того, он, по поручению губернатора, мог производить ревизии всех земских и городских учреждений, присутствовать в заседаниях земского собрания и городской думы, не участвуя, однако, в разрешении дел.

Начальник уездного управления являлся председателем уездного совета во всех его присутствиях и осуществлял руководство его занятиями и делопроизводством. В компетенцию уездного совета входило осуществление распорядительных, административно-судных и дисциплинарных функций. В порядке своей деятельности начальник уезда подчинялся руководству и надзору губернатора, представлял ему ежегодные отчеты о состоянии дел в уезде и о деятельности правительственных и общественных учреждений уезда.

Управление губернией возлагалось на губернатора, кандидатура которого утверждалась царем по представлению министра внутренних дел и по одобрению Совета министров. Состоя в ведомстве МВД, губернатор являлся главным представителем высшего правительства в губернии. Он осуществлял наблюдение за точным исполнением за-

конов и распоряжений правительства, обеспечивал общественное спокойствие и безопасность, заботился о благосостоянии вверенной его управлению губернии. Губернатору принадлежал надзор за всеми находящимися в губернии гражданскими ведомствами, правительственными и общественными учреждениями и должностными лицами, исключая судебные установления, учреждения государственного контроля, Государственного банка и высшие учебные заведения.

Губернатор являлся председателем губернского совета, осуществляя руководство через его структуры (общее, распорядительное, административно-судное и дисциплинарное присутствия).

Таким образом, начиная с участкового и заканчивая губернским уровнями, создавалась единая и взаимосвязанная система управления, которую осуществляли правительственные чиновники-профессионалы, имеющие высокий социальный и административный статус, управленческий опыт. Рассчитывая сосредоточить в рамках возглавляемого им Министерства внутренних дел подбор и расстановку управленческих кадров различного уровня, Столыпин пытался сформулировать и отладить эффективную систему местного управления, которой и предстояло инициировать и стимулировать проведение реформ в регионах.

Вполне понятно, что Столыпин стремился подбирать и расставлять такие кадры, которые разделяли его программу преобразования России и выражали готовность активно участвовать в реализации реформ.

Второй составляющей столыпинской реформы управления, начиная с уездного уровня, было регулирование отношений между органами местного управления и самоуправления. В «Главных началах преобразования земских и городских общественных управлений» содержалась продуктивная мысль о необходимости создания в уездах и губерниях смешанных коллегий (губернские и уездные советы), состоящих на паритетных началах из правительственных должностных лиц и представителей местного самоуправления. Такие коллегии должны были четко определить и разграничить компетенцию и функции тех и других органов, а также выработать конкретные предложения по всему комплексу совместно решаемых проблем.

В целях устранения обособленности между органами управления и самоуправления предлагались следующие меры: преобразовать Совет по делам местного хозяйства на началах участия в нем выборных от земств и городов для предварительного обсуждения как дел законодательного свойства, так и распорядительных мер общего харак-

тера в области земского и городского хозяйства; расширить компетенцию земских и городских учреждений в областях: общественного призрения; народного здоровья; ветеринарного, продовольственного, строительного, пожарного, страхового дела; путей сообщения и средств связи; издания обязательных постановлений о развитии земледелия, торговли и промышленности.

Проект «Главные начала преобразования земских и городских общественных управлений» был направлен на демократизацию и расширение функций органов местного управления. Так, уездные гласные избирались: а) волостными собраниями, в которых принимали участие все их члены, кроме тех, которые уже входили в уездные избирательные собрания; б) уездными избирательными собраниями землевладельцев, в которых принимали участие лица, владеющие не менее одного года землей, обложенной губернскими и уездными сборами в размере не менее 25 руб.; в) уездными избирательными собраниями владельцев неземельных движимых имуществ и торгово-промышленных предприятий, в которых участвовали лица, владеющие не менее одного года названными имуществами и предприятиями, обложенными губернскими и уездными сборами в размере 25 руб., а также уполномоченные, избранные предвари-

тельным съездом владельцев городских недвижимых имуществ, обложенных земскими сборами в размере ниже установленного полного ценза, но не менее $\frac{1}{10}$ такового. Число гласных между этими тремя разрядами избирателей распределялось пропорционально суммам земских сборов. При этом число гласных от землевладельцев должно было быть не менее $\frac{1}{4}$, от волостных собраний не менее $\frac{1}{3}$ и от владельцев неземельных имуществ не менее 2 чел. Общее число гласных уездных собраний не должно было превышать 75 чел.

Число гласных губернских земских собраний определялось для губерний с 10 уездами в 50 чел.; для губерний с большим числом уездов на каждый уезд прибавлялось по 5 чел. Распределение общего числа гласных губернского земского собрания между отдельными уездами производилось пропорционально причитающимся с них суммам губернских земских сборов.

В целях расширения круга лиц, участвовавших в городских выборах, был на $\frac{1}{2}$ понижен избирательный ценз по владению недвижимостью. Избирательное право предоставлялось уплачивающим государственный квартирный налог в размере не менее 1 % стоимости или 10 % доходности по городской оценке недвижимого имущества, владение которым давало право участия в выборе

гласных в городскую думу. В городских поселениях черты постоянной оседлости участие в выборе гласных предоставлялось и евреям, число гласных которых не должно было превышать $\frac{1}{5}$ от общего числа гласных.

В проекте большое внимание уделялось проблеме финансирования земского и городского самоуправления. Причем при введении государственного подоходного налога земствам и городам предполагалось передать налоги с недвижимых имуществ, а городам еще дополнительно и квартирный налог, они также допускались к участию в государственном подоходном налоге¹⁷. Более того, согласно проекту «Об улучшении земских и городских финансов», на бюджет возлагались все расходы общегосударственного характера¹⁸.

Намечая демократизацию и расширение функций земского и городского самоуправления, действующего на основе Положений 1864 и 1870 гг. в 50 губерниях России, Столыпин планировал постепенно распространить местное самоуправление на остальные регионы империи. Если же учесть, что реформы земского и городского самоуправления мыслились Столыпиным в органическом

¹⁷ *Столыпин П.А.* Программа реформ. – Т. 1. – С. 280–293.

¹⁸ Там же. – Т. 2. – С. 238–242.

единстве с реформами в области управления, то тем самым создавалось единое унифицированное пространство, в котором органы управления и самоуправления, по сути, решали одни и те же общегосударственные задачи. В этом едином поле и должен был наладиться конструктивный диалог между функционально различными структурами и институтами, совместные усилия которых направлялись в созидательное русло. Стратегическая задача Столыпина как раз и заключалась в том, чтобы максимально снять имевшие место конфронтационные противоречия, порождавшие земскую оппозицию правительству, и направить усилия тех и других на решение задач общегосударственного и регионального масштаба.

Освобождение «становящейся личности», реформирование органов административной власти и местного самоуправления являлись необходимыми предпосылками для постановки и решения комплекса экономических, социальных, культурных проблем. В этом ряду судьбоносное значение имела предложенная Столыпиным аграрная реформа. Напомним, что Столыпин считал аграрный вопрос — вопросом «бытия русской державы»¹⁹. Учитывая степень историографической раз-

¹⁹ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. — С. 100.

работанности данной проблемы в отечественной и зарубежной литературе, акцентируем внимание на раскрытии понимания Столыпиным сущностной стороны аграрно-крестьянской реформы.

Столыпин отдавал себе отчет, что если не освободить многомиллионное крестьянство от традиционных общинных пут, если не предоставить ему законное право выхода из общины, то вообще бессмысленно говорить о раскрепощении личности и предоставлении ей гражданских и политических свобод. «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится в тисках общины, — говорил Столыпин, — он остается рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы»²⁰. Отсюда вытекала главная стратегическая задача — «снять те оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот способ пользования землей, который наиболее его устраивает»²¹. Крестьяне должны были сами сделать свой выбор, ибо, считал Столыпин, «закон не призван учить крестьян и навязывать им какие-либо теории, хотя бы эти теории и признавались законодателями совершенно основательными и правильными»²².

²⁰ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. — С. 105.

²¹ Там же. — С. 91–92.

²² Там же. — С. 91.

Указ 9 ноября 1906 г. как раз и создавал условия для такого свободного выбора для крестьян, став, по сути, последним звеном в «деле раскрепощения нашего земледельческого класса». Он ликвидировал насильственное прикрепление к общине и раз и навсегда уничтожил закрепощение личности, несовместимое с «понятием о свободе человека и человеческого труда»²³. Но чтобы крестьянин окончательно почувствовал себя свободным, ему, подчеркивал Столыпин, следует дать возможность «укрепить за собой плоды трудов своих и предоставить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отошла, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая. Пусть будет наследственная»²⁴. Считая чувство личной собственности природным свойством человека, Столыпин настаивал на том, чтобы в России сформировался мощный класс крестьян-собственников, который в аграрно-крестьянской стране станет, с одной стороны, основным источником формирования среднего класса, а с другой — прочным фундаментом гражданского общества и правового государства.

²³ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 52, 253.

²⁴ Там же. — С. 93–94.

В базовом документе — указе 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», ставшим 14 июня 1910 г. законом, четко прописывались права (личные и имущественные) выхода крестьянина-домохозяина из общины. «Каждый домохозяин, владеющий надельной землею на общинном праве, — говорилось в указе, — может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли»²⁵. Укрепив в личную собственность участки общинной земли, домохозяева сохраняли за собой право «пользования в неизменной доле теми сенокосами, лесными и другими угодьями, которые переделаются на особых основаниях, а также право участия в пользовании, на принятых в обществе основаниях, непеределаемыми угодьями, как то: мирскою усадебною землею, выгонами, пастбищами, оброчными статьями и др.»²⁶ После укрепления участков надельной земли в собственность домохозяин получал право «во всякое время требовать, чтобы общество выделило ему взамен сих участков соответственный участок, по возможности, к одному месту»²⁷.

²⁵ Столыпин П.А. Программа реформ. — Т. 1. — С. 380.

²⁶ Там же. — С. 381.

²⁷ Там же. — С. 382.

Помимо указа 9 ноября 1906 г. правительством Столыпина был разработан пакет документов, направленных на создание благоприятных условий для раскрепощения личности крестьянина и превращения его в личного собственника. Так, в распоряжение крестьян передавались казенные, удельные, кабинетские земли. В сельскохозяйственный оборот дополнительно вводились «впусте лежащие» земли Мугани и Голодной степи, а также регионов Сибири и Дальнего Востока. Правительство наметило меры по совершенствованию системы кредитования крестьян-собственников посредством рационализации деятельности Крестьянского поземельного банка. Речь шла об установлении шкалы понижения платежей будущих заемщиков, нормировании выплаты ссуд, предоставлении Крестьянским банком ссуд под залог наделных земель. Правительство открыло возможности по мобилизации крестьянских общественных капиталов, которые планировалось обратить на нужды развития мелкого сельскохозяйственно-го кредита.

В целом ряде землеустроительных проектов и особенно базовом из них — «Наказе землеустроительным комиссиям»²⁸ — намечалась программа

²⁸ Столыпин П. А. Программа реформ. — Т. 2. — С. 243–260.

первоочередных мер правительства по содействию крестьянам в улучшении условий землевладения и порядка землепользования. В Наказе разъяснялись меры по устранению недостатков в крестьянском землепользовании, порядок участия комиссии в деятельности Крестьянского поземельного банка по приобретению имений и продаже их крестьянам, компетенция комиссий по продаже и сдаче в аренду казенных земель, указывались возможные пути оказания помощи крестьянам, желающим переселиться за Урал. Наказ устанавливал также нормы землевладения, определял категории малоземельных и безземельных крестьян, которым комиссии должны были предоставить преимущественное право на покупку земли.

В трех проектах: «Правила о предназначении свободных казенных земель в пределах Европейской России для обеспечения нуждающихся в земле крестьян», «Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев на казенных землях Сибирских губерний и областей», «О предоставлении под переселение земель Алтайского округа» ставилась задача создать на этих землях эффективное частное крестьянское землевладение, что позволило бы постепенно изменить общинный менталитет крестьянского сознания, способствовать сознательному выбору между традицион-

ными и новыми системами земледелия и хозяйствования. Осуществляя переселенческую политику, правительство Столыпина преследовало и задачу геостратегического характера. Ее суть состояла в создании на окраинах империи из переселенцев надежного «русского оплота», что позволило бы воспрепятствовать проникновению на Дальний Восток «иностранцев» из сопредельных азиатских стран.

В контексте реализации этой актуальной задачи большое значение придавалось финансовой поддержке всего переселенческого дела. В целом ряде проектов были разработаны условия отпуска средств на общепользные надобности переселенцев, на выдачу льготных ссуд на сельскохозяйственные улучшения, а также льготных ссуд и пособий при землеустройстве. Учитывая опыт землеустроительных работ, правительство совершенствовало схему их финансирования. Взамен т. н. принципа «общедоступности ссуд», который показал свою неэффективность, правительство применило качественно иной принцип, суть которого состояла в введении дифференцированного подхода к предоставлению ссуд в зависимости от труднодоступности местности и от общегосударственных планов заселения пригодных к переселению земель. Что касается выдачи ссуд на сель-

скохозяйственные улучшения и «общепользные надобности» переселенцев, то в данном случае предполагалось основываться на следующих исходных положениях: централизация и унификация систем помощи переселенцам, создание на местах специальных органов, ведающих распределением ссуд, соблюдение равномерности в оказании материальной помощи переселенцам.

Анализируя опыт переселенческой политики, правительство пришло к выводу о необходимости отказаться от практики повсеместной даровой раздачи земли, сохранив при этом дифференцированный подход к переселенцам. Даровая раздача земли переселенцам ограничивалась труднодоступными в хозяйственном отношении местностями. В остальных же районах вводилась продажа земли по заранее определенной шкале расценок. С одной стороны, правительство принимало меры, облегчающие ходачество (бесплатная перевозка переселенцев и ходаков, упрощение порядка предоставления ходакам особых свидетельств), а с другой — в целях ускорения мобилизации и оборота земельного фонда ограничивало сроки сохранения переселенческих участков за ходаками, самовольно покинувшими места заселения.

Для эффективного проведения землеустроительных мероприятий правительство разработало

проект преобразования системы землемерных училищ, что позволяло готовить необходимое количество квалифицированных кадров для оперативного осуществления земельного переустройства. Были намечены меры по повышению качества преподавания в землемерных училищах, а сами училища включались в общеобразовательную систему страны.

Таким образом, комплексный подход к решению аграрно-крестьянского вопроса, как единой крупномасштабной проблемы, создавал вполне реальные условия и предпосылки для «раскрепощения нашего земледельческого класса», составлявшего, как известно, 80 % населения России, для создания рационального и конкурентоспособного частного крестьянского хозяйства, которое становилось базой товарно-рыночного производства сельскохозяйственной продукции. Создание частного крестьянского хозяйства стимулировало динамичный рост экономики России в целом.

В соответствии с потребностями экономического развития России правительством Столыпина был разработан пакет мер, которые в своей совокупности должны были обеспечить высокие и стабильные темпы экономического роста, создать мобильную и эффективную инфраструктуру, рациональную финансовую, кредитную и налого-

вую систему. Речь, по сути, шла о создании единого экономического пространства в масштабах Российской империи, включая Польшу, Финляндию и другие национальные окраины, что в ближайшей перспективе позволило бы осуществлять единую экономическую и финансовую политику, соответствующую современным рыночным отношениям. В проектах, разработанных в Министерстве торговли и промышленности и в Министерстве финансов, планировалось обеспечить интенсивное развитие производительных сил страны, включавшее освоение природных богатств страны, обеспечение доступа к ним представителей промышленного и торгового капитала, дешевый и общедоступный кредит, налоговые льготы для представителей среднего и мелкого бизнеса, а также облегчение налогового бремени для рядовых тружеников.

Так, в частности, был открыт широкий доступ крупному частному капиталу к разработке угольных и нефтяных месторождений, к добыче золота и платины, к освоению новых территорий в Сибири, Приморье, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и Закавказье. В проектах, касающихся сдачи казенных нефтеносных земель в разработку по договорам и предоставления льгот арендаторам казенных нефтеносных участков Апшеронского по-

луострова, прописаны условия получения в аренду нефтеносных участков, правила их эксплуатации, сделан акцент на необходимость обеспечения «нормальной добычи» нефти и поддержания «доступных цен» на нефтепродукты²⁹.

Планировалось дальнейшее развитие и совершенствование инфраструктуры: строительство железных дорог (например, второй путь Сибирской магистрали, Амурская железная дорога и т. д.), шоссейных и грунтовых дорог, подъездных путей, морских портов и торговых гаваней, товарных складов и элеваторов, холодильных установок, развитие средств телефонного и телеграфного сообщения, сооружение гидростанций и т. д.

В соответствии с потребностями экономики правительство Столыпина изменило устаревшую нормативную базу деятельности промышленных и финансовых структур. В отличие от архаичного разрешительного законодательства, тормозившего развитие частной инициативы и предприимчивости, препятствовавшего возникновению новейших форм организации промышленного производства и банковского дела, была предложена явочная система учреждения акционерных промышленных обществ и банков. Правительство выработало про-

²⁹ Столыпин П.А. Программа реформ. – Т. 2. – С. 532–534.

ект устройства и открытия заведений фабрично-заводской и ремесленной промышленности, который централизовал и унифицировал эту процедуру, тем самым упростив ее и одновременно оградив интересы населения от «вреда и беспокойства», которые могло принести соседство с промышленными предприятиями. Причем органам местного самоуправления было предоставлено право составления списков местностей, в которых запрещалось учреждение предприятий того или иного профиля, входящего в разряд риска.

Необходимость регламентировать имущественно-правовые отношения собственников земельных владений и владельцев построек, возведенных на этих землях (застройщиков), вызвало разработку специального проекта «О застройке», который устанавливал новое вещное право, отличное от права собственности и права найма³⁰.

Ряд проектов был направлен на совершенствование кредитно-финансовой системы (Устав Банка Обществ взаимного кредита, Устав кассы городского и земского кредита), упорядочение налогов и сборов (Положение о поземельном и промышленном налогах), совершенствование таможенных тарифов, предоставление тех или иных прав и льгот российским и иностранным промышленни-

³⁰ *Столыпин П.А.* Программа реформ. – Т. 2. – С. 526–531.

кам и предпринимателям («О некоторых изменениях в условиях образования железнодорожных предприятий», «Об облегчении условий эксплуатации подъездных путей»), что способствовало оживлению экономики, росту деловой активности среднего класса.

Учитывая назревшую потребность реформирования архаичной налоговой системы, правительство разработало проект введения в России прогрессивного налога, который, с одной стороны, должен был изменить приоритеты налогообложения с целью «достижения возможной равномерности обложения и возможного освобождения широких масс неимущего населения от дополнительного налогового бремени»³¹, а с другой — стимулировать население активнее вкладывать средства в различные сферы экономики. Вводя прогрессивную шкалу налогового обложения (кстати, из него исключались наследства, дарственные получения, страховые вознаграждения, выигрыши по процентным бумагам, суммы, направленные на богоугодные, благотворительные и просветительные цели), правительство установило начальную сумму облагаемого минимума дохода в размере 850 руб. в год (ранее даже планировалась сумма в 1500 руб. в год), налог с которой исчислялся

³¹ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. – С. 62.

в сумме 6 руб. Причем в проекте был прописан индивидуальный подход к каждой категории плательщиков, а также возможная система льгот. Так, по ходатайству плательщика, облагаемый доход которого не превышал 4 тыс. руб. в год и на попечении которого находились более двух, не имевших самостоятельного дохода, членов семейства (не достигшие 21 года, неспособные к труду вследствие болезни, достигшие 60-летнего возраста), сумма налога понижалась на один разряд за каждого члена семьи. В случае продолжительной болезни плательщика участковое по подоходному налогу присутствие могло снизить сумму исчисляемого налога, но не более, чем на три разряда³².

Динамичный рост государственного бюджета на протяжении пяти лет пребывания Столыпина у власти позволял использовать его не только собственнo на государственные нужды (содержание центрального и местного аппарата, армии и флота, образование, реализацию реформ и т. д.), но и передавать часть средств в распоряжение органов местного самоуправления — земским и городским управам на социальную сферу, на дальнейшее развитие образования и культуры.

³² Столыпин П.А. Программа реформ. — Т. 1. — С. 589–624.

Одной из важнейших составляющих столыпинской программы реформ было обеспечение социального партнерства между различными слоями населения. В отличие от своих предшественников, предпочитавших действовать по преимуществу административными методами, Столыпин предлагал законодательно закрепить право рабочих на экономические стачки, считая естественными их стремления к самоорганизации и борьбе за улучшение своего материального положения. Реформа рабочего законодательства мыслилась Столыпиным в двух взаимосвязанных направлениях: с одной стороны, планировалось постепенное ограничение административного вмешательства в отношения рабочих и предпринимателей, предоставление тем и другим необходимой свободы действий посредством профсоюзов, примирительных камер и т. п., а с другой — оказание реальной материальной помощи рабочим в виде государственного попечения о неспособных к труду путем страхования в случаях болезни, увечий, инвалидности, старости, а также организации врачебной помощи и пересмотра нормирования труда подростков и женщин (сокращение продолжительности труда, запрещение использовать труд детей и женщин на подземных работах и в ночное время). В целях «охранения жизни и здоро-

вья подрастающего рабочего поколения» подростки, помимо сокращения рабочего дня и недопущения к труду во вредных производствах, освобождались ежедневно в рабочее время на 3 часа для посещения общеобразовательных школ. Гибким и дифференцированным был подход к социальным гарантиям рабочих: врачебная помощь предоставлялась за счет владельцев предприятий, денежная помощь выдавалась больничными кассам, представлявшим собой выборный орган рабочего самоуправления. Причем размер денежного пособия на случай болезни или увечья устанавливался в пределах от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ заработка заболевшего, если на его иждивении находились жена и не достигшие 15-летнего возраста дети (законные, узаконенные, усыновленные или внебрачные), а также воспитанники и приемыши или не достигшие 15-летнего возраста братья и сестры, круглые сироты или родственники по прямой восходящей линии. При ином семейном положении заболевшему рабочему выплачивалось от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ заработка.

В случае болезни денежные пособия могли выплачиваться в течение 26 недель, а при повторных заболеваниях в совокупности 35 недель в течение года. В случае получения увечья пособия выплачивались со дня несчастного случая в тече-

ние 13 недель. Если же рабочий за это время не выздоравливал, то с 14-й недели ему выплачивалось пособие в размере $\frac{2}{3}$ заработка. В случае же утраты трудоспособности рабочему выплачивалось пособие: при полной утрате — $\frac{2}{3}$ его годового заработка; в особо тяжелых случаях — в размере полного годового заработка. В случае смерти рабочего в результате производственной травмы пенсия выплачивалась: вдове ($\frac{1}{3}$), детям до 15-летнего возраста ($\frac{1}{6}$), круглым сиротам ($\frac{1}{4}$), родственникам по прямой восходящей линии пожизненно, каждому в размере $\frac{1}{6}$, братьям и сестрам, круглым сиротам до 15-летнего возраста — $\frac{1}{6}$ годового заработка рабочего. Денежные пособия выплачивались беременным женщинам в размере $\frac{1}{2}$ заработка в течение двух недель до родов и в течение четырех недель после родов³³.

Наряду с рабочим законодательством был разработан пакет проектов, касающихся улучшения труда и быта различных категорий служащих (торговых, железнодорожных, почтовых, телеграфных), а также ремесленников, учителей начальной и средней школы, средних и мелких чиновников, военнослужащих, городского и сельского духовенства. В развитие закона 2 марта 1903 г. «О воз-

³³ Столыпин П.А. Программа реформ. — Т. 1. — С. 506, 519–521.

награждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств на предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности» был подготовлен ряд проектов, распространявших нормы страхового законодательства на подведомственные им казенные предприятия. Так, проект Министерства финансов распространял свое действие, помимо лиц, получивших увечья при несчастных случаях, и на пострадавших вследствие профессиональных заболеваний, а также на служащих торговых заведений данного ведомства³⁴. Проект Министерства путей сообщения вводил систему категорий при оплате вознаграждения пострадавшим, а также сохранял принцип индивидуальной ответственности железных дорог перед пострадавшими рабочими и служащими³⁵.

Разрабатывая реформы в области социального законодательства, правительство Столыпина ориентировалось в своих действиях на унификацию системы выплат как в рамках одного ведомства, так и среди нескольких ведомств, в частности, при оплате труда лиц, относящихся к одной и той же категории. Так, в проектах об увеличении содер-

³⁴ Столыпин П.А. Программа реформ. – Т. 2. – С. 317–324.

³⁵ Там же. – Т. 2. – С. 352–370.

жания служащим в духовно-учебных заведениях и преподающим в церковно-приходских школах решалась задача ликвидации возникших ножниц в оплате труда учителей школ духовного ведомства и школ, относящихся к ведению Министерства народного просвещения и местного самоуправления, ибо и те и другие работали на благо просвещения.

Что касается унификации выплат в рамках одного ведомства, то в этом плане показателен проект об увеличении окладов содержания нижним служащим почтово-телеграфного ведомства³⁶. В данном проекте правительство пошло на упразднение прежней системы различных, не согласованных между собой, тарифов оплаты и введение единых норм содержания служащим данного ведомства. Аналогичные проблемы решались в рамках военного ведомства, проект которого о призрении нижних воинских чинов и их семейств устранял существовавшие различия в правилах начисления пенсионных окладов и создавал стройную систему единого пенсионного обеспечения. С этой целью предполагалось централизовать источники выдачи пенсий (государственное казначейство) и сосредоточить ее назначение в одном учреждении, предоставить право на пенсию всем

³⁶ *Столыпин П.А.* Программа реформ. – Т. 2. – С. 309.

нижним чинам, потерявшим способность к труду на службе как в военное, так и в мирное время, установить размеры пенсий в зависимости от единой сетки разрядов болезней и ранений, предложив при этом единые правила проведения освидетельствования.

Разрабатывая принципы новой социальной политики, правительство Столыпина пошло на инновационный шаг: «увязало» проблему повышения материального уровня чиновников и служащих с результативностью проводимых реформ. Весьма характерен в этом отношении проект увеличения содержания чинам судебного ведомства. В его обосновании подчеркивалось, что только достаточное материальное вознаграждение может обеспечить правильную постановку судопроизводства, гарантировать независимость и объективность судебных решений, привлечь в ряды судебного ведомства высокопрофессиональных и честных работников, что имело особое значение в условиях роста гражданского самосознания населения, повышения роли суда в контексте становления гражданского общества и правового государства.

Вместе с тем правительство своими социальными мероприятиями стремилось поддерживать Православную церковь, прежде всего в лице ее служителей низового звена — городского и сельского приходского духовенства, чтобы, на фоне

коренных преобразований экономического и социального уклада, обеспечить в широких слоях населения устойчивость нравственно-этических традиций. Представленный правительством проект о дополнительном отпуске средств на содержание городского и сельского духовенства последовал, в числе прочего, цель создания новых приходов в местах переселения крестьян в Сибирь и на Дальнем Востоке.

Актуальным представляется проект о принципах, формах и размерах выплат содержания депутатам Государственной думы. Согласно проекту члены Государственной думы получали из казны довольствие в размере 4200 руб. в год. Члены комиссий Государственной думы получали дополнительное довольствие в размере 10 руб. в день. Те же члены Думы, которые без уважительных причин отсутствовали на общем собрании, наказывались вычетом из довольствия³⁷.

Сознавая тесную зависимость экономического и политического развития страны от уровня просвещения и профессиональной подготовки населения, Столыпин планировал совместно с общественными учреждениями (земствами и городскими управами) создать единую и общедоступную

³⁷ *Столыпин П.А.* Программа реформ. – Т. 2. – С. 313–314.

образовательную сеть, включающую начальное, среднее и высшее образование. При этом подчеркивалась мысль о необходимости именно «законченного круга знаний» на каждой ступени образовательного цикла. В проекте Министерства народного просвещения «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи» говорилось: «Всем детям обоего пола должна быть предоставлена возможность, по достижении школьного возраста, пройти полный круг обучения в правильно организованной школе»³⁸. Министерством народного просвещения были разработаны типовые образцы школьных сетей (начальных и высших начальных училищ), составлены необходимые инструкции, планировалось повышение заработной платы учителям. За 1907–1911 гг. ассигнования на начальную школу возросли с 9 млн. до 35,9 млн. руб. Законом 22 июня 1909 г. был образован специальный школьный строительный фонд, из которого отпускался льготный кредит на строительство школ³⁹.

В контексте общего стратегического замысла (формирование единой образовательной системы, реорганизация дела подготовки учительских и пре-

³⁸ *Столыпин П.А.* Программа реформ. – Т. 1. – С. 625.

³⁹ Там же. – С. 627–648.

подавательских кадров, привлечение государственных, общественных и частных средств) разрабатывался пакет проектов в области среднего и высшего образования. Речь в них шла о необходимости инкорпорирования гимназий в общую систему среднего образования, о создании сети одногодичных и краткосрочных курсов для подготовки учителей и учительниц средних заведений, об устройстве временных педагогических курсов для подготовки преподавателей, об учреждении специального Учительского института в Ярославле. Правительство ассигновало значительные средства на переподготовку учителей средней школы, на организацию для них ознакомительных поездок за границу для изучения европейского опыта постановки школьного образования. С целью преодоления недостатков в подготовке преподавательских кадров высшей квалификации — профессоров, правительство разработало ряд проектов, направленных, с одной стороны, на подготовку профессорских кадров в России и за рубежом, а с другой — на улучшение их материального положения.

Правительство Столыпина предоставило широкие возможности частной и общественной инициативе для участия в деле развития высшей школы. В этом плане характерны проекты Положения

о Московском Коммерческом институте, Московском Археологическом институте и Московском городском Народном университете им. А.Л. Шанявского⁴⁰. Стремясь сохранить за государством контролирующие и регулирующие функции, правительство разработало новый Университетский устав и правила, касающиеся студенческих организаций. Продолжая традиции августовского проекта 1905 г., устав создавал благоприятные условия для автономного функционирования университетов (выборность ректора, широкие права профессорско-преподавательского корпуса и т. д.). Вместе с тем, памятуя о студенческих волнениях 1905–1906 гг., правительство ужесточило правила организации и деятельности студенческих обществ и порядок проведения ими собраний в стенах высших учебных заведений.

Следует особо подчеркнуть, что Столыпин придавал принципиально важное значение развитию отечественной науки и культуры. Будучи государственно-мыслящим человеком, он поощрял выделение значительных средств на фундаментальную академическую науку, на научные экспедиции, на содержание различных научных обществ, библиотек (в частности, Публичную библиотеку),

⁴⁰ *Столыпин П.А.* Программа реформ. – Т. 2. – С. 569–571, 589–594, 649–662.

музеев, на издание научной литературы и журналов, на развитие театрального дела, кинематографии, охрану и реставрацию памятников древности. Столыпин был убежден в том, что сохранение и приумножение славных традиций отечественной науки и культуры является одним из определяющих факторов формирования национального самосознания русского общества и его патриотического воспитания.

Являясь категорическим противником силовых методов разрешения внешнеполитических конфликтов, Столыпин, вместе с тем, выступал последовательным и решительным сторонником укрепления военно-стратегической мощи России. Предлагаемые им реформы в военной сфере включали разработку нового Воинского устава, в котором четко прописывались льготы по отбыванию воинской повинности для различных категорий призывников (по состоянию здоровья, семейному положению, образовательному цензу), круг функций и компетенций призывных комиссий и система обжалования их решений, определение срока и места службы, меры ответственности призывника за уклонение от призыва в армию и т. д.⁴¹ Одновременно в пакете военной реформы речь шла

⁴¹ *Столыпин П.А.* Программа реформ. – Т. 1. – С. 658–695.

о создании благоприятных условий для военно-служащих срочной службы, увеличении содержания офицерского состава.

Итак, едва ли подлежит сомнению, что выработанная и предложенная обществу Столыпинным логически взаимосвязанная во всех частях и звеньях масштабная программа системных реформ, рассчитанная на весь длительный переходный период, представляла собой самостоятельный вариант (тип) модернизации России. Данный тип, базирующийся на сохранении исторических традиций (монархического принципа, особых ролевых функций государства) и вместе с тем на признании огромной роли творчески и созидательно ориентированной свободной личности, можно охарактеризовать как консервативно-либеральный. Причем именно такой тип наиболее характерен для переходных периодов. С одной стороны, подобный тип модернизации, задействуя традиции и институты в лице монархии, не только не отрицал инновационных явлений и процессов новой исторической эпохи, но и пытался соединить их в единое целое. С другой стороны, данный тип модернизации, отражавший общегосударственные интересы, давал довольно широкий простор развитию отдельной личности. Характерно также, что если в области трансформации политических ин-

ституты и структуры Столыпин позиционировал себя в роли консерватора, сторонника сохранения дуалистической политической системы, то в экономике и социально-культурной сфере он выступал в роли последовательного либерала. Подобного рода амбивалентность характерна для политических лидеров, вынужденных действовать в условиях переходных периодов, когда трансформационные процессы еще не получили своего завершения. Разрабатывая программу системных реформ, Столыпин, являясь рационально мыслящим политиком, вынужден был учитывать «коридор возможностей», который ему предоставила конкретная российская действительность. Как реальный политик он не мог не считаться с расстановкой социальных и политических сил, накалом партийной борьбы в обществе. Вместе с тем он не мог игнорировать наличие материальных ресурсов, а также возможностей адаптации общества к системным преобразованиям.

Глава третья

ТЕХНОЛОГИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО КУРСА

Для понимания содержательной стороны и вектора эволюции правительственного курса Столыпина кратко охарактеризуем среду, в которой он должен был реализоваться. Напомним, что Столыпин был назначен на пост министра внутренних дел 26 апреля 1906 г., когда пик революции был уже пройден и в Манифесте 17 октября 1905 г. и новой редакции Основных законов 23 апреля 1906 г. получили, образно говоря, законодательное закрепление «границы коридора возможностей» для реорганизованного правительства (исполнительная власть) и народного представительства (Государственная дума). Эпицентр диалога между властью и обществом перемещался «с улицы» в зал и кулуары Таврического дворца. Назначая энергичного и волевого саратовского губернатора главой силового ведомства, Николай II

поручал ему провести окончательную «зачистку» очагов революции, ликвидацию террористических и экспроприаторских группировок, реорганизацию подведомственных ему структур и, в конечном счете, «обеспечение общественного порядка и спокойствия» в масштабах империи. Находящийся до этого на периферии столичной политической жизни, не в полной мере осведомленный о «многоходовых операциях» в верхних эшелонах власти, чуждый придворных интриг, Столыпин, давший свое согласие на занятие поста министра внутренних дел, не сразу осознал все те трудности, с которыми ему придется столкнуться в своей новой деятельности.

Конечно, Столыпин понимал, что все зависит от отношения к нему Николая II. Будучи убежденным сторонником монархии, впитавший в себя многовековые семейные традиции долга и преданности верховной власти, совпадающих в его представлении с долгом и преданным служением государству, Столыпин был искренне убежден в том, что изменения в политической системе, осуществленные «сверху», будут способствовать «умиротворению» страны и станут предпосылкой ее дальнейшей эволюции. Столыпин был также убежден в том, что царь, созывая народное представительство, готов пойти на диалог с обществом и совме-

стно с ним развязывать конфликтные узлы. Лишь постепенно Столыпин стал понимать, что царь пошел на реформу политической системы не по своим внутренним убеждениям, а под давлением революции, что его представления ориентированы не в будущее, а в прошлое, что он не намерен развивать и углублять идеи, заложенные в Манифесте 17 октября 1905 г., и конструктивно сотрудничать с Государственной думой. В реальности Николай II был весьма сложной и противоречивой фигурой, зачастую действовал под давлением внешних влияний, которые, в данной конкретной ситуации, могли исходить от самых разных источников. В зависимости от того или иного соотношения сил на политической арене в целом, да и в придворных кругах в частности, менялось не только настроение царя, но и происходили смещения приоритетов в его «широком» и весьма расплывчатом мировоззрении.

Так, в период развития революции по восходящей линии, когда исход конфликта между властью и обществом был неясен, когда династии угрожала вполне реальная опасность, Николай II, подписывая Манифест 17 октября, заявил: «России даруется конституция». В дневниковой записи, датированной этим днем, он писал: «Подписал Манифест в 5 час. После такого дня голова сде-

лалась тяжелою и мысли стали путаться. Господи, помоги, спаси и умири Россию!»¹. Через четыре года, в 1909 г., после достижения политической стабильности в стране, Николай II уже заговорил о своем желании превратить Думу в законосовещательный орган; в 1913 г. еще раз скорректировал свои оценки: «При отсутствии у нас конституции Дума есть полная бессмыслица»; а в 1914 г. он вообще предложил ликвидировать законодательный статус Думы². Расплывчатые представления царя о сущности дарованного им же после октябрьского политического режима, его стремление к откату назад свидетельствовали о том, что в его мировоззрении понятия «конституция», «законодательное народное представительство», «диалоговые формы разрешения конфликтов» так и остались не «врубленными», а ситуационными. Николай II не видел себе достойного места в системе либеральных правовых и институционных ценностных координат, предпочитая править страной «как встарь», как это на протяжении трехсот лет делали его предки Романовы.

Вполне понятно, что Столыпин, соглашаясь занять пост министра внутренних дел, должен был

¹ Дневники императора Николая II. – М., 1991. – С. 285.

² См.: Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. – СПб., 1996. – С. 558–559.

принять и те правила игры, которые определялись царем. Являясь сторонником эволюции политического режима в направлении правового государства, Столыпин, хотел он того или нет, вынужден был согласовывать свои публичные оценки послеоктябрьского режима с мировоззренческими представлениями, пристрастиями и настроениями Николая II.

При оценке ситуации, в которой приходилось действовать Столыпину, следует также учитывать отношение к нему придворной камарильи, влиятельных консервативных кругов. Введенный по воле монарха в круг высшей политической элиты, Столыпин в полной мере испытал на себе «вязкость» разного рода подковерных интриг, давлений и откровенных провокаций. Придворные круги и консервативная часть политической элиты видели в Столыпине «удачливого выскочку», «провинциала», попавшего на Олимп власти по воле случая и связей его родственников по линии жены. На первых порах они рассчитывали «прибрать» его к рукам, сделать своей игрушкой, а затем скомпрометировать в глазах царя и отправить в отставку. Это был стратегический просчет правоконсервативных кругов, которые так и не смогли вначале понять, что им предстоит иметь дело с самодостаточным, умным и волевым человеком, име-

ющим сформированную систему мировоззренческих представлений. Однако, осознав, что Столыпина нельзя «свернуть с пути», правоконсервативные круги начали плести против него интриги и предпринимать разного рода провокационные действия. По мере «вживания» в атмосферу борьбы группировок в верхнем эшелоне политической элиты, Столыпин, рассчитывающий исключительно на поддержку и искренность царя, принял решение действовать в поле собственных представлений, формировать «команду» единомышленников.

По-разному восприняли назначение Столыпина на пост министра внутренних дел либеральные и леворадикальные общественные и политические круги. Если в глазах леворадикальной общественности бывший саратовский губернатор уже давно представал в образе «душителя революции», «реакционера» и «погромщика», «крепостника-помещика» и «махрового националиста», с которым следует продолжать вести беспощадную борьбу вплоть до его физического уничтожения путем организации террористических актов, то для либеральной общественности фигура Столыпина на первых порах представлялась не столь однозначной. Либеральная общественность консервативного толка допускала возможность всту-

пить с ним в диалог и лишь после прояснения его политических позиций принимать то или иное решение. Леворадикальное крыло либеральной оппозиции с самого начала отнеслось к Столыпину с явным недоверием, хотя в принципе также не отрицало возможности диалога с ним по широкому кругу текущих и перспективных проблем.

Итак, деятельность Столыпина на посту министра внутренних дел начиналась в весьма сложной и предельно острой обстановке борьбы между представителями самых разных моделей преобразования страны, ведущих непримиримую борьбу друг с другом. Понятно, что Столыпину потребовалось определенное время, чтобы «оглядеться», понять суть хитросплетений и интриг, салонных дискуссий и публичных диспутов. И надо сказать, что премьер-министр, обладавший аналитическим складом ума, умело использовавший предшествующий опыт деятельности на постах предводителя дворянства и губернатора, имевший собственные утвердившиеся представления о перспективах развития России, непреклонную волю выполнить свой долг государственного служения, образно говоря, «с колес» включился в сложную работу.

В условиях продолжающейся революции, хотя и прошедшей пик своего развития, выполнить задачу установления порядка и спокойствия в стра-

не было просто. Столыпину действительно пришлось использовать жесткие и непопулярные в обществе меры подавления революционных выступлений, которые были направлены на дезорганизацию общественной и экономической жизни, прямое насилие против представителей администрации, полиции, жандармерии, чинов армии и флота. Покушение на самого Столыпина 12 августа 1906 г., приведшее к гибели 27 и ранению 32 чел. (в том числе были тяжело ранены дочь и сын), стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Николая II, который санкционировал введение военно-полевых судов. Согласно указу 19 августа 1906 г. военно-полевые суды создавались в местностях, объявленных на военном положении и на положении чрезвычайной охраны, и существенно отличались не только от обычных гражданских, но и от военно-окружных судов. В состав военно-полевых судов назначались строевые офицеры, юрисдикции которых подлежали дела о тяжких преступлениях как военных, так и гражданских лиц (убийства, разбои, грабежи, нападения на военнослужащих, полицейских и чиновников). Никакого предварительного следствия не производилось, а сам приговор основывался на материалах охранного отделения или жандармского управления. В судебном заседании не уча-

ствовал ни прокурор, ни защитник, ни свидетели защиты. По личному требованию Николая II в указ был вписан пункт, согласно которому приговор выносился не позже чем через 48 час. и в течение 24 час. приводился в исполнение. За восемь месяцев своего существования военно-полевые суды вынесли 1102 смертных приговора, однако казненно было 683 чел.³

Давая оценку такой устрашающей мере, как военно-полевые суды, отметим, что идея их введения не принадлежала лично Столыпину. Эта мера давно была инициирована правоконсервативными кругами, которые и были поддержаны Николаем II. Как министр внутренних дел Столыпин обязан был выполнить указание царя. Однако он лично рассматривал введение военно-полевых судов как исключительную меру, которая ни в коем случае не должна была стать постоянно действующим фактором в борьбе против революции. Не случайно Столыпин отказался вносить законопроект о военно-полевых судах во II Думу и указ 19 августа 1906 г. автоматически потерял силу закона. Рассмотрение дел о тяжчайших преступлениях передавалось в военно-окружные суды. Соблюдая процессуальные нормы производства,

³ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. – М., 2000. – С. 29.

военно-окружные суды с 1907 по 1909 г. вынесли 4232 смертных приговора, 1824 из которых были приведены в исполнение⁴. Однако после 1909 г. число казненных по приговорам военно-окружных судов резко пошло на убыль: в 1910 г. их было 129, в 1911 г. — 58⁵.

Помимо крайних мер подавления революции, был задействован и репрессивный аппарат гражданского судопроизводства. В 1906–1912 гг. по делам о государственных преступлениях в гражданских судах прошло 35 тыс. человек, причем 10 тыс. были оправданы. Почти половине подсудимых вменялась в вину принадлежность к противозаконным обществам. Затем шли такого рода преступления, как революционная пропаганда и хранение нелегальной литературы, участие в политических демонстрациях, оскорбление его императорского величества. В особые категории выделялись «преступления против порядка управления» (в 1911 г. по ним было осуждено 8117 чел.), преступления и проступки печати (в 1911 г. по ним было осуждено 233 чел.)⁶. Из политических осужденных в 1905–1912 гг. 7,5 тыс. были приговорен-

⁴ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. — С. 29.

⁵ Там же. — С. 30.

⁶ Там же. — С. 26.

ны к каторжным работам⁷. В 1906–1908 гг. правительство широко применяло административную ссылку. В последующие годы она стала применяться реже. По сведениям самого Столыпина, в 1908 г. в административную ссылку было отправлено 10 060 чел., однако в 1909 г. — лишь 1991 чел.⁸ По мере ослабления политического напряжения в стране правительство сочло возможным смягчить или даже отменить исключительное положение в 130 различных местностях империи⁹.

Столыпин считал важным принять меры к недопущению «политики» в деятельности административных органов и органов местного самоуправления. 4 августа 1906 г. Совет министров рассмотрел вопрос «Об ограничении должностных лиц и служащих в государственных учреждениях по вольному найму в праве участвовать в политических партиях и союзах и о преграждении таковым лицам противоправительственной агитации». В результате длительной дискуссии Совет министров пришел к выводу, что «участие служащих в политических союзах и обществах допустимо лишь постольку, поскольку сие совместимо с требова-

⁷ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. — С. 32.

⁸ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. — М., 1991. — С. 263.

⁹ Там же.

ниями служебного долга и служебной дисциплины, и что участие сих лиц в противоправительственной агитации не может быть терпимо ни при каких условиях»¹⁰. Это решение Совета министров 24 августа 1906 г. было одобрено Николаем II. В своих выступлениях Столыпин неоднократно предостерегал служащих разных категорий от участия в политических партиях и союзах, считая, что занятие служащих политикой несовместимо с исполнением ими служебных обязанностей.

Выполнение отрицательной задачи — борьба с революцией — занимало одно из приоритетных мест в повседневной деятельности Столыпина. Он сохранил за собой после назначения премьер-министром 8 июля 1906 г. и пост министра внутренних дел, что, разумеется, способствовало укреплению его положения и влияния при принятии правительственных решений. Столыпин четко видел совокупность причин, обусловивших неэффективность действий репрессивного аппарата накануне и в ходе самой революции, его несоответствие требованиям времени. Им был предложен принципиально важный «Проект исключительного положения», суть которого заключалась в том, что, в отличие от прежней практики,

¹⁰ Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. — М., 1982. — Ч. 1. — С. 150.

существовавшей с 1881 г., сужались возможности введения исключительных мер. Введение исключительного положения допускалось лишь в случае чрезвычайных обстоятельств, угрожавших общественной безопасности и национальным интересам России. Причем акцент в проекте был сделан на необходимость принятия мер предупредительного, а не репрессивного характера¹¹.

Одновременно Столыпиным был предложен проект реформирования силовых ведомств. Так, в Уставе полицейском четко прописывались права и обязанности полиции, структура и компетенция ее органов. Устав устанавливал правила о полицейском надзоре, а также меры наказания за различные категории правонарушений¹². «Полиция, — говорилось в ст. 1 устава, — наблюдает в пределах возложенных на нее обязанностей, и на основании, в сем уставе указанном, за исполнением законов и обязательных постановлений и принимает меры к предотвращению, обнаружению, устранению и преследованию всякого рода действий, воспрещенных законами уголовными или направленных против государственного или общественного порядка и спокойствия, а равно личной и имущественной безопасности»¹³. Все на-

¹¹ Столыпин П.А. Программа реформ. — Т. 2. — С. 17–28.

¹² Там же.

¹³ Там же. — С. 142.

рушения закона или обязательного постановления должны быть зафиксированы в письменной форме, протоколом, в котором указывалось, где, когда и кем совершено нарушение, в чем оно заключалось, какому закону либо обязательному постановлению противоречит и какими последствиями угрожает, а также в чем заключается требование, предъявленное полицией»¹⁴. При задержании «лица, заподозренного в совершении преступного деяния, полиция руководствуется постановлениями, в законе о неприкосновенности личности и в подлежащих судопроизводственным правилам определенными»¹⁵.

В проекте «Об организации сыскной части», которая должна была быть образована в составе полицейских управлений, обозначалось место ее дислокации и устанавливалось штатное расписание и материальное вознаграждение¹⁶.

Одновременно с реорганизацией силовых структур осуществлялось и преобразование таких высших судебных органов, как Верховный военно-уголовный суд. По существу реформа этого органа означала ликвидацию «безответственных» влияний лиц, принадлежащих к императорской фами-

¹⁴ *Столыпин П.А.* Программа реформ. – Т. 2. – С. 143.

¹⁵ Там же. – С. 144.

¹⁶ Там же. – С. 117–118.

лии и дворцовой камарильи и занимавших высшие военные посты в армии и флоте. Принципиально важное значение имел также столыпинский проект о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные распоряжениями должностных лиц. Он касался чиновников на всех ступенях управленческого аппарата, а также и органов крестьянского и общественного управления.

К сожалению, «Проект исключительного положения» и «Устав полицейский», «увязнув» в думских дебатах, так и не были приняты. Что же касается проекта «Об организации сыскной части» и проекта «О порядке ответственности за преступления по службе высших чинов военного управления и о Верховном военно-полевом суде», то они стали законами соответственно 15 июля 1908 г. и 12 сентября 1906 г.

Как видим, подвижки в области реформирования силовых структур и всей системы судопроизводства, с ними связанной, оказались не столь кардинальны, как рассчитывал Столыпин. Борьбу с революцией ему приходилось вести в основном при помощи уже устаревшего административно-репрессивного аппарата. Понимая, что обязанность правительства «ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все меры, принимаемые в этом направлении, знаме-

нуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ», Столыпин, по его образному выражению, готов был действовать и «кремневым ружьем». «Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым»¹⁷.

Напрягая всю свою волю, пренебрегая грозящей лично ему каждодневной опасностью быть убитым террористами, Столыпин, по мере возможности совершенствуя и концентрируя усилия своего силового ведомства, все же успешно решил задачу, которую Николай II поставил перед ним, назначая на пост министра внутренних дел. Ему удалось подавить основные очаги революции, уничтожить террористические и экспроприаторские группы. Постепенно набирая силу, в России установился законный порядок и общественное спокойствие, что было неперенным условием перехода от отрицательной задачи — подавление революции, к решению положительной задачи — реализации системной программы реформ. В связи с этим соответственно менялись и приоритеты: правительство во главе со Столыпиным

¹⁷ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 41.

могло сосредоточить свое основное внимание на проведении реформы во всех сферах жизни. Для решения положительной задачи требовались уже иные механизмы и иные технологии.

Отметим, что Столыпин по своему положению в иерархии исполнительной власти мог заниматься лишь вопросами таких структурных преобразований, которые не выходили за пределы Министерства внутренних дел. Однако и на этом посту он сумел четко обозначить свою стратегическую позицию. Так, в трех первых своих выступлениях с трибуны I Государственной думы, формально посвященных ответам на запросы депутатов, Столыпиным был высказан ряд общих положений, заслуживающих исследовательского внимания. Во-первых, он подчеркнул, что власть даже в условиях системного кризиса обязана действовать в рамках существующих законов, ограждая интересы и государства, и частных лиц. «Согласно понятию здравого правосознания, мне, как министру внутренних дел, надлежит справедливо и твердо охранять порядок в России»¹⁸. Во-вторых, Столыпин вполне определенно дал понять думским депутатам, что им тоже не следует выходить за рамки законодательных прерогатив, четко

¹⁸ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 42.

прописанных в законе, и не вмешиваться в действия исполнительной власти.

Конечно, не вина Столыпина, что его предшественники на посту премьер-министра в должной мере не готовились к встрече с думскими депутатами. Правительство, возглавляемое И.Л. Горемыкиным, не смогло представить в I Думу единой масштабной программы преобразований, ограничившись внесением законопроектов частного характера. В свою очередь либеральная оппозиция, окрыленная победой на выборах и стремящаяся к реализации собственной весьма радикальной модели переустройства России, не хотела идти на компромисс с правительством, настаивая на его замене ответственным министерством. Конструктивная работа правительства с I Думой оказалась изначально невозможной. Правительство, в целом, верно определило роль I Думы — «опорный пункт революционного движения». В течение двух дней, 7 и 8 июня 1906 г., в Совете министров шла оживленная дискуссия о дальнейших судьбах I Думы. Из 13 чел., присутствовавших на этих двух заседаниях, лишь трое министров — В.Н. Коковцов, П.М. Кауфман и А.П. Извольский — высказались против немедленного роспуска Думы, считая, что этим был бы сделан «роковой шаг, последствия которого неисчислимы. Он неминуемо обо-

значил бы собой явный разрыв Правительства с населением, без поддержки которого немыслима между тем никакая созидательная работа, а, следовательно, невозможно и действительное успокоение страны»¹⁹. Три министра считали, что правительство еще не до конца использовало свой ресурс. По их мнению, правительству следовало бы вступить в контакт с более умеренными думскими депутатами, в случае же если переговоры не дадут своего результата, Совету министров тогдашнего состава надо уйти в отставку, уступив тем самым свое место общественным деятелям. При этом речь шла об образовании именно парламентского министерства, в которое должны войти «люди, — столь же, как и настоящие его члены, — верные и преданные Государю и родине, но не связанные своим прошлым с прежним режимом или, по крайней мере, своевременно заявившие о своем с ним разобщении, а главное не поставленные силою обстоятельств в положение того полного разлада с Думою, в котором находился нынешний состав Совета. Таких людей надо искать частью в среде высших чинов служивого класса, известных умеренностью своих взглядов, частью в общественной среде»²⁰. Характер-

¹⁹ Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. — Ч. 1. — С. 34–35.

²⁰ Там же. — С. 36.

но, что министр финансов Коковцов заявил, что он «не ожидает восстановления правильного хода государственной жизни от одной перемены личного состава нынешнего Совета, особенно, если состав этот не будет принадлежать к господствующей в Думе партии»²¹. По сути, речь шла о формировании чисто кадетского министерства, а это означало признание парламентаризма.

Однако большинство Совета министров (И.Л. Горемыкин, В.Б. Фредерикс, А.Ф. Редигер, А.А. Бирилев, А.А. Ширинский-Шихматов, П.Х. Шванебах, А.С. Стишинский, Н.К. Шауфус, И.Г. Щегловитов и П.А. Столыпин) считало переход к парламентаризму в сложившихся экстремальных условиях принципиально неприемлемым, ибо это открывает путь к разрушению государства. 10 членов кабинета министров высказались за немедленный роспуск I Думы, считая его актом «необходимой государственной обороны»²². Проблема заключалась лишь в одном: «Надо выбрать удачный момент для роспуска, дабы оправдать в глазах благоразумной части населения государственную необходимость такой меры»²³.

²¹ Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. – Ч. 1. – С. 37.

²² Там же. – С. 40, 41–42.

²³ Там же. – С. 42.

Колебания в правительственных кругах после заседания Совета министров продолжались еще в течение целого месяца, на протяжении которого различные группировки министров вели интенсивные переговоры с представителями консервативно-либеральных и либерально-радикальных общественных и политических кругов. В этих переговорах активное участие принимал и сам Столыпин. Однако наметившийся диалог власти с либеральной оппозицией так и не смог привести к компромиссу²⁴. С одной стороны, лидеры либеральной оппозиции, почувствовавшие колебания в правительственных кругах, рассчитывали добиться серьезных уступок у власти (как максимум — кадетское ответственное министерство, либо как минимум — министерство общественного доверия). Для Столыпина требование кадетского министерства, а следовательно, введение парламентаризма в условиях переходного времени было в принципе неприемлемо. Однако он все же не отрицал возможности формирования министерства, состоящего из представителей либеральной бюрократии и либеральной общественности. Такой комбинированный тип министерства Столыпин

²⁴ См.: *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). — Л., 1977.

считал в общем и целом допустимым для переходного периода. Поэтому он и принимал участие в обсуждении как программы этого министерства, так и персонального круга лиц, которые в него могли бы войти.

Все участники переговорного процесса: и министры, и общественные деятели — прекрасно понимали, что окончательное решение должен принять царь. Николай II лично провел ряд встреч с представителями умеренных кругов либеральной общественности. Колебания Николая II продолжались до конца июня 1906 г. И лишь после обсуждения в Думе кадетского аграрного проекта с его лозунгом принудительного отчуждения помещичьих земель, с которым депутаты намеревались обратиться непосредственно к народу, колебания в правительственных кругах и у самого Николая II прекратились. 8 июля 1906 г. император подписал указ о роспуске I Государственной думы.

В течение месяца, пока велись переговоры с либеральной общественностью, Столыпин сделал максимально возможное для мобилизации административного и силового ресурсов на случай возможного обострения политической ситуации в стране в связи с роспуском I Думы. Никто не мог предвидеть, как поведет себя электорат, если законодательное представительство его избранны-

ков досрочно (и насильственно) прервет свою работу. Не было до конца ясно поведение самих депутатов Думы: в думских кулуарах активно дебатировались две возможные альтернативы: либо подчиниться указу о роспуске и мирно разойтись по домам, либо не расходиться и дожидаться, когда депутаты будут удалены из Таврического дворца силой.

Столыпин, осведомленный о позиции депутатов, технически блестяще провел операцию по роспуску I Думы. Для ее проведения был выбран воскресный день, когда Дума не работала. Территория, прилегающая к Таврическому дворцу, была одновременно блокирована полицейскими и войсковыми кордонами, силовые структуры в столицах и в крупных городах империи были приведены в состояние полной мобилизационной готовности.

Между тем ожидаемых крупных эксцессов не произошло. Население в основной массе равнодушно отнеслось к роспуску первого народного представительства. Не удалось думским депутатам «разбудить» электорат и при помощи Выборгского воззвания, в котором население призывалось к пассивным формам протеста (неуплата налогов, отказ от рекрутской повинности, изъятие сбережений из сберегательных касс). Все это вместе взя-

тое свидетельствовало о том, что силы революции уже полностью исчерпаны и правительство контролирует ситуацию в стране. Столыпину удалось оперативно подавить локальные выступления солдат и матросов в Гельсингфорсе, Кронштадте и ряде других мест. Перевес сил оказался на стороне власти, которой предстояло мудро распорядиться тем вполне реальным шансом, который предоставила ей история.

Проблема поражения массовых революций состоит в следующем: либо власть сумеет удержаться от столь соблазнительного для победителя откатного процесса, возьмет на себя инициативу масштабных преобразований и поведет страну вперед, в будущее, либо власть будет мстить за нанесенные ей обиды и поражения, отказавшись от проведения реформ.

Столыпин принадлежал к тем политическим лидерам, которые были способны перешагнуть через все обиды и заняться переустройством страны. В отличие от Николая II, который под давлением правоконсервативных сил был психологически готов пойти на определенные попятные движения, Столыпин был убежден в том, что возглавляемое им правительство не только должно, но и обязано реализовать реформистский курс. Свою веру в необходимость перемен он сумел

передать единомышленникам и по Совету министров, и по Министерству внутренних дел. Главная задача состояла в том, чтобы убедить всех сомневающихся, что попятное движение с логической неизбежностью приведет к новой революции, что стране нужно двигаться только вперед, преодолевая все трудности и невзгоды переходного периода.

За восемь месяцев междудумья правительство Столыпина сделало поистине титаническую работу, о чем, в частности, свидетельствуют журналы Совета министров. Правительству удалось обсудить обширнейший пакет законопроектов, выявить все их сильные и слабые места, внести необходимые коррективы. Назовем лишь наиболее крупные проекты, прошедшие обсуждение через Совет министров и получившие одобрительную санкцию царя. 22 августа 1906 г. Совет министров рассмотрел проект правил «О предназначении казенных земель для расширения крестьянского землевладения», 27 августа — проект «О передаче в казну удельных земель», 1 сентября — «О передаче кабинетских земель в Алтайском крае», 9 и 12 сентября — «Проект об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий», 10 октября — два проекта: «О понижении платежей заемщиков Кре-

стьянского поземельного банка и об изменении условий выпуска государственных свидетельств названного банка», «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», 17 октября — проект «Правил о выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог наделных земель», 24 октября — проект «О введении в России подоходного налога», 19 и 22 декабря 1906 г., 3 и 6 января 1907 г. — проект «Главные начала устройства местного управления», 26 января — два проекта: «О земельных обществах, владеющих наделными землями», «Об актах на наделные земли», 20 и 27 января — «Об установлении главных начал устройства губернских учреждений», 2 и 6 февраля 1907 г. — «Об исключительном положении», 3 марта — «О землеустройстве».

Едва ли нужно специально доказывать, что за проектами, рассмотренными в Совете министров, стояла огромная работа министерств и ведомств, большого числа профессионалов и из числа чиновников, и из числа «сведущих лиц». При этом все проекты пронизывала «общая идея», о которой было сказано выше. Как глава правительства Столыпин осуществлял координацию работы министерств и ведомств, готовивших законопроект-

ты, внес несомненный личный вклад в разработку проектов Министерства внутренних дел, регулировал ход дискуссии в Совете министров. В итоге накануне созыва II Государственной думы правительство имело в своем распоряжении четко выверенную программу системных преобразований, которая и была предложена на рассмотрение депутатов.

Следует также обратить внимание на тот факт, что междумский период Столыпин самым продуктивным образом использовал для реализации своей программы в порядке 87 статьи Основных законов, не дожидаясь ее прохождения через представительные учреждения. Он прекрасно понимал, что законотворческая работа Думы по своей природе представляет довольно длительный (порой даже многолетний) процесс, который вполне может затормозить реализацию программы системных преобразований. Это, разумеется, не означало, что Столыпин вообще решил проигнорировать Думу. Суть его тактики состояла в том, что проекты, уже прошедшие обстоятельную апробацию в структурах исполнительной власти, должны сразу же внедряться в практику.

Непосредственно после начала работы II Думы премьер внес на рассмотрение народного представительства уже практически работавшие на

будущее России законопроекты. Эта технологическая процедура означала только одно: проекты, изданные по 87 статье Основных законов, с одной стороны, уже прошли определенную проверку, а с другой стороны, открыты для внесения думских поправок и корректив. При таком подходе самым важным и действенным корректором правительственных проектов все же являлась сама практика.

Столыпин отдавал себе отчет, что во многом от состава будущей Думы будет зависеть, сработается или нет с ней правительство. Не соглашаясь в данный момент с предложением правоконсервативных сил об изменении избирательного закона 11 декабря 1905 г., правительство, в отличие от первой избирательной кампании, когда оно фактически устранилось от участия в ее проведении, на сей раз решило задействовать административный ресурс, усилить через духовенство и подконтрольную печать идеологическое воздействие на электорат с целью привлечения его на свою сторону.

Однако и в этом случае Столыпин предпочитал действовать в рамках того правового поля, которое было определено действующими законодательными актами. В целом ряде циркуляров, направленных в адрес местных административных

органов, Столыпин предостерегал от оказания грубого давления на ход избирательной кампании. «Вам, — писал премьер-министр, — как представителю власти, не надлежит вмешиваться в борьбу партий и производить давление на выборы. Подтверждаю неоднократные указания мои на обязанность вашу ограждать полную свободу выборов, пресекая лишь самым решительным образом попытки использовать публичные собрания для агитации революционной. Но, ограничив этим вмешательство администрации в выборную кампанию, считаю нужным указать вам на необходимость широкого опровержения всех ложных слухов, представляющих в извращенном виде действия и виды правительства»²⁵.

Столыпин настоятельно рекомендовал местным административным органам активно пропагандировать правительственную программу, опубликованную 24 августа 1906 г. в «Правительственном вестнике», стараться убедить избирателей в том, что сформулированный в ней правительственный курс является неизменным, рассчитанным на долгосрочную перспективу, и не может «поддаваться каким-либо колебаниям вследствие обстоятельств случайных и преходящих». Необходимо было также разъяснить, что Дума, «являясь важнейшим факто-

²⁵ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 65.

ром воссоздания крепких государственных устоев и порядка, имея право законодательной инициативы», встретит в правительстве «живейшее и искреннейшее стремление согласованной плодотворной творческой работы»²⁶.

Однако итоги избирательной кампании во II Думу в общем и целом были для правительства неутешительными. Продолжали сохраняться и действовать такие факторы, как: во-первых, инерционное воздействие событий 1905–1906 гг.; во-вторых, восприятие избирателем правительства и местной администрации в качестве своего основного политического противника; в-третьих, трудности материального положения большинства населения, которое раздражали традиционные методы преследования печати, партий и общественных организаций. Иными словами, за сравнительно короткие сроки местная администрация, привыкшая действовать методами голого насилия, сама оказалась не готовой к адекватному восприятию нового правительственного курса, к новым приемам взаимодействия с электоратом. Требовалось время для того, чтобы новый правительственный курс был осмыслен и воспринят обществом, веками не доверявшим центральным и местным властям. Итак, выборы во II Думу проходили в тот

²⁶ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. – С. 65.

период, когда в стране продолжала сохраняться конфронтационная обстановка, подпитываемая деятельностью оппозиционных политических партий, продолжавших вести арьергардные бои с властью. В результате II Дума по своему составу оказалась еще более левой и радикальной, чем была даже I Дума.

Понимая, что II Дума едва ли станет «работоспособной», Столыпин тем не менее прилагал немалые усилия к тому, чтобы убедить депутатов в необходимости совместного законодательного творчества. 6 марта 1907 г. он выступил перед депутатами II Думы с блестящей по форме и содержанию речью, над которой долго и тщательно работал. В своем выступлении он дал глубокий исторический анализ предлагаемого правительством курса системных реформ, раскрыл содержательную сторону каждого проекта, четко определил основное направление развития страны на весь переходный период. Учитывая, что концепция и программа реформ уже раскрыты в двух предыдущих главах, обратим внимание на предлагаемую Столыпиным технологию их реализации.

Во-первых, красной нитью через все выступление премьера проходила мысль не только о единстве замысла преобразований, но и о системности подхода к их реализации. Это, разумеется, не

означало, что представленная правительством программа реформ самому Столыпину представлялась идеальной во всех структурных звеньях. Он предполагал, что совместное обсуждение с депутатами может улучшить и усовершенствовать правительственную программу. Фактически речь шла о том, что правительство предлагает базовую основу преобразований, которая открыта для конструктивного сотворчества. В результате совместных усилий правительства и Думы должна была быть выработана более совершенная программа, которая аккумулировала бы опыт и властных, и представительных структур. Те и другие, по мысли Столыпина, должны работать на благо государства и величие России.

Во-вторых, обозначая принципы совместного законотворчества, Столыпин вполне определенно заявил, что он в Думе видит не противника, а партнера, с которым готов вести цивилизованный диалог. Нацеливая Думу на конструктивную и оперативную работу над представленными правительством законопроектами, Столыпин заявил, что правительство, в свою очередь, также готово принять к рассмотрению все думские законодательные инициативы. «Правительство, — подчеркнул он, — готово в этом направлении приложить величайшие усилия: его труд, добрая воля, накопленный опыт

предоставляются в распоряжение Государственной думы»²⁷.

Уже первое программное выступление Столыпина во II Думе показало, что правительство, действуя на опережение, перехватило законодательную инициативу у депутатов, которые, хотели того или нет, вынуждены были считаться с этим реальным фактом. В отличие от I Думы, в которой правительство вело себя вяло и бесцветно, буквально плелось в хвосте депутатских инициатив, во II Думе Столыпин сумел переломить ситуацию, что сразу же почувствовали лидеры думских партийных фракций. Оппозиция либерального и социалистического толка, рассчитывая на реванш в связи с поражением в I Думе, сразу же бросилась в атаку на премьер-министра, безосновательно считая его инициатором роспуска I Думы, и обрушилась с нападками на правительственную программу, игнорируя ее конструктивные стороны. Спокойно выслушав шквал критики в адрес правительства, Столыпин выступил с ответной речью, в которой еще раз подчеркнул, что для совместной конструктивной работы нужно «найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен», и этим «языком не может быть язык ненависти и злобы». Решительно отказавшись от

²⁷ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 62.

демагогических приемов дискуссии («таким языком я пользоваться не буду»), Столыпин напомнил депутатам о границах законодательно закрепленного правового поля, в котором только и может протекать думская работа. «В настоящее время я утверждаю, — говорил Столыпин, — что Государственной Думе, волею Монарха, не дано право выражать правительству неодобрение, порицание и недоверие. Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут волею Монарха нет ни судей, ни обвиняемых и что эти скамьи — не скамьи подсудимых, это место правительства»²⁸. В заключение Столыпиным была произнесена знаменитая фраза, сразу же подхваченная печатью, а впоследствии ставшая историографическим клише. «Эти нападки, — говорил Столыпин, — рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич воли, и мысли, все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: «Руки вверх». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: «Не запугаете»²⁹.

Состоявшееся на первой встрече Столыпина с депутатами II Думы столкновение различных ми-

²⁸ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. — С. 63–64.

²⁹ Там же. — С. 64.

ровоззренческих ценностных ориентаций показало, что перспектив на конструктивное сотрудничество очень и очень мало. Тем не менее, в течение 104 дней работы II Думы Столыпин предпринимал неоднократные попытки «наведения мостов» с народным представительством. Об этом, в частности, свидетельствует переписка Столыпина с председателем Государственной думы Ф.А. Головиным, его неоднократные личные встречи и беседы с депутатами умеренно-консервативного и праволиберального толка, выступления на пленарных и комиссионных заседаниях, в ходе которых им давались разъяснения содержательного характера по всему спектру законодательной программы, а также ответы на запросы депутатов. Всего во II Думе Столыпин выступал 8 раз и каждый раз он повторял мысль о необходимости в конце концов наладить совместную работу.

В ряде случаев, когда депутаты вносили конструктивные предложения, Столыпин с ними с готовностью соглашался. Это произошло, например, на заседании II Думы 9 марта 1907 г., когда в ходе обсуждения вопроса о продовольственной помощи населению Столыпин выразил свое согласие с депутатом-кадетом Ф.И. Родичевым, предложившим создать комиссию для помощи голодающим и для общего решения продовольствен-

ного вопроса. 13 марта 1907 г., выступая в Думе по вопросу о междумском законодательстве, осуществленном в порядке 87 ст. Основных законов (включая и указ о введении военно-полевых судов), Столыпин еще раз подтвердил, что правительство не намерено вносить в Думу этот указ в качестве законопроекта и действие военно-полевых судов автоматически закончится через два месяца. Соглашаясь с депутатами, что эта мера крайне жестокая, Столыпин пытался объяснить им, что она предпринята в чрезвычайной ситуации, когда возникла прямая угроза государственности. «Государство, — заявил Столыпин, — может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Это было, это есть, это будет всегда и неизменно. Это принцип в природе человека, он в природе самого государства»³⁰. Подобного рода меры могут носить только временный характер, ибо их длительное применение может «отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом»³¹.

Столыпин считал принципиально важным, чтобы Дума самым решительным образом осудила

³⁰ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. — С. 74.

³¹ Там же. — С. 75.

террор, что благотворно сказалось бы на всей общественно-политической и морально-нравственной обстановке в стране. «Мы, — заявил Столыпин, — хотим верить, что от вас, господа, мы услышим слово умиротворения, что вы прекратите кровавое безумие. Мы верим, что вы скажете то слово, которое заставит нас всех стать не на разрушение исторического здания России, а на пересоздание, переустройство его и украшение»³². И пока этого слова Дума не скажет, «правительство примет меры для того, чтобы ограничить суровый закон только самыми исключительными случаями самых дерзновенных преступлений». Поэтому, подчеркнул он, именно в руках Думы «успокоение России, которая, конечно, сумеет отличить кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей, применяющих самые чрезвычайные, может быть, меры с одним только упованием, с одной надеждой, с одной верой — исцелить трудно больного»³³. Однако от депутатов II Думы Столыпин так и не дождался осуждения террора.

Несмотря на разрастающийся конфликт между Думой и правительством, Столыпин продолжал посещать заседания Думы, внимательно слушал и оценивал доводы своих политических оппонен-

³² *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 76.

³³ Там же. — С. 77.

тов. 10 мая 1907 г. он выступил в Думе с программной речью по аграрно-крестьянскому вопросу, обозначив круг дискуссионных проблем, по которым шла борьба в обществе. Изложив содержательную сторону правительственного указа 9 ноября 1906 г., Столыпин с государственной точки зрения дал оценку аграрным проектам, предложенным социалистическими и либеральными фракциями II Думы. По его мнению, проект национализации земли с логической неизбежностью приведет к социальной революции, к разрушению государственности, к изменению «всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история»³⁴. Больше того, путь национализации привел бы к изменению всей системы морально-нравственных и этических принципов, ибо разрушился бы главный стимул к труду — право распоряжаться его результатами. «Вследствие этого культурный уровень страны понизился. Добрый хозяин, хозяин изобретательный, самой силой вещей будет лишен возможности приложить свои знания к земле»³⁵. И если предположить, что национализация станет фактом, то рано или поздно «совершился бы новый переворот, и человек даровитый, сильный, способный,

³⁴ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 87.

³⁵ Там же. — С. 89.

силою бы восстановил бы свое право на собственность, на результаты своих трудов»³⁶.

Считая национализацию земли, предложенную социалистическими фракциями, «гибелью для страны», Столыпин подверг столь же резкой критике проект кадетской партии о принудительном отчуждении помещичьих земель за справедливый выкуп. По его мнению, данный проект представляет «полу-экспроприацию», «полу-национализацию» и, в конечном счете, приведет к тем же результатам, что и проект социалистических партий. Апеллируя к собственному десятилетнему опыту в деле землеустройства, Столыпин подчеркнул, что для разрешения аграрного вопроса «нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать»³⁷. В странах Западной Европы на это ушли десятилетия. Поэтому правительство, подчеркнул Столыпин, предлагает Думе наиболее оптимальный вариант решения земельного вопроса, который, хотя и медленно, но выведет страну «на верный путь». «Противникам государственности, — заявил в заключение Столыпин, — хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения

³⁶ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 96.

³⁷ Там же. — С. 96.

от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»³⁸ После думских дебатов по аграрному вопросу стало предельно ясно, что «общего языка» между правительством и II Думой не будет найдено. Столыпин принял согласованное с Николаем II решение не только распустить законодательное представительство, но и одновременно изменить избирательный закон. Используя в качестве предлога отказ II Думы лишить иммунитета 55 социал-демократических депутатов, обвиненных в «организации преступного сообщества», 3 июня 1907 г. Николай II подписал указ о ее роспуске.

Роспуск II Думы и фактическое отсутствие реакции общества на данный правительственный акт свидетельствовали о том, что правительству, наконец, удалось установить полный контроль над политической ситуацией в стране. В связи с окончательным поражением революции активизировались правоконсервативные силы, требующие реванша над поверженными противниками и усилившие свое давление на правительство. Если политические противники «слева» были очевидны, а их действия предельно прозрачны, то появление политических оппонентов «справа», действующих закулисно, ситуацию усложняло. Одер-

³⁸ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. – С. 97–98.

жав победу над революцией, Столыпин, как это ни парадоксально, оказался перед не меньшей опасностью «справа», в лице правоконсервативных сил, поднаторевших в закулисных сделках и подковерной борьбе. Он вынужден был также учитывать и изменчивое отношение царя, который был восприимчив к мнению правых консервативных кругов, действовавших с напором и присущей им бесцеремонностью. Ненавидя всеми фибрами души революцию и ее носителей, мстя за вызванные ею неудобства и ощутимые материальные потери, правоконсервативные силы, как оказалось, не в меньшей степени ненавидели и правительство либеральную бюрократию, считая ее виновником многих бед и несчастий. В этом контексте правоконсервативные силы подходили к оценке роли Столыпина. Они рассчитывали умерить его реформаторский пыл и поставить его действия под свой контроль. Все зависело от позиции самого Николая II: либо он окончательно примет сторону правых консерваторов, либо будет продолжать правительственный курс. Представляется, что положение Столыпина, после того как опасность «слева» миновала, стало более сложным и ему пришлось иметь дело с противниками из родственной социальной среды, так и не сумевшими перестроиться под влиянием модернизационного

процесса, продолжавшими цепляться за свои сословные привилегии.

Опыт работы I и II Думы показал, что конструктивная работа с народным представительством, избираемым на основании закона 11 декабря 1905 г., бесперспективна. В связи с этим следовало сделать кардинальный выбор: либо вообще отказаться от эксперимента с народным представительством; либо изменить его законодательный статус на законосовещательный; либо в одностороннем порядке пойти на изменение избирательного закона, сохранив при этом законодательный статус народного представительства. Из этих трех возможных вариантов Столыпин считал более приемлемым и рациональным последний, ибо изменение избирательного закона давало шанс, что Дума из «центра» революции превратится в сугубо законодательный орган. Подобный вариант позволял «удержать» основную идею Манифеста 17 октября 1905 г. о законодательном характере народного представительства, а, следовательно, ведущую тенденцию эволюции политической системы в правовое государство. 3 июня 1907 г. на основании 87 ст. Основных законов был издан новый избирательный закон, который кардинальным образом изменил состав будущего народного представительства и сформировал в III Думе не-

обходимое большинство из умеренных депутатов. Это, в свою очередь, несколько ускорило процесс прохождения правительственных законопроектов.

Сохранение законодательного статуса III Думы означало, что правительство не намерено менять свой реформаторский курс. Вместе с тем нельзя также не видеть, что Столыпин, учитывая настроения многочисленного правоконсервативного крыла III Думы, вынужден был несколько изменить приоритеты и акценты в своих выступлениях перед думскими депутатами. Так, в своей программной речи 16 ноября 1907 г., стремясь во что бы то ни стало сохранить в целостности программу системных реформ, он высказал ряд положений и оценок, которые, в свою очередь, не могли не импонировать консервативному настроению думского большинства. Речь шла об усилении административных мер в отношении должностных лиц, принадлежащих к оппозиционным партиям, а также о временном отказе от принципа судебной несменяемости³⁹.

Во второй речи 16 ноября 1907 г. Столыпин считал необходимым изложить свои представления о существующей политической системе, а также о роли монарха, которая трактовалась даже несколько более расширительно, чем это было за-

³⁹ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 97–98.

фиксировано в новой редакции Основных законов. Представляется, что в этих двух выступлениях Столыпин позиционировал свои исходные мировоззренческие принципы по кардинальным вопросам — исторической власти, государственности, Православной церкви, русского народа, на которых базировалась его программа системных реформ. Одновременно он давал понять III Думе в ее целом и прежде всего ее правоконсервативному большинству, что он из обозначенного «коридора» представлений выходить не намерен и продолжает считать правительственную программу реформ той базовой основой, которая должна быть принята депутатами.

Подыгрывая настроениям правоконсервативного крыла III Думы, Столыпин не осознавал в полном объеме, что его союзники в Думе, в отличие от него самого — государственника и законника, предпочитают отстаивать по преимуществу корпоративные интересы, которые не совпадают ни с общегосударственными, ни с общенациональными интересами. Правоконсервативные силы не могли не понимать, что предлагаемая Столыпиным программа реформ с логической неизбежностью приведет, рано или поздно, к смене политических элит, вытеснению поместного дворянства из структур центральной и местной ад-

министративной власти. Именно поэтому правоконсервативные силы принимали различные шаги для того, чтобы постепенно, исподволь, «развалить» на отдельные структурные части единую системную программу столыпинских преобразований, «вышелушить» их основное содержание. Недаром правоконсерваторы перманентно выступали с довольно резкой критикой всей «цепочки» реформ местного управления и самоуправления, вынудив, в конечном счете, Столыпина забрать из III Думы свои законопроекты и передать их на «доработку» в Совет по делам местного хозяйства; после возвращения законопроектов в думские комиссии правоконсерваторы «утопили» их в бесконечных и бесплодных словопрениях. По сути, правоконсервативные силы все же добились своего, и эта часть столыпинской программы реформ так и не была реализована. Правоконсервативные силы, включая и высших церковных иерархов, блокировали, под предлогом якобы защиты Православной церкви и православия в целом, и все основные конфессиональные столыпинские законопроекты, а также правительственные законопроекты об обществах, печати. Правоконсервативное большинство всячески тормозило работу думских комиссий, буквально годами обсуждая правительственные законопроекты социального

характера (например, комплекс законопроектов по рабочему законодательству).

Уже в ходе работы первой сессии III Думы стало предельно ясно, что системное единство столыпинских реформ начинает давать технологические сбои: часть правительственных проектов «застряло» в Совете по делам местного хозяйства, часть ни шатко ни валко обсуждалась в думских комиссиях, часть была взята на доработку министерствами и ведомствами и должна была пройти вторую апробацию в Совете министров. На практике реализовывались лишь те проекты, которые были приняты в порядке 87 ст. Основных законов и в рамках компетенции самого Совета министров.

Понимая сложность ситуации с протеканием думского законотворческого процесса, Столыпин видел свою основную задачу в том, чтобы удерживать под контролем ход реализации прежде всего аграрной реформы, которую считал осью всей внутренней политики. До тех пор пока не будет сформировано «ядро» крестьян-собственников и они не станут реальной социальной и политической силой, до тех пор будет весьма трудно (если не невозможно) рассчитывать на окончательный успех и других реформ. Под этим углом зрения он неоднократно выступал в Государственной думе и Государственном совете по всему комплексу аг-

рарно-крестьянских проблем, убеждая депутатов нижней и членов верхней палат в необходимости ускорить рассмотрение и принятие земельных законов. При этом Столыпин был вынужден охлаждать пыл определенной части депутатов, занимавших правый сектор Думы и часть ее центра, настаивавших на том, чтобы путем исключительно административных мер ускорить разрушение крестьянской общины. Одновременно он стремился во что бы то ни стало сохранить основную идею указа 9 ноября — передать крестьянам землю в личную собственность. По его мнению, идея «семейной собственности», которую пытались навязать III Думе противники правительственного проекта, является неприемлемой, ибо ее реализация приведет на практике к ограничению прав домохозяина-собственника в его производственной деятельности. Как подчеркивал Столыпин, закон должен накладывать «стеснения» на «землю, а не на ее владельца»⁴⁰. Напомним, что в правительственном законопроекте такие ограничения уже существовали: во-первых, надельная земля не могла быть «отчуждена лицу иногословия»; во-вторых, надельная земля не могла быть «заложена иначе, как в Крестьянский банк»; в-третьих, надельная земля не могла быть прода-

⁴⁰ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 177.

на «за наличные долги»; в-четвертых, она не могла быть завещана «иначе, как по обычаю»⁴¹. Что же касается ограничений в отношении самого владельца, то, по мнению Столыпина, «надо развивать институт опеки за расточительность».

Чтобы ускорить прохождение земельного закона, уже принятого Государственной думой, через вторую палату, Столыпин 15 марта 1910 г. выступил с большой речью перед членами Государственного совета. В ней он еще раз подчеркнул, что правительство считает «совершенно недопустимым установление какого-либо принуждения, какого-либо насилия, какого-либо гнета чужой воли над свободной волей крестьянства в деле устройства его судьбы, распоряжения его надельной землей»⁴². Одновременно он сделал акцент на том, что создание в России «крепкого достаточного класса на низах» является неперенным условием «упорядочения местной земской жизни», а также «уравнения прав крестьянства с остальными сословиями»⁴³. 26 марта 1910 г. Столыпин трижды поднимался на трибуну Государственного совета, убеждая в рациональности не семейной собственности, а именно частной собственности

⁴¹ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 177.

⁴² Там же. – С. 247, 248, 252, 253.

⁴³ Там же. – С. 251.

крестьян на землю. В результате усилий Столыпина было принято два земельных закона (соответственно 14 июня 1910 г. и 29 мая 1911 г.), сыгравших поворотную роль в исторических судьбах многомиллионного российского крестьянства.

Большое внимание Столыпин уделял проблемам сохранения целостности и единства страны. Эта глобальная в своих основаниях идея носила многофакторный всеобъемлющий характер. В идеологическом плане речь шла о сохранении России как национального, русского государства. Для этого было важно, чтобы все другие национальности, проживающие на территории страны, приняли «русские национальные начала». Эта идея получила свое обоснование в речи Столыпина 16 ноября 1907 г. в Государственной думе. Коснувшись, в частности, выступления представителей польского кола по проблемам децентрализации и расширения прав местного самоуправления, Столыпин заявил: «Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо — быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права»⁴⁴.

⁴⁴ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 106.

Раскрывая содержательную сторону понятия «русские национальные начала», Столыпин подчеркнул, что они состоят «в развитии земщины, в развитии, конечно, самоуправления, передаче ему части государственных обязанностей, государственного тягла и в создании на низах крепких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью»⁴⁵. Из этого и других подобного рода высказываний было ясно, что Столыпин позиционировал себя последовательным и решительным противником, с одной стороны, социалистической идеи самоопределения наций вплоть до их отделения, а с другой — идеи территориальной автономии. По его мнению, реализация их приведет к распаду России. Центральной задачей переходного периода, считал он, является распространение местного самоуправления на всю территорию страны, а также расширение его прав.

На фоне активизации дезинтеграционных процессов, которые отчетливо проявились уже в период 1905 г., острых дискуссий между общероссийскими и национальными политическими партиями, роста самосознания национальных отрядов интеллигенции позиция Столыпина по национальному вопросу выглядела консервативно-

⁴⁵ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 106.

либеральной. Он не мог себе представить, что какие-то части Российской империи, присоединенные к ней потом и кровью многих поколений русских людей, вдруг могут от нее отпасть. Но эти консервативно-либеральные установки вовсе не означали, что Столыпин являлся национал-шовинистом, выступающим в роли душиителя национально-освободительных движений. В его представлении единая и неделимая Россия понималась прежде всего как единое экономическое, политическое и правовое пространство, где все граждане, независимо от своей национальной и конфессиональной принадлежности, имеют одинаковые права и свободы. В качестве дополнительной аргументации своей позиции он ссылался на опыт формирования английской и американской наций.

В контексте идеи единства и неделимости России становится понятной и позиция Столыпина в отношении Царства Польского и Финляндии. В 1908—1911 гг. по финляндскому и польскому вопросам он неоднократно выступал на заседаниях Совета министров, Государственной думы и Государственного совета, суть которых сводилась к доказательству, на основе юридических актов, что и Финляндия, и Польша представляют собой составную часть Российской империи. По инициативе премьера в министерствах и ведомствах, спе-

циальных совещаниях были разработаны десятки законопроектов, которые должны были урегулировать отношения с Финляндией, определить круг вопросов общеимперского законодательства (предоставление русским, живущим в Финляндии, одинаковых прав с финскими гражданами, участие финских избирателей в выборах депутатов в Государственную думу, снятие таможенных барьеров, унификация колеи железных дорог, унификация управления и т. д.). Комментируя правительственные законопроекты, Столыпин подчеркивал, что они ни в коей мере не нарушают дарованной Александром I автономии Финляндии. Так, выступая на вечернем заседании III Думы 5 мая 1908 г., Столыпин заявил: «Русская точка зрения совершенно ясна. Россия не может желать нарушения законных автономных прав Финляндии относительно внутреннего ее законодательства и отдельного административного и судебного устройства»⁴⁶. В речи 21 мая 1910 г. перед думскими депутатами он вновь подчеркнул: «Правительство считает, что Финляндия пользуется широкой местной автономией, что Финляндии дарована провинциальная конституция, но правительство вполне убеждено, что те предметы,

⁴⁶ *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 130, 143, 146, 299, 304, 313.

которые обнимают всю империю, или те Финляндские законы, которые затрагивают интересы России, выходят за пределы компетенции финляндского сейма. Всякое другое понимание завело бы нас в исторический тупик»⁴⁷.

В речи 8 июня 1910 г., посвященной проблемам общеимперского законодательства, Столыпин подтвердил, что правительство неизменно стоит на позиции «полного уважения к финляндской автономии, к финляндским привилегиям». Однако, «общеимперские учреждения не могут быть устранены от решения общеимперских дел и... эти учреждения не могут быть уравнены с провинциальными учреждениями, а должны обладать компетенцией компетенций, но нужно верить, что Россия — не культурогаситель, что Россия сама смело шагает вперед по пути усовершенствования, что Россия не обречена стать лишь питательной почвой для чужих культур и для чужих успехов»⁴⁸.

Если следовать формальной логике, то точка зрения Столыпина по финляндскому вопросу в общем и целом совпала с позицией правоконсервативных думских кругов. Однако в своей исходной сущности эти две позиции все же отличались друг от друга. Руководствуясь чувством мести к фин-

⁴⁷ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. — С. 297–298.

⁴⁸ Там же. — С. 310–311.

ляндским революционерам, поддержавшим события 1905 г. в России, правоконсервативные круги, решившие, что настал их час реванша, ставили перед собой задачу ликвидировать дарованную Финляндии автономию, превратив ее в одну из российских губерний. Позиция же Столыпина состояла в сохранении дарованной внутренней автономии, но при условии законодательной унификации отношений России и Финляндии, в частности, создания единого перечня дел общеперского характера.

Что же касается Царства Польского, которое не имело статуса автономии, то Столыпин предполагал распространить на его территорию земское и городское самоуправление. При этом он исходил из следующей посылки: в условиях обострения международной обстановки государство обязано укрепить свои западные границы и разработать систему мер, направленных на защиту прав коренного русского населения в западных губерниях. Правительством был разработан ряд законопроектов: создание из восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний — отдельной Холмской губернии, введение Городового положения в губерниях Царства Польского, распространение Положения о земских учреждениях на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую

и Подольскую губернии⁴⁹. При этом предполагалось унифицировать законодательство и административное управление, гарантировать русскому населению, проживающему на территории западных губерний, одинаковые права с поляками.

Для обеспечения представительства русских в органах местного самоуправления Столыпин считал целесообразным ввести национальные курии, уменьшить вдвое земельный ценз, что позволяло увеличить количество полных цензовиков и привело бы «к сплочению массы среднесостоятельных, но культурных русских собственников, введению представителей духовенства в земства (три в уездные и четыре в губернские), избранию председателей земских управ из числа лиц русского происхождения». Эти ограничения для западного земства Столыпин считал вполне оправданными с общегосударственной точки зрения. В этом конкретном случае государство, по его мнению, должно было выступить в роли «регулятора» и «страховщика» в связи с «преобладанием одной части населения, одного элемента над другим». Ограничения должны были придать одинаковую «окраску земским учреждениям, а через них и всему краю»⁵⁰.

⁴⁹ Столыпин П.А. Программа реформ. – Т. 1. – С. 357–370; – Т. 2. – С. 183–223.

⁵⁰ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. – С. 333.

В речи 4 марта 1911 г. в Государственном совете Столыпин обосновал свою позицию по вопросу о введении национальных курий при выборах органов самоуправления в западных губерниях. Проанализировав расстановку сил в Западном крае, он пришел к выводу, что национальные курии должны стать системообразующим элементом правительственного законопроекта⁵¹. Законопроект о введении земства в шести западных губерниях был поддержан Думой, но провален Государственным советом.

В отличие от законопроектов политического, социального, национального и конфессионального порядка, которые стали предметом острейших дебатов в обществе, правительственные законопроекты экономического характера, как правило, не встречали такого сильного сопротивления. В конечном счете, основная масса законопроектов экономического характера стала законами. Выступая за создание единого экономического пространства, Столыпин «увязывал» проблемы экономики с реформами в области инфраструктуры, с геополитическими интересами России. Так, 31 марта 1908 г. в III Думе состоялось выступление Столыпина по вопросу строительства Амурской железной дороги. В ходе развернувшейся

⁵¹ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 331.

дискуссии депутатами были высказаны диаметрально противоположные мнения: одни считали, что проект обоснован и заслуживает поддержки; другие усмотрели в нем провокацию со стороны правительства; третьи делали акцент на несвоевременности и затратности проекта и т. д. Обосновывая именно общегосударственную значимость строительства Амурской железной дороги, Столыпин, «вписывая» его в общий контекст системных реформ, сформулировал ряд исходных положений. Во-первых, подчеркнул он, «мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке не для борьбы, а для прикрытия нашей национальной культурной работы, которая является и нашей исторической миссией». Во-вторых, при громадности российских территорий «неоспоримо иметь возможность перебрасывать армию из одного угла страны в другой. Никакие крепости, господа, вам не заменят путей сообщения... Как же не понять, что при таких обстоятельствах первенствующей, важнейшей нашей задачей являются пути сообщения?» В-третьих, «армии важно иметь оплот в местном населении», которое должно возрасти за счет переселенцев из центральных районов России, ибо в противном случае эта территория будет населена выходцами их близлежащих азиатских стран. «Если мы будем спать ле-

таргическим сном, — подчеркнул Столыпин, — то край этот будет пропитан чужими соками и, когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию». Поэтому, делал вывод Столыпин, «оставлять этот край без внимания было бы проявлением громадной государственной расточительности». Чтобы такого не случилось, правительство планирует построить Амурскую дорогу так, чтобы «ею обслуживалось наибольшее количество годной под переселение земли; затем необходимо, чтобы самая дорога прошла по такой местности, которая могла бы быть заселена, и затем, чтобы подступ к самой колее был наиболее легок и удобен». При этом железная дорога, считал Столыпин, должна строиться «русскими руками, ее должны построить русские пионеры; эти русские пионеры построят дорогу, они осядут вокруг этой дороги, они выдвинутся в край и выдвинут вместе с тем туда и Россию»⁵².

Предпочитая смотреть в будущее, а не оглядываться постоянно назад, Столыпин подверг нелицеприятной критике тех думских депутатов, которые считали, что в данный исторический момент внимание правительства должно быть сосредоточено на возрождении центра России и только потом уже следует приниматься за освоение ее

⁵² *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 119, 127.

окраин. В ответ на эти инвективы Столыпин резонно заметил: «Лечить израненную родину нашу нельзя только в одном месте. Если у нас не хватит жизненных соков на работу зарубцевания всех нанесенных ей ран, то наиболее отдаленные, наиболее истерзанные части ее, раньше чем окрепнет центр, могут, как пораженные антоновым огнем, безболезненно и немедленно отпасть, “отсохнуть, отвалиться”». И если это вдруг произойдет, «мы будущими поколениями будем за это привлечены к ответу. Мы ответим за то, что, занятые своими важными внутренними делами, занятые переустройством страны, мы, может быть, проглядели более важные мировые дела, мировые события, мы ответим за то, что пали духом, что мы впали в бездействие, что мы впали в какую-то старческую беспомощность, что мы утратили веру в русский народ, в его жизненные силы, в силу его не только экономическую, но и культурную. Мы, господа, ответим за то, что приравниваем поражение нашей армии к поражению и унижению нашей Родины»⁵³.

Добившись одобрения правительственного проекта о строительстве Амурской железной дороги III Думой, Столыпин решил добиться того же результата в Государственном совете. 31 мая 1908 г.

⁵³ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 128–129.

он выступил с блестящей речью перед членами верхней палаты. Еще раз обратив внимание на триединство задач (экономической, политической и военной), он заявил, что Амурская железная дорога должна приблизить «к сердцевине государства» наши «дальние владения». «Но если в настоящее время не сделать над собой громадного усилия, не забыть о личном благосостоянии и встать малодушно на путь государственных утрат, то, конечно, мы лишим себя права называть русский народ народом великим и сильным»⁵⁴. Да, Столыпин действительно обладал природным даром убеждения. Государственный совет поддержал правительственный законопроект о постройке Амурской железной дороги, и он стал законом.

Не меньше усилий пришлось затратить Столыпину на убеждение депутатов III Думы и членов Государственного совета, чтобы те поддержали правительственную программу судостроения и технического перевооружения армии и флота. 24 мая 1908 г. премьер выступил перед думскими депутатами с программой реформирования военно-морских сил. Соглашаясь с довольно нелицеприятной критикой депутатами порядков, творившихся в морском ведомстве и приведших к Цусиме, Столыпин настаивал на рассмотрении проблемы че-

⁵⁴ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 169.

рез призму общегосударственных и общенациональных интересов и в контексте международного положения России. «Только тот народ имеет право и власть удержать в своих руках море, который может его отстоять. Поэтому все те народы, которые стремились к морю, которые достигали его, неудержимо становились на путь кораблестроения»⁵⁵.

Народ, считал Столыпин, должен гордиться своим флотом, и только в этом случае он «имеет возможность удержать море в своей власти». Именно поэтому он делал вывод: «дело кораблестроения везде стало национальным делом»⁵⁶. При этом России нужен флот современный, эффективный и дееспособный, который «в каждую данную минуту мог бы сразиться с флотом, стоящим на уровне новейших научных требований». России, продолжал Столыпин, «нужен могучий линейный флот, который опирался бы на флот миноносный и на флот подводный»⁵⁷.

Вопреки мнению большинства думской комиссии по государственной обороне о том, что не нужно спешить с принятием правительственной программы строительства только четырех броне-

⁵⁵ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. – С. 151.

⁵⁶ Там же. – С. 152.

⁵⁷ Там же.

носцев, а следует решать вопросы морской обороны в комплексе рассмотрения проблем обороны государства в целом, Столыпин, соглашаясь в принципе с необходимостью немедленной реорганизации морского ведомства, настаивал на принятии финансовой программы судостроения, которая, по его мнению, позволит немедленно приступить к постройке первых четырех линейных кораблей, что вполне соответствует «государственной пользе и государственной необходимости». В противном случае, если «ожидать окончательного переустройства ведомства, если ожидать асигнования колоссальных сумм на приведение в исполнение полной программы судостроения, то в деле приведения в порядок обломков нашего флота, наших морских сил, расстроенных последней войной, пришлось бы примириться с довольно продолжительной остановкой»⁵⁸, которая с логической неизбежностью привела бы к «расстройству судостроительной промышленности, растрате технического опыта и знаний». В заключение Столыпин сформулировал свое кредо: «Я уверен, что всякая заминка в деле флота будет для него губительной, нельзя на полном ходу останавливать или давать задний ход машине — это ведет к ее поломке. Господа, в деле воссоздания нашего мор-

⁵⁸ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 156.

ского могущества, нашей морской мощи может быть только один лозунг, один пароль, и этот пароль — «вперед»⁵⁹.

Государственная дума большинством голосов отклонила правительственный проект о выделении средств на постройку четырех линейных кораблей. Не подвергая сомнению законодательные права Думы, Столыпин, выступая 13 июля 1908 г. с речью о задачах морского министерства в Государственном совете, попытался убедить на сей раз членов второй палаты в необходимости поддержки финансирования правительственной судостроительной программы. «Великие мировые державы, — утверждал он, — имеют и мировые интересы. Великие мировые державы должны участвовать и в международных комбинациях, они не могут отказываться от права голоса в разрешении мировых событий. Флот — это тот рычаг, который дает возможность осуществить это право, это необходимая принадлежность всякой великой державы, обладающей морем»⁶⁰. Допуская, что позиция правительства не получит поддержки со стороны законодательных палат, Столыпин напомнил членам Государственного совета, что морская программа все же будет реализована в порядке

⁵⁹ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 159.

⁶⁰ Там же. — С. 168.

верховного управления. «У нас в России, по Основным законам, — подчеркнул Столыпин, — правительство ответственно перед монархом»⁶¹. Поэтому неблагоприятный для него вотум обеих законодательных палат еще не означает, что правительство готово в этом вопросе идти на поводу у Думы и Государственного совета и отказаться от реформирования флота.

На этих двух примерах (Амурская железная дорога, программа судостроения) видно, сколько усилий и энергии приходилось затрачивать Столыпину для реализации своей программы реформ. По сути, это была каждодневная упорная борьба за свои идеалы строительства Великой России. Как уже говорилось выше, Столыпин находился в постоянном контакте с председателями Государственной думы и Государственного совета, председателями основных комиссий, с лидерами ведущих думских фракций, часто выступал на заседаниях обеих палат, а также на заседаниях их комиссий, убеждая каждый раз депутатов в необходимости конструктивной и оперативной работы. Однако обостренная идеологическая и политическая борьба в Государственной думе и Государственном совете, постоянные схватки между партийными группировками, закулисные интриги действовали изматывающе.

⁶¹ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. — С. 174.

Если в рамках Совета министров Столыпину удалось наладить оперативное решение основных вопросов и, как правило, они принимались консолидированным большинством и получали одобрение царя, то проблема взаимоотношений с законодательными палатами была весьма и весьма сложной. Наладив конструктивную работу Совета министров, Столыпин, начиная с середины 1909 г., при обсуждении текущих вопросов все чаще передавал свои председательские полномочия министру финансов Коковцову, а сам присутствовал при обсуждении вопросов общестратегического характера. Вместе с тем участились его появления на заседаниях Государственной думы и Государственного совета, ибо там решались вопросы реализации правительственной программы. И нельзя не заметить, что «вязкая» и неторопливая законодательная работа обеих палат не соответствовала ни его темпераменту, ни заданным масштабам и темпам намеченных преобразований. Постепенно становилось ясно, что сроки прохождения законопроектов в представительных учреждениях неоправданно затягиваются, отчего неизбежно возникали «ножницы» между внесением и принятием тех или иных проектов, а это, в конечном счете, вело к дисбалансу в технологической цепочке реализации всего общестратегического курса сис-

темных преобразований. В какой-то мере ситуацию спасало то, что определенная часть проектов все же реализовывалась в порядке 87 ст. Основных законов, что позволяло видеть их конкретные результаты.

Однако много принципиально важных проектов буквально «застряло» в думских комиссиях, что отрицательно сказывалось на общей динамике преобразовательного процесса в целом. Крайне возмущало и нервировало Столыпина и то, что далеко не все депутаты Государственной думы и члены Государственного совета придерживались позиции отстаивания общегосударственных и общенациональных интересов. В действиях правоконсервативного крыла Думы и Государственного совета отчетливо просматривались корпоративные и узкосословные интересы, а также явное нежелание идти на социальные уступки низшим стратам. В этой ситуации Столыпин стремился сохранить хладнокровие, предпочитал действовать методом убеждения. Нередко он становился на точку зрения депутатов, если они вносили конструктивные предложения, способствующие улучшению правительственных законопроектов. Так, хорошо известна его позиция в отношении поддержки Думой и Государственным советом правительственного проекта о штатах Морского шта-

ба. Надо прямо сказать, что премьер-министр, подав в отставку в связи с неутверждением царем решения Думы и Госсовета по данному вопросу, совершил неординарный поступок, за который впервые получил строгое внушение со стороны Николая II.

Идейные и политические противники Столыпина, прекрасно изучившие его морально-нравственные принципы, его непреклонную волю в решении поставленных задач, не раз пытались «поймать» премьер-министра на «мелочах», рассчитывая поссорить его с царем и представителями камарильи. Правые консерваторы, в частности, инспирировали запрос о незакономерности принятия палатами правительственного законопроекта о штатах Морского штаба, обвинив Столыпина в попытке якобы узурпировать часть прерогатив верховной власти. Правоконсервативные силы достаточно умело разыграли «карту», связанную с обсуждением и принятием правительственного законопроекта о введении земства в шести западных губерниях. Заручившись поддержкой непосредственно Николая II («голосуйте по совести»), правоконсервативное большинство Государственного совета демонстративно провалило законопроект, принятый III Думой. Это уже был откровенный вызов «на бой», и Столыпин его принял, преду-

гадивая все возможные последствия. Он во второй раз подал в отставку и согласился отказаться от нее лишь в том случае, если, во-первых, будут на три дня распущены обе законодательные палаты и правительственный проект примет силу закона по 87 ст., а во-вторых, из состава членов Госсовета будут временно удалены «в отпуск» два его непримиримых противника — П.Н. Дурново и В.Ф. Трепов.

Под давлением вдовствующей императрицы Марии Федоровны и великих князей Николай II вынужден был согласиться с жесткими условиями премьер-министра, правда, не простив ему этой демонстративной акции. Казалось, что цель была достигнута, но тут Столыпин получил не предвиденный им удар со стороны III Думы, принявшей запрос о неправомерности роспуска палат и проведения законопроекта о введении земства в шести западных губерниях по 87 ст. Столыпин не мог предположить, что Дума пойдет на такой шаг, ибо законопроект был подготовлен именно в думской редакции.

Если в период работы I и II Думы Столыпин вел ожесточенные бои с левыми депутатами, то на сей раз он вступил в схватку с правоконсервативными, умеренными и либеральными депутатами. В ходе полемики с ними Столыпин решил

предельно четко обозначить свою концептуальную позицию как по проблемам переустройства России в целом, так и по вопросам технологической реализации правительственной программы реформ. 1 апреля 1911 г. Столыпин выступил в Государственном совете с ответом на запрос последнего о неправомерности роспуска законодательных палат на три дня и издания в этот промежуток времени закона о введении земства в шести западных губерниях в порядке 87 ст. Основных законов. Сохраняя хладнокровие, опираясь на безупречную логику и юридическую выверенность формулировок, Столыпин дал понять членам второй палаты, что «решение вопроса о наличии чрезвычайных обстоятельств принадлежит не законодательным учреждениям и предметом их запросов быть не может». Принятие этого решения входит в исключительную компетенцию Совета министров и монарха. «Я, — заявил премьер, — твердо убежден, что законодательные учреждения не вправе предъявлять запросов Совету министров, как учреждению, не подчиненному Правительствующему Сенату». Правительство должно предупреждать возникновение чрезвычайных обстоятельств, а не плестись в хвосте событий, принимая меры постфактум. Оно должно «ограждать прерогативы Короны и не допускать таких прецедентов, кото-

рые могут их в будущем умалить или уменьшить». В свою очередь монарх «вправе во всякое время прервать занятия законодательных учреждений, причем цель этого перерыва не подлежит никакому контролю и всякий перерыв открывает возможность, открывает право издания чрезвычайных законов»⁶². Право определять наличие или отсутствие чрезвычайных обстоятельств принадлежит исключительно правительству, которое представляет соответствующий доклад монарху, а законодательные палаты «не могут входить в оценку этих обстоятельств, не выходя сами за пределы своих законных прав». На правительстве, подчеркнул Столыпин, «лежит важная ответственная задача в исключительные минуты представлять Верховной власти о необходимости роспуска законодательных учреждений, о необходимости принятия чрезвычайной меры»⁶³.

Распустив законодательные палаты и проведя закон о западном земстве в порядке 87 ст., правительство поступило с юридической и политической точек зрения совершенно правильно. Но это, разумеется, не означает, что правительство вообще решило встать на путь чрезвычайного законодательства, игнорируя мнения законодательных

⁶² Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. – С. 342–343.

⁶³ Там же. – С. 348–349.

палат. Считая себя «двигателем» в деле реализации реформистского курса, исполнительная власть не вправе сидеть сложа руки, индифферентно наблюдая, как ее работа, направленная на преобразование страны в русле «постепенного прогресса и закономерности», будет всячески тормозиться. Правительство, резюмировал свое выступление Столыпин, «видит опасности создания безвыходного для России положения в деле проведения жизненных, необходимых для России законов с одновременным поворотом нашей внутренней политики далеко в сторону от русского национального пути»⁶⁴.

27 апреля 1911 г. состоялось последнее выступление Столыпина перед депутатами Государственной думы, в котором он, разъясняя причины роспуска законодательных палат и использования чрезвычайного законодательства, высказал ряд положений концептуального характера о преобразовании России и о дальнейших перспективах сотрудничества правительства с представительной ветвью власти. Во-первых, Столыпин обозначил пределы прав и компетенции законодательных учреждений и правительства. «Государственная дума, так же как и Государственный совет, вправе, конечно, предъявлять правительству запросы в об-

⁶⁴ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 352.

ласти управления, но весьма сомнительно, чтобы эти же учреждения вправе были запрашивать правительство по предметам свойства законодательного, хотя бы законодательные функции временно осуществлялись через Совет министров. Права наших палат в этом отношении твердо и ясно выражены в самом законе. Они заключаются в праве последующего обсуждения временных законов и отказа в последующей им санкции»⁶⁵. Из этой посылки следовал вывод: «законодательные учреждения не могут сделаться судьей закономерности законодательного акта другого учреждения»⁶⁶. Законодательные палаты вправе запрашивать председателя Совета министров, руководителей министерств и ведомств о незакономерности их действий, но они не вправе «запрашивать о том же Совет министров как учреждение, не подчиненное Правительствующему Сенату»⁶⁷.

Во-вторых, Столыпин раскрыл причины торможения реформаторского курса, что в перспективе могло привести к асинхронности процесса модернизации России, рассчитанного на длительный переходный период. По сути, речь шла о уже давно обозначившемся конфликте между испол-

⁶⁵ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. – С. 353–354.

⁶⁶ Там же. – С. 354.

⁶⁷ Там же.

нительной и представительной властью, который Столыпин образно назвал конфликтом духовного и идеологического характера. При этом он провел четкое разграничение между психологией Государственного совета и Государственной думы в оценке характера трансформационных изменений, и, в частности, в понимании ими действий правительства. Что касается Государственного совета, который, по мнению Столыпина, является «главным образом, представительством интересов, а не представительством населения»⁶⁸, то он уже давно стал тормозом в деле проведения курса реформ, считая правительство «лишь высшим административным местом» и игнорируя его самостоятельную политическую роль. С этой позиции Государственный совет оценивал и роспуск палат, и применение чрезвычайного законодательства.

Что же касается Государственной думы, то она вообще обвиняла правительство в пренебрежении «всеми законами, даже и Основными», считала, что исполнительная власть предпочитает править страной «по собственному усмотрению, собственному произволу». При такой конфликтной ситуации продуктивная совместная работа законодательных палат и правительства становилась все более и более проблематичной. «Всем известен,

⁶⁸ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 360.

всем памятен устоявшийся, почти узаконенный наш законодательный обряд: внесение законопроектов в Государственную думу, признание их здесь обычно недостаточно радикальными, перелицовка их и перенесение в Государственный совет; в Государственном совете признание уже правительственных законопроектов обыкновенно слишком радикальными, отклонение их и провал закона. А в конце концов, в результате, царство так называемой вермишели, застой во всех принципиальных реформах»⁶⁹.

Подчеркнув совершенно безусловное право обеих палат и изменять, и отклонять законопроекты, правительство, заявил премьер-министр, «все же должно было дать себе отчет, бывают ли такие исключительные минуты, когда и само правительство должно вступить в некоторую борьбу за свои политические идеалы». Правительство, считал Столыпин, должно было решить: достойно ли продолжать «вертеть правительственное колесо, изготавливая проекты, которые никогда не должны увидеть света», либо правительство также обязано «вести определенную яркую политику?»⁷⁰

Для самого Столыпина, уже давно сделавшего свой выбор, ответ был вполне ясным и опреде-

⁶⁹ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. – С. 359.

⁷⁰ Там же. – С. 359.

ленным: правительство должно и даже обязано взять на себя не только инициативу масштабных преобразований, но и создать все необходимые условия для их успешной реализации. Исходя из положения, что России недостает «твердой и ясной воли», что для лиц, стоящих у власти, нет «греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности», Столыпин со всей присущей ему определенностью заявил, что возглавляемое им правительство и он лично сам берет на себя полную ответственность и за роспуск II Думы, и за проведение закона о западном земстве по 87 ст., и за курс реформ в целом. Конечно, премьер-министру не дано было знать, что он произносит перед депутатами Государственной думы свою последнюю программную речь, которая стала своего рода завещанием для будущего правительства. К сожалению, после убийства Столыпина в России уже не было политика такого масштаба, который мог бы достойно продолжить начатое им великое дело переустройства страны.

Как видно из вышеизложенного, реализация системных реформ, разработанных под непосредственным руководством Столыпина, проходила с большими трудностями и напряжением, встречала торможение со всех сторон, и «справа», и «слева». Столыпину приходилось преодолевать мощ-

ное сопротивление среды. Осознавая, что реформы могут стать эффективными только в том случае, если они будут реализовываться в едином пакете, Столыпин вначале сохранял уверенность, что ему удастся убедить акторов политического процесса в том, что реформы наиболее адекватно соответствуют вызовам времени и наиболее полно отражают государственные интересы. Он рассчитывал утвердить в политическом сознании понимание того, что «общее благо» должно стать единственным ценностным критерием в деле преобразования России. Однако премьер объективно не смог в полном объеме учесть силу сопротивления системным реформам со стороны и традиционных, и новых социальных страт и политических сил. Традиционалистов не устраивала в ближайшей перспективе утрата ими монопольных прав на власть и собственность. В свою очередь новые социальные страты и политические силы были не удовлетворены умеренностью и постепенностью преобразований, предлагали собственные альтернативные радикальные модели. До конца не сработала ставка Столыпина на умеренное большинство III Думы.

В ситуации, когда набирала силу тенденция противоборства исполнительной и представительной ветвей власти, Столыпин, чтобы не оказаться в изо-

ляции, вынужден был маневрировать, соглашаться на изъятие ряда важных проектов из Думы и Государственного совета и на их переработку, что с логической неизбежностью вело к асинхронности в осуществлении замысла реформ, нарушению технологической цепочки их реализации, а отсюда и к снижению степени их эффективности. Осознавая, что при таком соотношении сил реформы в первоначально задуманном виде провести невозможно, Столыпин прилагал максимальные усилия к тому, чтобы сохранить базовые их составляющие. И если бы большинство реформ не проводилось по 87 ст. Основных законов, а дожидалось прохождения через законодательные учреждения, то их результаты были бы менее ощутимыми. Только благодаря усилиям, настойчивости и твердой воли Столыпина правительственная программа реформ все же внедрялась в практику и приносила свои реальные результаты.

Глава четвертая

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Вопреки всем трудностям, возникшим на пути столыпинских реформ в 1906–1911 гг., Россия сделала качественный скачок в своем дальнейшем развитии. С полным основанием можно утверждать, что буквально во всех сферах жизни — материальной, культурной и духовной — стали просматриваться контуры нового облика страны, которая с каждым новым годом набирала темпы роста, крепла и преображалась. Об этом убедительно свидетельствуют материалы отечественной статистики и экспертные оценки зарубежных специалистов, зачистивших в Россию с целью осмыслить, что в ней происходит, и предложить своим правительствам отнестись с вниманием к «новостроящейся» стране.

В 1995 г. специалистами Института российской истории РАН был подготовлен статистико-документальный справочник «Россия. 1913 год», содержащий огромный пласт информации о динамике

развития страны в значительном хронологическом срезе. Материалы этого справочника и целый ряд новейших исследований позволяет объективно оценить масштабы и результативность столыпинских преобразований.

Прежде всего обратим внимание на то, что в эти годы продолжала динамично расти численность населения: 1909 г. — 160 млн. чел., 1910 г. — 163, 7 млн. чел., 1911 г. — 167 млн. чел., 1912 г. — 171 млн. чел., 1913 г. — 174 млн. чел., 1914 г. — 178,3 млн. чел. Причем естественный прирост населения на каждую тысячу человек составлял 16,8 %¹. В городах проживало уже 15 %, а в сельской местности — 85 % населения².

За пять лет пребывания на посту премьер-министра Столыпину удалось вывести Россию из кризиса, преодолеть период экономической депрессии и войти в длительный цикл устойчивого экономического роста. Перед Первой мировой войной Россия по темпам экономического роста вышла на пятое место в мире. Так, приток инвестиций в промышленность возрос на 1,5 млрд. руб. Прирост народного богатства в 1911–1913 гг. составлял в среднем в год 3331,4 млн. руб. или

¹ Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. — С. 1, 6, 17.

² Там же. — С. 23.

5,2 %³. Заслуживает внимания динамика роста стоимости основных фондов, которые в 1908–1913 гг. выросли соответственно на: промышленные – 41 %, железнодорожные – 18,6 %, торговли – 31,3 %, жилого фонда – 26 %, сельского хозяйства – 10,3 %⁴. Причем эти фонды в городах выросли в среднем на 31 %, а на селе – 20,8 %⁵. Динамика роста стоимости промышленности группы «А» и группы «Б» с 1909 по 1913 г. соответственно возросла на 72,1 % и 35,6 %⁶. В 1909–1913 гг. объем промышленного производства возрос почти в 1,5 раза. При этом тяжелая промышленность по темпам роста превосходила легкую в соотношении 174,5 % к 137,7 %. Доля России в мировом промышленном производстве с 1900 по 1913 г. выросла на 5,3 %⁷.

Благодаря реализации столыпинской аграрной реформы достаточно быстрыми темпами росло производство сельскохозяйственной продукции. Причем это происходило не только за счет расширения площади сельскохозяйственных угодий,

³ Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. – С. 32–33.

⁴ Там же. – С. 34.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – С. 42.

⁷ Там же. – С. 51.

а прежде всего за счет перехода крестьян к новым рациональным формам и методам хозяйствования.

В ряде современных исследований убедительно показано, что на протяжении 1906–1913 гг. сохранялась устойчивая тенденция роста выхода крестьян из общины и укрепления земли в личную собственность. На основании обширной статистической информации по землеустройству М.А. Давыдов сделал ряд заслуживающих исследовательского внимания выводов. В 1907–1911 гг. в среднем по России о своем желании выделиться из общины заявляло 76 798 домохозяев в год, а в 1912–1913 гг. – 160 952, т. е. в 2,09 раза больше. Еще выше был рост числа утвержденных и принятых населением землеустроительных проектов единоличных выделов: их количество увеличилось с 55 933 до 111 865 соответственно, т. е. было в 2,34 раза больше в 1912–1913 гг., чем в 1907–1911 гг.⁸

К началу 1914 г. общая площадь, охваченная землеустройством, составила, по данным М.А. Давыдова, 25 млн. дес. и превысила территорию Англии и Бельгии вместе взятых⁹. В ходе землеустройства в 1907–1913 гг. изменить условия земле-

⁸ Давыдов М.А. О статистике землеустройства в России (1907–1913 гг.). Экономическая история: Ежегодник 2001. – М., 2002. – С. 446.

⁹ Там же. – С. 449.

пользования пожелало почти 5 млн. домохозяев почти $\frac{2}{5}$ всех крестьянских дворов 47 губерний Европейской России. Если же сравнить данные за 1907–1911 гг. и 1912–1913 гг., то об изменении условий землепользования в среднем за год по стране во второй период ходатайствовало в 1,77 раза больше, чем в первый. Причем единоличных ходатайств было подано 2 433 764, т. е. 49 % всех ходатайств вообще, а групповых – 2 531 680 или 51 % соответственно¹⁰.

Принципиально важной представляется тенденция выделов именно отдельных домохозяев. За 1907–1913 гг. было подано 706 792 таких ходатайств, из них в 1907–1911 гг. – 384 888 (54,6 % от общего числа) и 321 904 в 1912–1913 гг. (45,5 % соответственно). В 1907–1911 гг. в среднем в год подавалось 76 978 ходатайств, в 1912–1913 гг. – 160 952, т. е. в 2,09 раза больше¹¹. Всего утверждено проектов за 1907–1913 гг. 235 351, из них 123 486 в 1907–1911 гг., т. е. 52,5 % от общего числа, а в 1912–1913 гг. – 111 865 или 47,5 %. При этом в первый период в среднем в год утверждалось 24 697 проектов, а во второй период – 55 932, в 2,26 раза больше¹².

¹⁰ Давыдов М.А. О статистике землеустройства в России. – С 449.

¹¹ Там же. – С. 460.

¹² Там же.

Обработка статистической информации новейшими методами убедительно опровергает утверждения советской историографии о снижении динамики столыпинской земельной реформы. Наоборот, по всем показателям прослеживается четкая тенденция роста ее темпов. В процесс землеустройства вовлекались все новые массы, которые сделали свой выбор в пользу перехода к новым формам землепользования и ведения рационального хозяйства.

Для наращивания темпов земельной реформы правительство Столыпина использовало все имеющиеся у него ресурсы — от передачи казенных, удельных и кабинетских земель Крестьянскому банку для продажи и до разного рода кредитных вливаний в сельское хозяйство и на поддержку крестьянина-собственника. По подсчетам профессора Н.А. Проскуряковой, в течение 1906–1915 гг. из земельного запаса Крестьянского банка было продано крестьянам 3738,2 тыс. дес. земли. При этом хуторяне приобрели 980,9 тыс. дес. (23,8 %), отрубники — 2258,1 тыс. дес. (54,9 %), сельские общества и товарищества — 682,1 тыс. дес. (16,6 %). Средний размер хуторского владения составил 18,8 дес., а отрубного — 17,6 дес.¹³

¹³ *Проскурякова Н.А.* Земельные банки Российской империи. — М., 2002. — С. 341–342.

Правительство ввело для хуторян дополнительные льготы: ссуда им выдавалась на полную стоимость земли; отрубники должны были вносить сразу же 5 % наличными, а товарищества — 20 %. При отсутствии у покупателей свободных денег для немедленного вноса задатка Крестьянский банк сдавал ему участок в аренду сроком до 3 лет. Кроме выдачи ссуд на покупку земли из своих запасов, Крестьянский банк выдавал: ссуды на покупку земли по сделкам, заключенным крестьянами при его участии; ссуды под залог земель, ранее купленных крестьянами без участия банка; ссуды под залог наделных земель. Банк также оказывал содействие в разбивке продаваемой частным собственникам земли на единоличные участки. С 1909 по 1915 г. банковские служащие произвели нарезку 667 имений на хутора и отруба, на их площади было образовано 7712 хуторов (общей площадью 112,2 тыс. дес.) и 14 327 отрубов (общей площадью 120,7 тыс. дес.)¹⁴.

Правительство оказало финансовую поддержку переселенцам за Урал. В 1906–1914 гг. желающих попытать свое счастье за Уралом оказалось 3 772 151 чел. Несмотря на то что за это же время возвратилось 1 026 072 чел. (27,2 %), за Уралом

¹⁴ *Проскурякова Н.А.* Земельные банки Российской империи. — С. 344.

осталось более 70 % переселенцев, которые, по выражению Столыпина, стали подлинными «русскими пионерами», начавшими осваивать огромные земельные пространства Сибири и Дальнего Востока, создавать, развивать и благоустраивать свое частное хозяйство¹⁵.

Идя навстречу потребностям рационализации частного крестьянского хозяйства, правительство за семь лет земельной реформы подготовило в специальных землемерных училищах до 6500 землеустроителей¹⁶. На агрономическую помощь населению с распространением сельскохозяйственного образования правительство в 1908–1912 гг. увеличило ассигнования с 5702 тыс. руб. до 21 880 тыс. руб.¹⁷ Правительство отпускало льготные ссуды для покупки сельскохозяйственной техники, удобрений, новейших сортов семян и племенного скота, организовывало специальные прокатные станции, обучение желающих ведению образцового хозяйства, финансировало выезды крестьянских групп за границу для обмена опытом.

Если даже принять во внимание благоприятную экономическую конъюнктуру (ряд урожай-

¹⁵ Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. – С. 24.

¹⁶ *Давыдов М.А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). – М., 2003. – С. 260.

¹⁷ Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. – С. 59.

ных лет, отмену выкупных платежей, рост цен на сельскохозяйственную продукцию), тем не менее нельзя не признать, что рост объема сельскохозяйственного производства, его товарности, урожайности, масштабы использования сельскохозяйственных машин, многопольной системы, искусственных удобрений, проведения мелиоративных работ значительно опережали темпы предшествовавшего столыпинским аграрным реформам периода. Совместными усилиями правительства и земских организаций было открыто свыше 300 новых сельскохозяйственных учебных заведений, более 1000 курсов, в 20 тыс. пунктах проводилось чтение лекций, беседы по разным вопросам сельского хозяйства. Потребление сельскохозяйственных машин и орудий на десятину посева в 1906–1910 гг., по сравнению с 1901 г., возросло на 213,3 %¹⁸. Оросительные работы были проведены в Голодной степи в Туркестане и Муганской степи на Кавказе, ирригационные работы – в Барабинской степи Томской губернии. Правительство финансировало меры по борьбе с оврагами и песками. Широкое развитие получили крестьянские сословно-общественные учреждения мелкого кредита (в 1908 г. их было 5498, а в 1910 г. уже 5616)¹⁹.

¹⁸ Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. – С. 85.

¹⁹ Там же. – С. 167.

Большое внимание правительство Столыпина уделяло созданию рациональной инфраструктуры. Так, в 1907–1912 гг. железнодорожная сеть в России выросла на 5,8 %, динамично росло число учреждений почт, телеграфа и телефона: 1908 г. – 13 376, 1909 г. – 13 860, 1910 г. – 14 558, 1911 г. – 15 261, 1912 г. – 16 041, 1913 г. – 16 213²⁰.

Динамичное развитие промышленности, сельского хозяйства, транспортных коммуникаций и средств связи способствовало устойчивому росту бюджета, который, начиная с 1910 г., стал профицитным. Так, например, если доходная часть бюджета в 1910 г. составила 2485,5 млрд. руб., а расходная – 2596,7 млрд. руб.; то в 1913 г. соответственно 3431,2 млрд. руб. и 3382,9 млрд. руб.²¹ Развитие получили кассы мелкого кредита: 1908 г. – 19, 1909 г. – 38, 1910 г. – 57, 1911 г. – 81, 1912 г. – 114, 1913 г. – 159, 1914 г. – 203²². Число государственных сберегательных касс в 1909 г. было 7051, а в 1913 г. – 8553²³.

К началу 1914 г. в России насчитывалось более 30 тыс. кооперативных объединений разных ти-

²⁰ Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. – С. 101, 109, 146.

²¹ Там же. – С. 153.

²² Там же. – С. 168.

²³ Там же. – С. 172.

пов с числом членов свыше 10 млн. чел.²⁴ Росло число учреждений и членов кредитной кооперации: 1906 г. — 1680 (704,5 тыс. чел.), 1907 г. — 2189 (932,9 тыс. чел.), 1908 г. — 3237 (1383,6 тыс. чел.), 1909 г. — 4261 (1943,2 тыс. чел.), 1910 г. — 5396 (2559,4 тыс. чел.), 1911 г. — 6679 (3447,1 тыс. чел.), 1912 г. — 8533 (4747 тыс. чел.), 1913 г. — 10 992 (6610,6 тыс. чел.), 1914 г. — 13 028 (8270 тыс. чел.)²⁵.

За период столыпинских реформ в России увеличилось число торговых предприятий, товарных бирж, возрос объем ярмарочной торговли. Так, к 1913 г. в России уже было 94 товарных биржи²⁶. Возросли объемы внешней торговли. Так, в 1913 г., по сравнению с 1900 г., экспорт хлеба возрос на 94 %²⁷, одновременно увеличился внутренний товарооборот на душу населения²⁸.

Наметилась устойчивая тенденция к повышению уровня жизни всех слоев населения, увеличилось потребление важнейших продуктов питания, изменилась и структура потребления, возросли заработки промышленных и сельскохозяйственных рабочих, определенные сдвиги наметились в области

²⁴ Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. — С. 189.

²⁵ Там же. — С. 190.

²⁶ Там же. — С. 203.

²⁷ Там же. — С. 211, 214.

²⁸ Там же. — С. 198.

здравоохранения (например, за 1906—1910 гг. число врачебных участков возросло с 3268 до 3804) и организации врачебной помощи населению.

Весьма внушительны позитивные изменения в области начального, среднего, общего и специального образования. К концу 1914 г. в России насчитывалось 123 745 начальных учебных заведений. Количество детей в возрасте от 8 до 11 лет, обучающихся в начальной школе, составило по империи 30,1 %. Причем в городах — 46,6 %, в сельской местности — 28,3 %²⁹. Рост числа учащихся начальной школы потребовал увеличения числа учебных заведений для подготовки учителей. К 1913 г. в стране уже было: учительских институтов — 33 (2249 чел.), учительских семинарий — 128 (12 190 чел.), педагогических курсов — 147³⁰. К этому же времени в России было 32 средних (8023 чел.) и 27 низших (2920 чел.) технических училищ; мужских гимназий и прогимназий соответственно 441 (147 751 чел.) и 29 (4359 чел.), реальных училищ 284 (80 800 чел.), женских гимназий — 873 (311 637 чел.) и прогимназий — 92 (11 940 чел.)³¹. К 1913 г. возросло количество заведений Министерства торговли и промышленно-

²⁹ Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. — С. 326.

³⁰ Там же. — С. 330.

³¹ Там же. — С. 331.

сти, Главного управления землеустройства и земледелия — 308 (2857 чел.). Общее число частных учебных заведений составило — 2863³². Кроме того, расширилась сеть национально-региональных учебных заведений: еврейских — 9248 и мусульманских (мектебе — 9723, медресе — 1064)³³.

К 1913 г. в России уже было 63 государственных высших учебных заведений, в которых обучалось 71 379 студентов, общественных и частных высших учебных заведений — 54, в которых обучалось 52 153 студента³⁴. Динамично росло количество книг по названиям и тиражности, журналов, газет³⁵.

Темпы экономического и культурного развития страны привели к качественным изменениям всего социально-культурного облика России. Правительством Столыпина была разработана и реализована система мер по благоустройству городов и поселков городского типа (проведение канализации, водопровода, электрического освещения, трамвайных линий, телефонизация). В результате аграрной реформы стал меняться сам облик российской деревни: взамен старых покосившихся

³² Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. — С. 339, 340.

³³ Там же. — С. 341.

³⁴ Там же. — С. 347.

³⁵ Там же. — С. 357.

деревенских изб, крытых соломой, строились просторные жилища, постоянным явлением в деревенской жизни стали ежедневные газеты, журналы, городская культура все активнее проникала в сельскую глубинку. Простой рабочий люд и деревенские жители стали лучше питаться, носить модную одежду, проявлять устойчивый интерес к вопросам общественной и политической жизни, следить за дебатами в законодательных палатах, принимать участие в общественно-политическом процессе.

Однако все же главным, определяющим условием успешности преобразований стал человеческий фактор. Раскрепощенная личность, получив право делать свой выбор, могла приложить свой ум и талант, трудолюбие и сноровку в любых сферах жизнедеятельности. Столыпинские реформы создавали иные ценностные ориентиры. Пробуждался интерес к получению образования — общего и специального, желание попробовать свои силы в инновационных отраслях экономики и в целом материального производства, выбрать такую профессию, которая больше всего отвечала природным склонностям и способствовала дальнейшему раскрытию потенциальных возможностей личности. Усилилась тяга к интеллектуальным формам творчества. На лекции в Народные университеты, вечерние курсы спешил стар и млад: первые жад-

но стремились наверстать упущенное, вторые — овладеть новейшими достижениями в области науки и техники. Обычным явлением стало посещение кружков самодеятельности, народных театров, клубов, участие в обсуждении творчества модных поэтов и писателей. Возросло число тех, кто хотел участвовать в общественной и политической жизни в столице, губернском и уездном городе, поселке и деревне. Все это свидетельствовало о том, что преобразования дали мощный энергетический импульс и уже больше никто не мог остаться равнодушным и индифферентным. По сути, в период столыпинских реформ закладывались основы новой модели поведения личности, неравнодушной к дальнейшим судьбам своей страны и искренне желавшей ей успеха.

Глубинные трансформационные процессы, проходящие в России, внимательно изучались и анализировались мировой общественностью. По официальным каналам и частным образом Россию посещали представители экономических кругов западноевропейских стран, эксперты и ученые профессора, журналисты³⁶.

Из множества зарубежных оценок остановимся на трех, которые были даны высокопрофессио-

³⁶ Сидорович Г.П. Иностранцы о столыпинских преобразованиях // Правда Столыпина: Альманах II. — Саратов, 2002. — С. 154–180.

нальными специалистами в своих областях. Летом 1913 г. Петербург посетил председатель синдикальной палаты парижских биржевых маклеров М. Верналь. Цель его поездки состояла в том, чтобы выяснить условия предоставления России очередного крупного займа. Подробно изучив ситуацию в стране, Верналь пришел к выводу о том, что ожидаемый в течение ближайших 30 лет подъем российской промышленности вполне может быть сравним со сдвигами в экономике США в последней трети XIX в.³⁷ В августе 1913 г. в Россию прибыл профессор Берлинской сельскохозяйственной академии Аухаген, который непосредственно обследовал ряд губерний Центральной России на предмет изучения хода и предварительных результатов столыпинской земельной реформы. Его итоговый вывод был весьма оптимистическим: «Я заканчиваю изложение своего мнения о вероятном успехе предпринимаемого правительством дела, соглашаясь с мнением выдающегося сельского хозяина, уроженца Швейцарии, управляющего около 40 лет одним из крупнейших имений России в Харьковской губернии, о том, что «еще 25 лет мира и 25 лет землеустройства — тогда Россия делается другой страной»³⁸.

³⁷ См.: *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал. 1897–1914 гг. – Л., 1970. – С. 272.

³⁸ Аухаген. Критика русской земельной реформы. – СПб., 1914. – С. 32.

Исследовательского внимания заслуживают наблюдения и выводы французского экономического обозревателя Эдмона Тэри, который в мае 1913 г. получил от министра земледелия Клементеля и министра общественных работ Жозефа Тьерри специальное задание изучить на месте результаты столыпинской земельной реформы и состояние инфраструктуры российской экономики. Заслуга Тэри состояла в том, что он в своей работе вышел далеко за рамки поставленной ему задачи. В результате им был подготовлен высокопрофессиональный обзор состояния экономики России на 1914 г. При этом он использовал огромный статистический материал, позволяющий проследить развитие различных отраслей экономики России в динамике, сделал ряд интересных прогнозов гипотетического характера. Приведенные им статистические выкладки и сформулированные на их основе выводы в общем и целом совпадают с материалом, который приведен нами выше. Поэтому целесообразно остановиться на итоговых оценках и заключениях Тэри.

Первым фактором роста государственной мощи России он считал устойчивую динамику увеличения численности населения Российской империи. По его экспертным прикидкам получалось, что если в течение 36 последующих лет все

будет идти так, как между 1900 и 1912 гг., то численность населения России в 1948 г. будет превышать совокупный показатель ведущих европейских стран. По данным приведенной им таблицы, население России в 1948 г. должно было составить 343,9 млн., а Германии, Австро-Венгрии, Англии, Италии и Франции вместе взятых — 336 млн. чел.³⁹

Обращая внимание на рост плотности населения России, Тэри писал: «Во-первых, 50 губерний Европейской России достигнут за несколько лет плотности населения в современной Европе, во-вторых, огромные, еще пустующие территории Южной Сибири заселятся так же быстро, как американский Дальний Запад или пампа Аргентины, ибо почва здесь может быть более плодородна и условия существования по меньшей мере столь же благоприятны»⁴⁰.

Вторым фактором укрепления государственной мощи России Тэри считал рост производства промышленной и сельскохозяйственной продукции. Статистически обосновав вывод о прогрессе российской промышленности (по отдельным отраслям и группам производства), Тэри особое вни-

³⁹ Тэри Э. Россия в 1914 году: Экономический обзор // Правда Столыпина: Альманах II. — С. 192.

⁴⁰ Там же. — С. 185.

мание обратил на динамику роста сельскохозяйственной промышленности. «Излишне говорить, — делал он итоговый вывод, — что ни один из европейских народов не достигал подобных результатов, и это увеличение объема сельскохозяйственной продукции, достигнутое без содействия дорогостоящей иностранной рабочей силы, как это имеет место в Аргентине, Бразилии, Соединенных Штатах и Канаде, не только удовлетворяет растущие потребности населения, численность которого увеличивается каждый год на 2,27 % (причем оно питается лучше, чем в прошлом, так как доходы его выше), но и позволило России значительно расширить экспорт и сбалансировать путем вывоза излишков продуктов питания все новые трудности внешнего порядка»⁴¹.

Третий фактор усиления государственной мощи России определяется, по мнению Тэри, теми средствами, которые правительство вкладывало в народное образование и национальную оборону. Приведя статистические данные о финансовых затратах на образование и оборону, Тэри сделал следующий вывод: государство за последние десять лет предприняло «огромные усилия, чтобы поднять уровень народного просвещения, оно увеличило также в огромных пропорциях свои

⁴¹ Тэри Э. Россия в 1914 году. — С. 187.

военные расходы; а широкое использование в экономике увеличенных бюджетных ассигнований обычного порядка позволяет казне продолжать эти усилия»⁴².

Экономическое и финансовое положение России Тэри считал превосходным⁴³. Подытоживая результаты своего экономического обзора, Тэри особо подчеркнул: «Если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 гг., как они шли между 1900 и 1912 гг., то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе, как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношениях»⁴⁴.

Как видим, статистические показатели и экспертные оценки однозначно свидетельствуют о том, что реализация столыпинских реформ дала весьма и весьма значительные позитивные результаты. Они стали преображать Россию в самих основаниях, превращать ее в подлинно великую мировую державу. Столыпинские реформы проложили грань между старой и новой Россией. По сути, это было два принципиально различных качественных состояния одной и той же страны. Столыпину удалось уловить ведущие тенденции

⁴² Тэри Э. Россия в 1914 году. – С. 190.

⁴³ Там же. – С. 302.

⁴⁴ Там же. – С. 191.

пореформенной модернизации, придать им новый импульс, что позволило с оптимизмом смотреть в будущее. Столыпин был убежден в том, что предложенный им тип модернизации позволит вывести страну на качественно новые рубежи развития.

Подчеркивая бесспорную позитивную результативность столыпинских преобразований, было бы неверным не замечать тех вполне реальных трудностей объективного и субъективного порядка, с которыми пришлось столкнуться премьер-министру. Во-первых, результативность реформ зависела от степени поддержки их Николаем II, который и при обновленной после Манифеста 17 октября 1905 г. политической системе лично сам принимал судьбоносные для страны решения. В первое время Николай II не скрывал своего восторга от Столыпина. Так, в письме к матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, он писал: «Я тебе не могу сказать, как я его полюбил и уважаю»⁴⁵. Об интенсивности встреч с премьер-министром свидетельствует дневник Николая II. Таких встреч соответственно произошло: в 1906 г. — 34, в 1907 г. — 44, в 1908 г. — 29, в 1909 г. — 23, в 1910 г. — 23, в 1911 — 17⁴⁶. Время частых встреч падает на 1906–1907 гг., когда одновременно ре-

⁴⁵ Красный архив. — 1927. — № 3. — С. 204.

⁴⁶ Столыпин П.А. Переписка. — М., 2004. — С. 17.

шались две органически переплетенные друг с другом проблемы: революция и реформы. После решения отрицательной задачи — подавления революции — число встреч сокращается; это становится уже устойчивой тенденцией.

После инцидента с неутверждением Николаем II правительственного законопроекта о штатах морского Генерального штаба в отношениях между царем и Столыпиным появились первые «трещинки». Николаю II явно не понравилась самостоятельная позиция Столыпина, который решил уйти в отставку. В письме к Столыпину 25 апреля 1909 г. Николай II впервые «указал премьеру его место»: «О доверии или недоверии речи быть не может. Такова моя воля. Помните, что мы живем в России, а не за границей или в Финляндии (Сенат), и поэтому я не допускаю и мысли о чьей-либо отставке. Предупреждаю, что я категорически отвергаю вперед Вашу или кого-либо другого просьбу об увольнении от должности»⁴⁷.

Вплоть до 1909 г. Николай II безоговорочно поддерживал Столыпина в его реформистских начинаниях. Однако наметившиеся между ними расхождения постепенно стали приводить к «сбою» реформ. Прекрасно осознавая крайнюю опасность «откатных» тенденций в высших придворных сфе-

⁴⁷ Красный архив. — 1924. — № 5. — С. 120.

рах и правоконсервативных политических кругах, Столыпин пытался в коридоре «возможного и допустимого» препятствовать данной негативной тенденции. Однако после так называемого парламентского кризиса в марте 1911 г., когда Столыпин вновь демонстративно подал в отставку и по существу вынудил царя принять свой ультиматум, его отношения с Николаем II дали уже настоящую «трещину». После этого инцидента у Николая II еще более укрепилась мысль о неизбежности расставания с некогда любимым министром. Изменения в настроениях царя чутко улавливались придворной камарильей и правоконсервативными силами, которые немедленно усилили по всему фронту борьбу с премьер-министром, обвиняя его в стремлении узурпировать власть.

Столыпинские реформы не могли не затронуть интересы крупного поместного дворянства, крупной торгово-промышленной буржуазии и традиционного купечества. Весьма настороженно были встречены помещным дворянством реформы местного управления, самоуправления и суда, ибо ликвидация старых сословных институтов (волостного суда, уездных предводителей дворянства, земских начальников) меняла его статусное положение, перекрывала каналы монопольного влияния на все сферы местной жизни. Недаром уже в конце 1907 г. — на-

чале 1908 г. поместное дворянство начало фронтальное наступление на Столыпина⁴⁸.

В свою очередь крупную торгово-промышленную буржуазию, привыкшую получать дотации из казны, «сверхприбыль» от реализации своей продукции, не устраивала попытка Столыпина переложить на нее определенную часть финансовых издержек, в частности, в ходе реализации пакета социальных реформ. Представители торгово-промышленной буржуазии в Государственной думе, пользуясь поддержкой разного рода монопольных группировок и корпораций, блокировали принятие в Думе социальных рабочих проектов.

Не находили поддержки столыпинские реформы и со стороны как либеральной, так и социалистической интеллигенции. В известном смысле взятый ими курс на противодействие политике премьера обуславливался и тем очевидным для них обстоятельством, что в случае удачи преобразований эти политические круги утрачивали шансы на реализацию собственных моделей трансформации страны. Представители интеллигенции не могли простить Столыпину введение военно-полевых судов и иные меры подавления революции. Кроме того, сказывалось и традиционное

⁴⁸ См.: *Корелин А.П.* Петр Аркадьевич Столыпин // *Российские реформаторы XIX – начала XX вв.* – М., 1995. – С. 297.

для российской интеллигенции неприятие государственной власти как таковой. Так, например, Л.Н. Толстой в своих письмах к Столыпину подверг нелицеприятной критике не только введение военно-полевых судов, земельную реформу, но и весь внутривластный правительственный курс⁴⁹. В конечном счете эта полемика привела к разрыву многолетних отношений между семьями Столыпина и Толстого.

Понимая, что в лице Столыпина они имеют дело с умным и дальновидным политиком, леволлиберальные и социалистические партии, включая и национальные, ни на минуту не прекращали вести с ним бескомпромиссную борьбу.

Нисколько не заблуждаясь насчет отношения к его политике различных социальных страт и политических акторов, Столыпин стремился максимально задействовать административный и финансовый ресурс при реализации пакета реформ. Однако он понимал, что одного административного ресурса и энтузиазма его единомышленников явно недостаточно для достижения поставленных целей. Поэтому он предпринимал неоднократные попытки привлечь на свою сторону умеренные либеральные круги. Известно, что после издания в одностороннем порядке по 87 ст.

⁴⁹ *Столыпин П.А. Переписка.* – С. 174–178.

нового избирательного закона 3 июня 1907 г. премьер фактически отрезал себе путь для сотрудничества с либеральной оппозицией, сделав ставку на консервативно-либеральные круги общества, прежде всего в лице думских фракций октябристов и умеренных националистов.

Третьеиюньская избирательная система предусматривала создание в III Думе «октябристского центра», с помощью которого Столыпин и рассчитывал ускорить прохождение правительственных законопроектов через представительные учреждения. Лидер партии «Союз 17 октября» и ее думской фракции А.И. Гучков, питавший личную симпатию к премьеру, высоко ценивший его государственный ум и непреклонную волю, вплоть до марта 1911 г. оказывал Столыпину неизменную поддержку. После «мартовского инцидента» отношения между октябристами и Столыпиным испортились, и премьер попытался привлечь на свою сторону группу умеренных националистов.

Конфликтностью отличались взаимоотношения Столыпина со всем спектром политических партий и организаций. Из более чем 150 политических партий, существовавших в России в начале XX в., подавляющая часть действовала нелегально, представляя собой т. н. внесистемную оппозицию, отвергавшую столыпинскую модель пре-

образования России. С ними премьер-министру пришлось вести ожесточенную и изнурительную борьбу. Что же касается правоконсервативных партий типа Союза русского народа, получавших поддержку и финансовые вливания от правительства, то и здесь взаимное сближение практически исключалось. Правоконсервативные силы отрицательно относились к попыткам Столыпина ликвидировать сословные перегородки, сформировать гражданское общество и правовое государство, создать новый средний класс, преобразовать церковный приход, ввести всеобщее начальное образование. Сходную позицию занимала и ведущая организация — Совет съездов объединенного дворянства, а также некоторые иерархи Православной церкви, огульно обвинявшие Столыпина в попытках подорвать ее господствующее положение.

Помимо объективных факторов, оказывавших тормозящее влияние на проведение столыпинских преобразований, имели место определенные просчеты технологического порядка. Несмотря на неоднократные и настойчивые попытки добиться единства действий министерств и ведомств в реализации реформистского курса, Столыпину так и не удалось преодолеть «разнобой» в действиях их руководителей, которые к тому же не всегда разделяли до конца позицию премьера. Имея, как

известно, право личного доклада царю, отдельные министры располагали вполне реальными возможностями тормозить реформы. Не была до конца преодолена и асинхронность в ходе разработки в министерствах и ведомствах законопроектов и представление их на обсуждение в Совет министров и в Думу, что приводило к тому, что действительно крупные проекты «тонили» в так называемой законодательной «вермишели».

Столыпину пришлось столкнуться с такими трудностями, как финансовое и кадровое обеспечение реформ. Несмотря на динамичный рост государственного бюджета, все же ощущалась нехватка средств для проведения именно крупномасштабных преобразований, которые должны были реализовываться фактически одновременно, ибо были логически увязаны в единую «цепочку» друг с другом. Огромные ассигнования (4,5 млрд. руб.) шли на реорганизацию армии и флота, «пожиравших» значительную долю всех бюджетных средств. Пришлось буквально «с колес» решать и кадровую проблему.

Представляется, что приступая к системным реформам, Столыпин не осознавал в полной мере степени остроты противоречий между политическими элитами. Причем ему пришлось столкнуться с противостоянием не только внесистемных, но и

с не менее ожесточенным сопротивлением внутрисистемных группировок, сплачивающихся вокруг придворной камарильи, Совета съездов объединенного дворянства, Союза русского народа и т. д. Имея тесные родственные связи и налаженные межличностные отношения, консервативные силы могли апеллировать прямо к царю и нередко получали от него поддержку в борьбе против Столыпина. Одновременно они оказывали влияние на высших министерских чиновников и своих единомышленников в центральном и местном административном аппарате и представительных учреждениях, в разного рода судебных инстанциях.

В условиях радикальной трансформации Столыпину требовалась мощная поддержка со стороны общественных сил. Понимая значение и роль представительных учреждений, стремясь наладить с Государственной думой и Государственным советом конструктивные отношения, Столыпину пришлось столкнуться с явным неприятием основного замысла его реформ, критикой технологии их реализации. Нередко эти столкновения носили столь непримиримый характер, что Столыпину приходилось идти на крайние меры и прибегать к роспуску законодательных палат.

Думается, Столыпиным не в полной мере использовались возможности средств массовой ин-

формации для разъяснения широкой общественности замысла правительственного курса. Хотя правительственные СМИ вели некоторую пропаганду реформ, разъясняли их содержание и направленность, однако все же их совокупные усилия были малоэффективны. Информация не всегда оперативно доходила до общества и особенно до широких масс населения. В условиях масштабных преобразований требовались нестандартные пропагандистские ходы, учитывающие помимо прочего то обстоятельство, что значительная часть населения (особенно в деревне) была неграмотна. Однако «подлежащие ведомства» не утруждали себя продумыванием методики всестороннего идеологического обеспечения программы преобразований.

Будучи выходцем из высших, элитных кругов российского общества, Столыпин, хотя и прослужил много лет уездным и губернским предводителем дворянства в западных губерниях, а затем (сравнительно короткий срок) в должности саратовского губернатора, не до конца учитывал адаптационные возможности трудовых масс к глобальным преобразованиям, инертность массового сознания. Низкий жизненный и культурный уровень значительной части населения, низкая правовая и политическая культура стали тормозом объектив-

но назревших преобразований, требующих как глубокого осознания их необходимости, так и наличия определенных стартовых возможностей для включения народа в их осуществление. Традиционному массовому сознанию гораздо ближе были эмоциональные популистские лозунги леворадикальных партий. Массы не могли в полной мере осознать, что столыпинские реформы, рассчитанные на длительный переходный период, не могут дать сиюминутного эффекта в плане улучшения жизни. Оставаясь государственно мыслящим и ответственным политиком, Столыпин, в отличие от лидеров леворадикальных партий, не был ни демагогом, ни популистом, сознавая эфемерность, а главное — аморальность беспочвенных, объективно не обеспеченных обещаний. Он предпочитал говорить правду, какой бы горькой она ни была.

Анализируя и сопоставляя плюсы и минусы столыпинских реформ, следует со всей определенностью сказать, что их позитивные итоги многократно превосходили имевшиеся при их реализации издержки. Столыпин не просто обозначил контуры «новостроящейся» России, но и заложил прочный фундамент для качественных изменений. В этом прежде всего состоит его огромная историческая заслуга. Долг перед любимой им Россией он выполнил сполна. Пуля террориста могла убить

Столыпина как человека, но она не могла убить его идеи, его реформы, которые продолжали укореняться в русскую почву вплоть до Первой мировой войны. К сожалению, в России не нашлось второго Столыпина — последователя и продолжателя деяний первого.

ПОЧЕМУ АКТУАЛЕН ОПЫТ СТОЛЫПИНА СЕГОДНЯ? (Вместо заключения)

Уже полтора столетия, начиная с Великих реформ середины XIX в., в России, перемежая периоды бурных подъемов с полосой застоя и стагнации, периоды эволюции и революции, продолжаются глубинные трансформации, которые должны, рано или поздно, привести к окончательному выбору страной определенного вектора ее дальнейшего исторического развития. Пока же исторический опыт свидетельствует об обратном: с течением времени проблемы в России не только не разрешаются, но, напротив, накапливаются, приобретая на каждом очередном витке «добавочную» остроту и непредсказуемость. Не случайно поиски выхода из перманентных системных кризисов составляли и составляют стержневую задачу российской общественной мысли, вызывая каждый раз резкие и нередко трагические «сшибки» между представителями различных социально-политических

альтернатив, упорно ищущих ответ на уже ставший традиционным русский вопрос: «Что делать?» В этом контексте опыт Столыпина заслуживает всестороннего творческого осмысления.

Во-первых, переходные эпохи порождают разные, диаметрально противоположные типы политических лидеров. Один тип — это тип вождя толпы, демагога и популиста, предпочитавшего действовать на подсознание, пробуждать массовые инстинкты. Такой лидер переполнен фанатичной жадой разрушения старого, разоблачения пороков, которые, кстати, уже стали очевидны всем. Как демагог и популист он обещает сиюминутные успехи и объективно неоправданные результаты, и толпа, жаждущая перемен, влекомая стихийными страстями, идет за ним, не подозревая и не осознавая, что эти радужные ожидания — блеф, а она сама является всего-навсего трамплином власти для будущих его экспериментов. Зачастую лидер, незаменимый в деле разрушения старого, оказывается лишенным творческого начала и, в конечном счете, несостоятельным в созидании нового.

Другой тип лидера — это рациональный политик-практик, который пытается найти разумный выход из кризисной ситуации, адекватный вызовам современной эпохи. Такой лидер, обладающий творческим и созидательным типом мышле-

ния, выступает принципиальным противником «разрубания» конфликтных узлов, веками накапливавшихся в обществе; он предлагает «развязывать» их постепенно, путем поиска консенсуса между разнородными социальными и политическими силами. Будучи ответственным и, как правило, высоко нравственным человеком, такой лидер не обещает «молочных рек и кисельных берегов», а создает условия и предпосылки для того, чтобы каждая личность могла воспользоваться предоставленным ей шансом, сознательно сделала собственный выбор. Именно такого типа лидером общенационального масштаба и был Петр Аркадьевич Столыпин.

Органически сочетая в себе природный мощный интеллект и сильную волю, масштабный государственный ум и патриотизм, глубоко укоренные морально-нравственные и этические принципы, Столыпин в условиях переходного времени предложил обществу рациональную и логически обоснованную программу системных реформ, которая базировалась на идее «общего блага», общегосударственных и общенациональных интересов. В пылу острейших и непримиримых идеологических и политических «сшибок» и противостояний, царящих в обществе, такая программа вывода страны из системного кризиса многим казалась непри-

емлемой. Правая часть идеологического и политического спектра прямо усматривала в ней покушение (явное или подспудное) на ее вековые властные функции, попытку передела сфер влияния в пользу новых социальных страт, а также прямое ущемление интересов тех, кто веками господствовал и монопольно распоряжался собственностью и личными судьбами. В свою очередь левая часть идеологического и политического спектра, наоборот, видела в Столыпине «крепостника-помещика», «махрового националиста», «душителя» всего свободолобивого и прогрессивного. Оказавшись в эпицентре борьбы обеих маргинальных флангов, Столыпин хотел разорвать этот порочный круг перманентных схваток между обеими диаметрально противоположными полюсами, которые уже не раз приводили Россию на край пропасти. Учитывая этот негативный опыт, укоренившийся в общественном сознании, Столыпин предлагал обществу такую модель переустройства, реализация которой позволила бы в перспективе избежать «кровавых разборок» типа разинщины, пугачевщины или революции 1905 г. Столыпин предлагал отказаться от лобовых столкновений по сословным и корпоративным интересам, найти общий интеграл, который бы не разъединял, а сближал общество, нацеливал его на совместное достижение позитивных резуль-

татов, позволил бы, в конечном счете, разорвать порочный круг борьбы «всех против всех».

Таким общим интегралом Столыпин считал интересы государства, которые и должны были стать для всех «лакмусовой бумажкой», позволяющей выявить тех, кто может и искренне хочет работать над созданием новой, обновленной России, и тех, кто не желает участвовать в этом созидательном процессе, продолжает настаивать на необходимости разрушения и государственности, и культуры, и империи. Столыпин верил и надеялся, что постановка и рассмотрение проблем именно через призму общегосударственного и общенационального интереса является необходимой объединяющей основой, «собирающей» расколотое по идеологическим и политическим признакам российское общество, создающей условия для его реального примирения и выработки консенсуса. Не случайно, как показано выше, столыпинская идея «общего блага» пронизывала всю его программу системных реформ, являлась стержнем проводимой им политики. В условиях жесточайшей конфронтации в российском обществе начала XX в. это была единственно верная позиция, которая давала шанс мирным путем преодолеть общенациональную катастрофу. И не вина Столыпина, что расколотое российское общество не услышало разумный призыв,

не воспользовалось предоставленным ему историей шансом.

В обстановке переходного периода, когда еще только обозначились контуры формирующегося гражданского общества и правового государства, единственной реальной силой преобразований в стране являлись государственные институты и структуры, вступившие после Манифеста 17 октября в стадию своего постепенного обновления. Недаром Столыпин сделал ставку на это «обновляющееся» государство, которое, обладая колоссальными материальными и человеческими ресурсами, могло в буквальном смысле этого слова «вытянуть» Россию на качественно новый виток развития, закрепить за ней роль подлинно великой мировой державы в условиях обострения международной борьбы. При этом он вел речь не о прежней тотальной монополии государства, как это имело место в России на протяжении веков, а о новом типе государства как творческой созидательной силе, действующей совместно с общественными силами. Столыпин был убежден в том, что в переходный период, который переживала Россия, следует наращивать «присутствие» государства в экономике, социальной сфере, образовании и культуре. Вместе с тем он стремился максимально задействовать и ресурсы самого общества. По сути, речь шла о

поиске оптимального соотношения долей участия и государства, и общества в построении новой России. Эта столыпинская идея красной нитью проходила через всю программу системных реформ, технологическую «цепочку» ее реализации. По мнению Столыпина, тенденция к сотворчеству власти и общества должна была привести к расширению «поля» их взаимного пересечения для разрешения глобальной общей задачи — формирования в России гражданского общества и правового государства.

Во-вторых, Столыпин, осознавая масштабы накопившихся за века проблем, предложил обществу системную программу реформ. Только такая единая синтетическая программа, синхронно реализуемая в течение всего переходного периода, являлась, по его мнению, единственно эффективной, позволяющей по мере ее осуществления постепенно, без «скачка» и «откатов», шаг за шагом уменьшать идеологическое и политическое противостояние в российском обществе. Столыпину удалось, по крайней мере на концептуальном уровне, амальгировать «общую идею» и «программу», «технологии» ее реализации в единое целое. Подобный опыт органического сочетания замысла, содержательных задач и путей их решения представляется продуктивным и актуальным и в наши дни. Приступать к созиданию нового, не опираясь на синтетический подход, непродуктивно.

Будучи рационалистом, Столыпин понимал, что для вывода российского общества из конфронтационного состояния необходимо предложить такую системную программу, которая бы со всей очевидностью, во-первых, четко и определенно обозначала конечную цель преобразований, во-вторых, намечала реальные пути к ее достижению. Только в этом случае общество может сделать свой выбор: либо поддержать, либо отвергнуть предложенную модель (тип) модернизации страны. Дорожа репутаций ответственного политика, Столыпин не скрывал ни своих конечных целей, ни содержания программы, ни технологий их реализации. В условиях идеологического и политического противостояния в российском обществе, традиционного разгула демагогии и популизма такая позиция была рассчитана на здравый смысл, на выявление и мобилизацию здоровых сил, которым, с одной стороны, чужда огульная критика исторических традиций, и которые, с другой стороны, ориентированы на творческое созидание нового. Недаром Столыпин пытался найти равнодействующую между традициями и инновациями, рассчитывая задействовать в качестве мобилизационных факторов созидания рациональные элементы старого и нового. Позиция здравого смысла, занятая Столыпиным в условиях общественного противостояния, «сшибки» интере-

сов, была непопулярна, ибо не в полной мере учитывала степень и глубину конфликтов, не шла по пути поиска упрощенных решений, выяснения отношений традиционными методами насилия. Однако в исторической перспективе столыпинская позиция здравого смысла представляется единственно правильной и реалистичной, ибо она предоставила российскому обществу шанс вырваться из перманентного состояния идеологического и политического клинча, перекрывающего перспективу мирного эволюционного развития. К сожалению, тогдашнее российское общество еще не созрело для восприятия программы, в основе которой лежали идея «общего блага» и идея здравого разрешения конфликтов — не методами разрубления их, а цивилизационными приемами их постепенного «развязывания».

В-третьих, возглавив в экстремальной ситуации правительство, Столыпин был убежден в том, что в условиях переходного периода исполнительная власть должна смело брать в свои руки инициативу системных преобразований в России, ибо в противном случае она может быть перехвачена деструктивными силами, которые своими непредсказуемыми действиями могут привести страну к национальной катастрофе. Он рассчитывал сформировать сильную и эффективную вертикаль власти,

осознающую цель и пути движения страны как в текущей, так и в долгосрочной перспективе. В «коридоре» имевшихся в его распоряжении возможностей Столыпин предпринимал меры для формирования команды единомышленников. Это была одна из сложнейших и до конца не решенных Столыпиным задач, ибо назначение руководителей министерств и ведомств, губернаторов, наместников находилось вне его компетенции. Разумеется, в рамках возможного он пытался влиять на формирование структур исполнительной власти. Однако это влияние все же было весьма относительным и не позволило, в конечном счете, осуществить ту кадровую перестройку, которая должна была стимулировать и процесс реформ. Не вина Столыпина, что ему не удалось преодолеть торможение реформ со стороны властных институтов и структур, которые продолжали возглавлять чиновники старой генерации, привыкшие решать дела в апробированной веками бюрократической манере. Попытки Столыпина очистить административный аппарат от подобного рода чиновников, как правило, сопровождались скандалами и далеко не всегда давали ожидаемый эффект. В императорской России на всех ступенях властной вертикали оказалось огромное число «неприкасаемых», с ними справиться Столыпину было явно не под силу.

Привыкшая к «подковерной борьбе» за сохранение своих властных функций, напрямую апеллирующая к верховной власти в случае ее разоблачения, пронизанная амбициями и коррупционными вожделениями, значительная часть административного аппарата власти боялась и смертельно ненавидела «провинциального выскочку», покусившегося на ее монопольное право распоряжаться всем и вся.

Столыпин болезненно воспринимал подобного рода патовую ситуацию с кадрами, ибо считал, что для построения новой России нужна иная генерация людей. По его мнению, ключевую роль в процессе трансформации страны приходится играть формирующемуся среднему классу. Именно средний класс должен был «сцементировать» расколотое и конфликтное российское общество, «стянуть» его маргинальные фланги. Средний класс должен был стать основой складывающегося гражданского общества, прочной социальной базой для правового государства. Средний класс должен был стать «мотором» создания современной рыночной экономики. Упрочив свое экономическое, социальное, правовое положение, средний класс объективно должен был стать источником пополнения кадров по всей вертикали исполнительной и представительной ветвей власти, вытеснив постепенно из них

старые страты, привыкшие к традиционным формам управления страной и доведшие ее, как известно, до очередного системного кризиса.

В четвертых, Столыпин стал одним из первых политических лидеров, кто начал «наводить мосты» с общественными институтами и структурами, рассчитывая привлечь их к совместному «развязыванию» конфликтных узлов. До Столыпина власть и общество действовали в двух параллельных, не пересекающихся областях, предлагали и отстаивали диаметрально противоположные модели развития страны. Столыпин же предложил обществу от имени исполнительной власти совместно решать стоящие перед Россией проблемы. Он выступал в роли публичного политика, который в свободной дискуссии с депутатами Государственной думы и членами Государственного совета четко и ясно обозначил политику правительства, неустанно разъяснял замысел, содержание и технологии реализации программы реформ. В его лице общество впервые увидело, как работает правительство, какие цели и задачи (текущие и перспективные) оно решает. Опыт публичной деятельности Столыпина показывает, что правительство должно не только декларировать свою программу деятельности, но оно обязано ее публично разъяснять, каждый раз доказывая, какие конкретные результаты после ее реа-

лизации получит общество. Недаром Столыпин столько времени проводил в Государственной думе и Государственном совете, пытаясь убедить народных избранников в обоснованности правительственного курса реформ. Участвуя в думских дебатах, Столыпин на протяжении пяти лет показал себя одним из наиболее глубоких государственно мыслящих людей России, для которого ее общенациональные интересы являются основными и определяющими. Впервые перед обществом предстал политик общенационального масштаба, который защищал не узководственные, корпоративные или групповые, а именно общегосударственные интересы. Ради этого он не жалел ни сил, ни времени, ни здоровья, ибо был глубоко убежден, что российское общество, рано или поздно, должно измениться и стать на конструктивную позицию.

В-пятых, Столыпин являлся подлинным патриотом своей страны. Он ни на минуту не мог себе представить, что от нее может «отпасть» какая-либо «пядь» земли, которую завоевали и обустроивали несколько поколений россиян, представлявших различные национальности и конфессии. Он был убежден в том, что обновленная Россия должна стать единым экономическим, правовым, политическим и социокультурным пространством. Выступая за предоставление гражданских и политических прав,

снятие разного рода ограничений по национальному и конфессиональному признаку, Столыпин расчищал путь к формированию российской нации. Движение к этой цели, по его мнению, должен был возглавить русский народ — ядро российской государственности. В условиях нарастания национальных и конфессиональных конфликтов, пробуждения национального самосознания Столыпин полагал, что если не приступить немедленно к правовому урегулированию этих острых проблем, то может наступить момент, когда «ослабленный центр» окажется не в состоянии справиться с сепаратистскими тенденциями, провоцируемыми националистическими силами, и с логической неизбежностью произойдет распад империи. Решение национальных и конфессиональных проблем он видел на пути правового «выравнивания» гражданских и политических прав и свобод различных национальностей и конфессий, распространения на всю территорию России местного самоуправления, с постепенной передачей ему функций исполнительной власти. К сожалению, Столыпин, ратующий за сохранение единства и целостности империи, не был услышан и понят лидерами национальных движений, уже в это время взявших курс на отделение в перспективе от России. Более того, он не был понят и поддержан общероссийскими либе-

ральными и социалистическими партиями. Если первые настаивали на идее автономии и децентрализации, то вторые выставляли уже лозунг национального самоопределения вплоть до отделения от России и образования самостоятельных государств. Опасность этих идей для будущего России Столыпин прекрасно понимал и пытался противодействовать этим негативным тенденциям. По примеру США и Великобритании — стран, которым удалось создать единую нацию и мобилизовать ее на конструктивное решение проблем современной эпохи, Столыпин в России также хотел сформировать не только гражданское общество и правовое государство, но и единую российскую нацию.

В-шестых, основополагающей исходной идеей создания Великой России Столыпин считал полное и окончательное раскрепощение человека, который должен был превратиться из традиционного «винтика» в подлинно творческую и созидательную личность. Вместе с тем освобождение личности подразумевало воспитание в ней чувства ответственности перед обществом и государством и, наконец, перед потомками и будущим страны. Это была глубоко нравственно-этическая позиция здравогомыслящего человека. В отличие от демагогов и популистов, которых в России было и есть легион, Столыпин не призывал к насильственному изъяс-

тию или переделу собственности, не провоцировал бедных грабить богатых, а предлагал создать благоприятные условия для самореализации трудящихся слоев населения, организации собственного рационального хозяйства, выбора достойной профессии, соответствующей природным склонностям каждого. По сути, впервые в истории России личность приглашалась к сотрудничеству с государством. Столыпинская идея соединения правового государства и свободной личности в деле совместного решения проблем построения Великой России позволила бы создать современную рыночную экономику, улучшить материальное положение населения, укрепить военно-стратегическую мощь страны.

Столыпинская программа была пронизана стремлением сформулировать предпосылки и условия для всестороннего раскрытия потенциальных возможностей человека, заложенных природой, сделать свободную личность партнером государства, преследующего цель всеобщего блага. Столыпин понимал, что без раскрепощения личности вообще не имеет смысла говорить о реальном гражданском обществе в России, а без формирования гражданского общества страна обречена на перманентное кризисное состояние. Вместе с тем гражданское общество, сформированное из независимых и свободлюбивых, целеустремленных и творчески актив-

ных личностей, способно, по мысли Столыпина, создать и полноценные общественные институты и структуры. Имелись в виду политические партии и законодательные учреждения, способные артикулировать и транслировать интересы общества.

В условиях переходного периода в России было создано более 280 политических партий, что, впрочем, в большей степени отражало резко конфликтное состояние общества, чем потребности последнего в таком количестве партийных структур. Явно избыточное число политических партий в России в начале XX в., на несколько порядков превышающее гипотетически мыслимые модели переустройства страны, свидетельствовало о поляризованности российского общества, дисперсности его идеологических и политических пристрастий. Все это способствовало «раскачиванию лодки» и, следовательно, вело к дестабилизации политической обстановки.

Согласно законодательству об обществах и союзах 4 марта 1906 г., лица, занимающие административные посты (не говоря уже о министрах), не имели права принимать участие в партийной жизни. Занимая «внепартийную» позицию, правительство фактически самоустранилось от создания политических партий, на которые оно могло бы опираться при проведении своего внутривластного

го курса. Это была общепринятая установка и позиция, которую не мог не разделять Столыпин. Следует подчеркнуть, что в тот исторический период правительство так и не осознало необходимости активного участия в партийном строительстве, отдавая его всецело на откуп обществу. Те партии, которые вели между собой ожесточенную идеологическую и политическую борьбу, не внушали Столыпину ни малейшего доверия, и он явно не спешил делать на них ставку. Правоконсервативные партии его не устраивали потому, что по преимуществу преследовали узкокорыстные и корпоративные интересы, которые далеко не совпадали с общегосударственными. Консервативно-либеральные партии, поддерживая политику правительства в 1905 г., столыпинскую аграрную реформу, проявили себя в дальнейшем социально безответственными, всячески блокируя социальные реформы. Что же касается собственно либеральных и особенно социалистических партий, то они занимали антиправительственную позицию.

В III Думе Столыпин попытался сделать ставку сначала на октябристов, а затем на умеренных националистов. Однако и этот его опыт оказался весьма кратковременным и не оправдавшим надежд. По логике вещей Столыпину следовало бы самому заняться формированием проправительственной

партии, но это, как отмечалось выше, уже выходило за рамки закона. Поэтому попытки Столыпина найти себе поддержку со стороны думских партийных фракций были рассчитаны на обеспечение большинства голосов при проведении правительственных проектов. Опыт общения Столыпина с думскими фракционными лидерами оказался негативным. Поэтому ему пришлось делать основную ставку, во-первых, на административный ресурс, а во-вторых, на свое мастерство публичного политика, умение убеждать депутатов представительных учреждений в необходимости поддержки правительственной программы реформ.

В-седьмых, заслуживает внимания и личное поведение Столыпина в экстремальных ситуациях. Пережив десять покушений на свою жизнь, Столыпин показал себя мужественным и волевым человеком. Несмотря на постоянную угрозу террористических актов, он продолжал вести беспощадную борьбу с разного рода с «революционными эксцессами», согласился на введение военно-полевых судов, осуществил «бескровный» роспуск I и II Думы, ввел в действие новый избирательный закон 3 июня 1907 г., позволивший в конце концов сформировать более или менее работоспособное народное представительство. Для проведения всех этих непопулярных в обществе акций требовалась

твердая воля. Отметим, что в 1905–1906 гг., в условиях разгула в стране революционного террора, далеко не все административные лица вели себя достойно: отказывались под разными предлогами занимать посты, уходили в отставку, а были и такие, кто вел двойную игру, заигрывая с революционерами. Столыпину же были чужды подобного рода колебания. Являясь государственным и патриотом своей родины, Столыпин был чужд каких-либо недомолвок и лицемерия.

Подводя общий итог, можно сказать следующее. Столыпин оставил потомкам богатое наследие. Во-первых, он предложил российскому обществу структурированную национальную идеологию, базовыми компонентами которой являлись: законность и правовой порядок, раскрепощение личности, единое и неделимое государство, сильная исполнительная власть, частная собственность и свободный труд, патриотизм и внешнеполитический авторитет великой державы. Во-вторых, он предложил обществу и технологии реализации своей программы системных реформ.

Проблема, которая стоит перед современным обществом и современными политическими элитами, состоит в том, сумеют ли они творчески распорядиться богатым столыпинским наследием. Как известно, сам Столыпин был решительным про-

тивником бездумного копирования и западноевропейского, и отечественного опыта. Он предлагал критически изучать этот опыт, находить сбалансированный учет традиций и инноваций. При этом он неизменно настаивал на четкости и определенности конечной цели, намечая, исходя из нее, программу постепенного перехода общества из одного состояния в другое. Это давало обществу вполне четкую направленность движения, способствовало мобилизации его внутреннего энергетического ресурса на решение действительно грандиозных задач.

Историческая заслуга Столыпина состоит в том, что он своими реформами, образно говоря, провел борозду между старой Россией и новой Россией, приступил к формированию качественно иной экономической, политической и социокультурной ткани будущего. За пять лет ему удалось добиться весьма и весьма существенных результатов в деле продвижения России в качественно иное состояние. При этом темпы движения вперед наращивались с каждым годом. И не вина Столыпина, что у него не оказалось достойной смены, способной закрепить достигнутые результаты. Начав крутой поворот России к ее великому будущему, Столыпин оказался «врубленным» в общественном сознании. Недаром, спустя почти век, вокруг его имени не утихают бурные дискуссии, причем не менее ост-

рые и жаркие, чем при его жизни. Это свидетельствует об одном: Петр Аркадьевич Столыпин действительно оставил яркий след в истории России начала XX в. Иного и не могло быть, ибо он искренне любил Россию и желал ей великого будущего.

Оглавление

Предисловие	5
<i>Глава первая</i>	
Концепция разрешения системных кризисов и методология реформ	13
<i>Глава вторая</i>	
Программа системных реформ	40
<i>Глава третья</i>	
Технологии реализации правительственного курса	108
<i>Глава четвертая</i>	
Итоги и перспективы	185
Почему актуален опыт Столыпина сегодня? (вместо заключения)	217

П. А. Пожигайло, В. В. Шелохаев

Петр Аркадьевич Столыпин.
Интеллект и воля

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 21.10.2011.
Формат 84x108/32. Печать офсетная
Усл. печ. л. 12,6. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел/факс 334-82-42 (отдел реализации)